

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

МИНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Межведомственный сборник

Выпуск 10

Международное рабочее
и освободительное движение.
Международные отношения
в новое и новейшее время

Минск

Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1983

Редакционная коллегия:

В. М. Фомин (главный редактор),
А. А. Василевский (зам. главного редактора),
А. П. Сальков (отв. секретарь), *Г. И. Волчек*, *Г. С. Ев-*
докименко, *И. Я. Мараш*, *И. В. Оржеховский*, *В. В. Чеп-*
ко, *Р. А. Чикалов*, *Л. М. Шнейерсон*

Сборник посвящен актуальным вопросам истории международного рабочего и освободительного движения, а также истории международных отношений нового и новейшего времени.

Освещаются некоторые существенные этапы развития рабочего движения в Германии, в странах Латинской Америки (Куба, Венесуэла), деятельность КП США после XXII съезда; анализируются ряд событий из области международных отношений XIX—XX вв., в том числе современных.

Рассчитан на научных работников, аспирантов, слушателей народных университетов международных отношений.

В 0504040000—020 15—83
М317—83

1. МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

О. Г. Радькова

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ГЕРМАНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ЗА МАРКСИСТСКУЮ ПАРЛАМЕНТСКУЮ ТАКТИКУ (90-е гг. XIX в.)

Основоположники марксизма-ленинизма рассматривали парламентскую деятельность пролетарских партий как мощное средство пропаганды демократических и социалистических идей. Они указывали, что использование буржуазного парламентаризма революционными социал-демократами должно подчиняться решению общих задач рабочего движения, достижению его конечной цели — завоеванию политической власти. Участие рабочих в избирательных кампаниях, парламентская трибуна предоставляют большие возможности для политической агитации, борьбы за повседневные насущные требования трудящихся. Парламентская работа пролетарских партий не является самоцелью, она лишь средство усиления внепарламентской борьбы, развития «всеми мерами классового сознания, социалистической ясности мысли, революционной решительности и всесторонней организованности рабочих масс»¹.

В конце XIX в. в социалистических партиях II Интернационала развернулась острая борьба вокруг вопроса об использовании буржуазного парламентаризма в интересах рабочего класса. Цюрихский и Лондонский конгрессы призывали пролетариат применять все средства для достижения конечной цели, в том числе и парламентскую деятельность, потребовали от социалистических партий проведения в парламенте политики рабочего класса².

В использовании буржуазного парламентаризма германская социал-демократия накопила большой опыт. Ф. Энгельс считал заслугой немецких социалистов то, что «они дали своим товарищам во всех странах новое оружие — одно из самых острых, — показав им, как нуж-

законопроекты в защиту экономических прав рабочих, последовательно боролась за расширение их политических прав.

С отменой в 1890 г. исключительного закона против социалистов рабочий класс получил возможность более широко использовать в своих интересах институты буржуазной демократии. В этой ситуации парламентская трибуна становилась для социал-демократической партии средством агитации среди масс. Но использование буржуазного парламентаризма таило в себе и глубокую опасность, ибо порождало у некоторой части пролетариата и примкнувших к рабочему движению мелкобуржуазных элементов иллюзии о возможности с помощью лишь избирательного права осуществить свои цели.

Переход социал-демократии к легальной деятельности привел к острой идейной борьбе внутри партии по стратегическим и тактическим проблемам, в том числе и по вопросу использования буржуазного парламентаризма, так как в конечном итоге он непосредственно связан с коренными вопросами борьбы за власть. Реформы, частичные преобразования должны быть подчинены борьбе за победу революции, способствовать развитию массового революционного движения, а не подменять его. Здесь и выявились принципиальные различия, противоположность тактики революционных марксистов и оппортунистов различных направлений. Внутри социал-демократической партии сложились три направления: марксистское, анархистское (оппозиция «молодых») и реформистское⁸.

Революционное ядро партии считало, что прежняя тактика ведения широкой пропагандистской и организационной работы, укрепления массовой пролетарской партии, использования парламентской трибуны должна быть сохранена. Эта тактика соответствовала задачам «мирной» подготовки к будущим революциям.

Левосектантские силы, так называемые «молодые», выступили за отказ от использования буржуазного парламентаризма⁹. Их руководители М. Шиппель, Г. Мюллер, П. Кампфмейер связывали свой отказ со справедливым недоверием многих рабочих к оппортунистам в социал-демократической фракции рейхстага. Но при этом они направляли свою критику не против действительных оппортунистов во фракции, а против революционного большинства партии, возглавляемого А. Бебелем и

законопроекты в защиту экономических прав рабочих, последовательно боролась за расширение их политических прав.

С отменой в 1890 г. исключительного закона против социалистов рабочий класс получил возможность более широко использовать в своих интересах институты буржуазной демократии. В этой ситуации парламентская трибуна становилась для социал-демократической партии средством агитации среди масс. Но использование буржуазного парламентаризма таило в себе и глубокую опасность, ибо порождало у некоторой части пролетариата и примкнувших к рабочему движению мелкобуржуазных элементов иллюзии о возможности с помощью лишь избирательного права осуществить свои цели.

Переход социал-демократии к легальной деятельности привел к острой идейной борьбе внутри партии по стратегическим и тактическим проблемам, в том числе и по вопросу использования буржуазного парламентаризма, так как в конечном итоге он непосредственно связан с коренными вопросами борьбы за власть. Реформы, частичные преобразования должны быть подчинены борьбе за победу революции, способствовать развитию массового революционного движения, а не подменять его. Здесь и выявились принципиальные различия, противоположность тактики революционных марксистов и оппортунистов различных направлений. Внутри социал-демократической партии сложились три направления: марксистское, анархистское (оппозиция «молодых») и реформистское⁸.

Революционное ядро партии считало, что прежняя тактика ведения широкой пропагандистской и организационной работы, укрепления массовой пролетарской партии, использования парламентской трибуны должна быть сохранена. Эта тактика соответствовала задачам «мирной» подготовки к будущим революциям.

Левосектантские силы, так называемые «молодые», выступили за отказ от использования буржуазного парламентаризма⁹. Их руководители М. Шиппель, Г. Мюллер, П. Кампфмейер связывали свой отказ со справедливым недоверием многих рабочих к оппортунистам в социал-демократической фракции рейхстага. Но при этом они направляли свою критику не против действительных оппортунистов во фракции, а против революционного большинства партии, возглавляемого А. Бебелем и

а также попыткам Фольмара превратить парламент в центр деятельности социал-демократии.

В выступлении на съезде А. Бебель обосновал марксистскую тактику использования буржуазного парламента, выяснил роль реформы в классовой борьбе пролетариата при капитализме, высказал мысль о недопустимости беспринципных компромиссов с буржуазными партиями. На первое место он выдвинул пропаганду революционных идей в массах, устную агитацию в союзах и на собраниях, на второе — партийную прессу и только на третье — парламентскую деятельность, главная задача которой — «завоевание масс и воспитание сознательных классовых борцов». С предельной ясностью А. Бебель дал ответ на вопрос, как социал-демократия должна использовать буржуазный парламентаризм. Представители рабочего класса в парламенте должны показывать массам, что господствующие классы не хотят осуществлять требования рабочих. «Воспитание масс путем разоблачения политики наших противников есть главный вопрос нашей парламентской деятельности», — заявил А. Бебель¹⁵. Таким образом, попытки оппортунистов навязать социал-демократии мелкобуржуазную тактику потерпели провал. Однако это не означало, что они сложили оружие.

В 1894 г., нарушив традиционный и непреложный принцип — «этой системе ни одного человека, ни одного гроша», социал-демократические депутаты баварского ландтага проголосовали за утверждение внесенного правительством бюджета. Так как это вызвало протесты в партии, баварские социал-демократы поторопились провести свой съезд, одобливший поведение фракции. Г. Фольмар заявил на съезде в Мюнхене: «Мы не желаем предоставить обществу идти к упадку, но чтобы оно органически преобразовалось и развивалось соответственно нашим принципам; мы желаем не разрушить общество, но завоевать его нашему народу»¹⁶.

Поведение социал-демократической фракции баварского ландтага стало главным предметом прений на Франкфуртском съезде партии (1894). Между сторонниками оппортунистической тактики, доказывавшими, что голосование за бюджет есть вопрос практической целесообразности, и революционными социал-демократами, настаивавшими на сохранении старой тактики, разгорелись жаркие споры. Предложенная А. Бебелем резолю-

а также попыткам Фольмара превратить парламент в центр деятельности социал-демократии.

В выступлении на съезде А. Бебель обосновал марксистскую тактику использования буржуазного парламента, выяснил роль реформы в классовой борьбе пролетариата при капитализме, высказал мысль о недопустимости беспринципных компромиссов с буржуазными партиями. На первое место он выдвинул пропаганду революционных идей в массах, устную агитацию в союзах и на собраниях, на второе — партийную прессу и только на третье — парламентскую деятельность, главная задача которой — «завоевание масс и воспитание сознательных классовых борцов». С предельной ясностью А. Бебель дал ответ на вопрос, как социал-демократия должна использовать буржуазный парламентаризм. Представители рабочего класса в парламенте должны показывать массам, что господствующие классы не хотят осуществлять требования рабочих. «Воспитание масс путем разоблачения политики наших противников есть главный вопрос нашей парламентской деятельности», — заявил А. Бебель¹⁵. Таким образом, попытки оппортунистов навязать социал-демократии мелкобуржуазную тактику потерпели провал. Однако это не означало, что они сложили оружие.

В 1894 г., нарушив традиционный и непреложный принцип — «этой системе ни одного человека, ни одного гроша», социал-демократические депутаты баварского ландтага проголосовали за утверждение вносимого правительством бюджета. Так как это вызвало протесты в партии, баварские социал-демократы поторопились провести свой съезд, одобрявший поведение фракции. Г. Фольмар заявил на съезде в Мюнхене: «Мы не желаем предоставить обществу идти к упадку, но чтобы оно органически преобразовалось и развивалось соответственно нашим принципам; мы желаем не разрушить общество, но завоевать его нашему народу»¹⁶.

Поведение социал-демократической фракции баварского ландтага стало главным предметом прений на Франкфуртском съезде партии (1894). Между сторонниками оппортунистической тактики, доказывавшими, что голосование за бюджет есть вопрос практической целесообразности, и революционными социал-демократами, настаивавшими на сохранении старой тактики, разгорелись жаркие споры. Предложенная А. Бебелем резолю-

ция была дополнена поправкой, ослаблявшей ее революционную направленность, поэтому марксисты проголосовали против¹⁷. Съезд по данному вопросу не принял резолюции, что позволило баварским реформистам нарушать принципы партии.

Рост рабочего движения в стране расширял возможности социал-демократии в использовании избирательной борьбы и парламентской трибуны. Выборы в рейхстаг являлись своеобразным смотром боевых сил пролетариата. Защита социал-демократией интересов народных масс способствовала росту ее авторитета среди трудящихся, которые отдавали партии рабочего класса свои голоса на парламентских выборах. Если на выборах в рейхстаг в 1890 г. за социал-демократов проголосовало 1 млн. 400 тыс. избирателей и они провели 35 своих депутатов, то на выборах 1898 г. число поданных за социал-демократию голосов возросло до 2 млн. 100 тыс., а полученных мандатов до 56¹⁸. Революционная парламентская тактика применялась с успехом и на выборах в местные ландтаги.

Во второй половине 90-х гг. вновь усиливаются атаки оппортунистов на революционную парламентскую тактику. Успехи социал-демократов на парламентских выборах, годы мирного легального развития, некоторое улучшение социального положения рабочих, достигнутое в результате упорной классовой борьбы, порождали иллюзии о мирном переходе к социализму. Э. Бернштейн и его сторонники видели в использовании парламента и муниципалитетов, в осуществлении социальных реформ путь к постепенному вращанию в социализм. Главная их идея — отказ от пролетарской революции как единственного средства свержения капиталистического строя.

Вопрос о парламентской тактике стал особенно актуален в связи с выборами в прусский ландтаг. В течение нескольких лет в партии длились дискуссии по вопросу об участии в этих выборах. В отличие от рейхстага прусский ландтаг избирался на основе реакционной трехклассной избирательной системы, при которой социал-демократия не имела шансов собственными силами провести своего кандидата. Поэтому она не принимала участия в выборах. В связи с опасным ростом влияния юнкерства в ландтаге, где чуть не прошел малый закон против социалистов, вопрос о выборах снова был поднят и включен в повестку дня Гамбургского съезда партии

(1897). Среди лидеров революционных социал-демократов не было единства. За участие в выборах высказались А. Бебель и К. Цеткин, считавшие, что для партии пришло время действовать, против — В. Либкнехт и П. Зингер. Резолюция съезда разрешала участие в выборах там, где позволяли условия, но запрещала компромиссы и союзы с другими партиями¹⁹.

Несмотря на резолюцию Гамбургского съезда, ревизионисты, преувеличивая значение парламентаризма, стремились завоевать любой ценой мандаты и готовы были ради этого заключить самые широкие компромиссы с буржуазными партиями, жертвуя при этом принципами классовой борьбы. Они призывали вступить в союз с буржуазией на выборах в прусский ландтаг в 1898 г.²⁰

Революционные социал-демократы выступили против беспринципных союзов. Ф. Меринг решительно отверг проповедь ревизионистами буржуазного реформизма²¹. Р. Люксембург в серии статей «Социальная реформа или революция?» указывала, что с помощью социальных реформ и «курятника буржуазного парламентаризма» невозможно осуществление социализма, для этого необходима социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата²².

В 1899 г. на выборах в местный ландтаг руководство баварской организации социал-демократической партии вступило в избирательную сделку с реакционной партией католического центра и на практике начало осуществлять опасные сговоры с буржуазией.

Революционные марксисты В. Либкнехт, Р. Люксембург, П. Зингер и другие резко осудили проводимую ревизионистами политику соглашений с буржуазными партиями, подчинения рабочих буржуазному влиянию. В августе 1899 г. В. Либкнехт написал брошюру «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений», в которой разоблачал Бернштейна и его сторонников, отстаивал основные марксистские принципы классовой борьбы. «Защитники тактики компромиссов,— писал В. Либкнехт,— в большинстве случаев переоценивают значение парламентской деятельности и парламентских мандатов. Это вовсе не значит, что я отрицаю огромную пользу парламентской деятельности, но все же она является не целью, а лишь средством для достижения цели»²³.

Любекский съезд партии (1901) осудил поведение

баденцев, принял резолюцию А. Бебеля, которая требовала от социал-демократических депутатов строгого соблюдения программы партии и принципов пролетарской борьбы²⁴.

Таким образом, в 90-е гг. XIX в. в связи с возросшей ролью парламентской деятельности между революционными силами и оппортунистами в социал-демократической партии Германии шла острая идейная борьба по вопросу использования буржуазного парламентаризма в интересах рабочего класса. Марксисты выступили в защиту революционной парламентской тактики как средства усиления внепарламентской классовой борьбы пролетариата.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 26.

² Protokoll des internationalen Arbeiterkongress in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893.— Zürich, 1894, S. 40—41; Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiter—und Gewerkschaftskongresses zu London — Berlin, 1896, S. 17.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 539.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 80.

⁵ Там же, т. 23, с. 366.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 540.

⁷ Там же, т. 34, с. 336.

⁸ Овчаренко Н. Е. В борьбе за революционный марксизм: Проблемы теории, тактики и организации германской социал-демократии в конце XIX в.— М., 1967, с. 152.

⁹ Secber G. Wahlkampf, Parlamentsarbeit und revolutionäre Politik.— In: Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung. Berlin, 1970, S. 292.

¹⁰ Sächsische Arbeiterzeitung, 1890, 23 Jul.

¹¹ Berliner Volksblatt, 1890, 15 Aug.

¹² Ibid., 1890, 3. Beilage, 12 Sept.

¹³ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Halle vom 12. bis 18 Okt. 1890.— Berlin, 1890, S. 277—279.

¹⁴ Vollmar G. Über die nächsten Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie. Zwei Reden, gehalten am 1 Juni und 6 Juli 1891 im «Eldorado» zu München, 1891, S. 11—14, 18.

¹⁵ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891.— Berlin, 1891, S. 159, 164, 174.

¹⁶ Цит. по: Геркнер Г. Рабочий труд в Западной Европе.— Спб., 1899, с. 490—491.

¹⁷ Чубинский В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции.— М., 1968, с. 186.

¹⁸ Fricke D. Die deutsche Arbeiterbewegung. Ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf.— Berlin, 1976, S. 526.

¹⁹ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hamburg vom 3. bis 9. Oktober 1897.— Berlin, 1897, S. 154.

²⁰ Sozialistische Monatshefte, 1898, N 11, S. 492.

²¹ Leipziger Volkszeitung, 1898, 19, 28, 29 Sept.

²² Ibid, 1899, 7 Apr.

²³ Либкнехт В. Никаких компромиссов.— М., 1958, с. 83.

²⁴ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Lübeck vom 22, bis 28 Sept. 1901— Berlin, 1901, S. 99.

В. С. Кошелев

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

БЕРЛИНСКИЙ ЦЕНТР
ЕГИПЕТСКИХ НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТОВ
(1914—1924 гг.)

Накануне первой мировой войны силы египетского национально-освободительного движения подверглись жестоким репрессиям со стороны английских колониальных властей. Особенно серьезно пострадала Национальная партия — по существу единственная тогда в Египте революционная сила. Многие ее лидеры и наиболее активные члены были арестованы, брошены в тюрьмы или высланы за пределы страны. Оказавшись в изгнании, патриоты не прекратили борьбы. В то время как в самом Египте возможности легальной работы практически были сведены к нулю, их свободный голос из-за границы приобретал особенное значение для формирования нового поколения борцов за национальную независимость. Вплоть до окончания войны сфера деятельности египетских националистов переместилась в Европу, где сложилось несколько центров национально-патриотических сил. Об одном из них — берлинском — и пойдет речь в настоящей статье.

Начавшаяся в Европе война вызвала у многих деятелей Национальной партии, и в особенности у тех, кто оказался в изгнании, иллюзии относительно решения национальной проблемы с помощью враждебного Англии блока империалистических держав. Отсюда — попытки ориентироваться на Германию и Турцию, восстановление контактов с бывшим хедивом Аббасом Хильми II, которого англичане лишили египетского трона в августе 1914 г. Подобная ориентация определялась своеобразием международной обстановки и отвечала в известной степени первоначальным тактическим установкам Национальной партии. Достаточно сказать в этой связи, что

еще в конце XIX в. Мустафа Камиль, выдающийся египетский патриот и основатель Национальной партии, возлагал большие надежды на помощь Европы в борьбе за национальный суверенитет и вывод английских войск из Египта. Эта установка сохранялась и тогда, когда центр деятельности египетских патриотов переместился за границу.

Применительно к кануну первой мировой войны можно говорить о египетской патриотической эмиграции как о политической силе. Лидеры Национальной партии (Мухаммед Фарид, Абд аль-Азиз Гавиш и др.), оказавшиеся в изгнании, с помощью различного рода обращений, памфлетов и публикаций в прессе, патриотических конференций и собраний, а также используя личные контакты с представителями II Интернационала, стремились убедить общественное мнение Европы в необходимости признания прав египетского народа на политическое самоопределение¹. При этом все большие надежды возлагались на Германию, император которой Вильгельм II провозгласил себя накануне войны «покровителем ислама».

Призывы египетских патриотов к правящим кругам кайзеровской Германии оставались без ответа. Когда в октябре 1911 г. председатель Национальной партии Мухаммед Фарид пытался добиться разрешения на проведение очередного конгресса египетских националистов в Берлине, ему было отказано. Столь осторожная позиция правящих кругов Германии объяснялась прежде всего тем, что они рассчитывали утвердиться в Египте с помощью находившейся под их влиянием османской Турции. Проделанный Л. Ратманом (ГДР) анализ немецких публикаций по египетскому вопросу свидетельствует, что буржуазно-помещичья пресса Германии также неодобрительно относилась к национальным чаяниям египетского народа. В 1907 г. газета «Пройсише (Кройц-) цайтунг» писала: «Лорд Кромер совершил в Египте ряд ошибок, но наибольшей ошибкой все же было бы предоставление Египту самоуправления, как этого требуют египетские патриоты»².

С началом империалистической войны положение дел заметно изменилось. Германские военно-политические круги стали проявлять гораздо больший, нежели раньше, интерес к египетским националистам, намереваясь использовать их в борьбе против Англии. Кайзеров-

ские генералы, в частности, вынашивали планы антибританского восстания в долине Нила в момент предполагаемого наступления на Суэцкий канал. Ставка делалась как на бывшего хедива Аббаса Хильми II, так и на представителей национально-патриотических сил. В. И. Ленин писал в этой связи: «Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п.»³.

И если контакты Аббаса Хильми II с германским империализмом заведомо были направлены против подлинных интересов египетского народа, то этого нельзя сказать в отношении большинства представителей национально-патриотических сил. Последние видели в сотрудничестве с Германией эффективное средство в борьбе за ликвидацию британского господства и достижение полной национальной независимости. Такая позиция являлась непосредственным результатом их политической близорукости и заблуждения. Во многом она объяснялась вполне сознательной ориентацией многих деятелей освободительного движения на использование в своих интересах межимпериалистических противоречий.

Первоначально представители египетского освободительного движения, находившиеся в Германии, объединялись в рамках «Младоегипетского национального комитета». От его имени Мухаммед Фарид провел в 1914—1917 гг. серию переговоров по египетскому вопросу с чиновниками министерства иностранных дел и политического отдела генерального штаба сухопутных войск Германии. Как свидетельствуют мемуары самого Фариды, в Египте планировалось антибританское вооруженное выступление⁴. Еще 28 августа 1914 г. через немецкого посланника в Берлине он просил содействия и помощи для переезда в Стамбул, чтобы оттуда руководить восстанием. Германское министерство иностранных дел пошло навстречу, инструктировав своего посла в Турции всячески поддерживать М. Фариду. Во избежание недоверия со стороны турецкого правительства к наметившемуся сотрудничеству посредником между вождем египетских националистов и немецким послом назначался известный чиновник компании Багдадской железной дороги д-р Шмидт. И все же османские власти, ревниво следившие за развитием этих контактов, выслали М. Фа-

рида из Турции. Остановившись в Швейцарии, он активно пропагандировал в местной прессе египетский вопрос. Помимо многочисленных патриотических статей им было опубликовано два памфлета: «К вопросу о нынешнем кризисе Османской империи» и «Интриги англичан против ислама». Фарид указывал в них на значение германо-турецких военных успехов для свержения колониального господства англичан в Египте. Однако в Берлине считали, что прогерманские тенденции в этих публикациях были выражены недостаточно сильно⁵.

Мухаммед Фарид понял, что за интересами официального Берлина к египетскому вопросу и национально-патриотическим силам скрывались прежде всего колониально-политические амбиции германского империализма. Поэтому он постоянно стремился к тому, чтобы сотрудничество с германским правительством было поставлено на прочную юридически-правовую основу. Во время переговоров в 1914—1916 гг. он по меньшей мере трижды требовал от Германии официальной декларации, которая бы гарантировала Египту сохранение независимости взамен помощи турецко-германскому блоку со стороны египетских национал-патриотов. Однако такой декларации не последовало, ибо идеалы египетских националистов были чужды германскому империализму. К концу войны М. Фарид окончательно убедился, что руководство кайзеровской Германии использовало египтян для осуществления собственных планов гегемонии и господства в долине Нила. В июле 1917 г. он с горечью констатировал, что «при обсуждении всеобщего или сепаратного мира пресса центральных держав ни разу не упомянула о Египте»⁶.

Аналогичный характер носила деятельность еще одного предводителя египетской патриотической эмиграции Мансура Рифаата. В период подготовки германо-турецкого наступления на Суэцкий канал он предлагал внешнеполитическому ведомству Германии организовать засылку в Египет небольшой группы студентов для осуществления антибританской агитации среди крестьян. Он настоятельно выступал за создание на территории Сирии арабского корпуса добровольцев с привлечением его к участию в военной кампании на Суэцком канале⁷. Как и Мухаммед Фарид, Рифаат стремился к юридической фиксации условий сотрудничества с Германией. Однако после провала германских планов захвата Суэцко-

го канала интерес к М. Рифаату в Берлине заметно пошел на убыль.

Особенно поучительными для египетских национал-патриотов были контакты с германскими кругами одного из лидеров национальной партии шейха Абд аль-Азиза Гавиша. Его политическая убежденность и глубокий патриотизм не могли не сказаться на характере этих контактов. Когда в октябре 1918 г. шейх Гавиш, находившийся в Стамбуле, решил вернуться в Берлин, он натолкнулся на противодействие немецкого посла, так как его пребывание в Германии уже расценивалось «политически нежелательным»⁸.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции многие египетские патриоты отказались от беспочвенных иллюзий в отношении кайзеровской Германии и стали искать поддержки у первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Весьма показательна в этой связи позиция вождя египетской патриотической эмиграции Мухаммеда Фариды. Спустя несколько недель после исторического обращения Советского правительства от 3 декабря 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» возглавляемый им Египетский национальный комитет в Берлине направил петицию участникам переговоров в Брест-Литовске, обращая их внимание на необходимость освобождения Египта в соответствии с принципом национального равенства, провозглашенного «Советами в Петербурге»⁹. В это же время Мухаммед Фарид и член руководства Национальной партии Абд аль-Малик Хамза выехали в Стокгольм с целью «заинтересовать тамошнего представителя большевиков Воровского египетской проблемой»¹⁰.

О силе воздействия Великого Октября на отдельных представителей египетской патриотической эмиграции свидетельствует, в частности, сложный процесс усвоения и пропаганды социалистических идей Исам эд-Дин Хифи Насифом¹¹. Сын одного из участников восстания Ораби-паши, он с первых же дней примкнул к антиколониальному восстанию 1919 г., стал активным членом Вафдистской партии. За распространение листовок, призывавших народ к свержению существовавшего режима, был арестован и приговорен к тюремному заключению. В 1920 г. выехал в Берлин на учебу. Вместе со своим братом Маджд эд-Дином он активно включился в пат-

риотическую деятельность египетской молодежи за рубежом. Маджд эд-Дин стал секретарем Общества египетских студентов в Париже¹². Исам эд-Дин возглавил аналогичное общество в Берлине. Оба контактировали с европейской социал-демократией и коммунистическим движением. Подобная эволюция отражала характерное направление в деятельности Обществ египетских студентов в Берлине, Париже и Риме. Отнюдь не случайно, что некоторые из студентов стали пропагандистами социалистических идей в Египте 30—40-х гг.

После окончания первой мировой войны значительная часть египетских патриотов консолидировалась в рядах «Комитета национальной обороны». Возглавляемая руководством Национальной партии, эта организация решительно выступила в защиту суверенных прав египетского народа. Мухаммед Фарид направил 2 апреля 1919 г. от имени Комитета в адрес Парижской мирной конференции специальную телеграмму, в которой требовал признания полной независимости долины Нила, допуска на конференцию делегации свободно избранных представителей египетского народа и освобождения всех патриотов, осужденных по политическим мотивам¹³.

В это время в самом Египте происходили важные и драматические события: массовое движение антиколониального протеста переросло в вооруженное восстание, которое англичане жестоко подавили. Египетские патриоты, находившиеся в изгнании, с воодушевлением встретили сообщение о начавшемся восстании, считая, что их движение, не прекращавшееся и в годы войны, пустило корни в Египте¹⁴. Берлинский Комитет национальной обороны опубликовал 19 марта 1919 г. декларацию, в которой подчеркивалось, что египтяне еще раз доказали всему миру, что они никогда не откажутся от своих неприкосновенных прав и что они «силой заставят Англию уважать ее же торжественные обязательства и заверение покинуть страну»¹⁵. В начале апреля Мансур Рифаат направил телеграммы жене президента Вильсона, папе римскому и главам правительств нейтральных стран с просьбой оказать давление на Англию в целях прекращения вооруженной борьбы против египетского народа. В конце апреля берлинский Комитет обратился со страстным призывом к участникам Парижской мирной конференции: «Во имя человечности и справедливости, во имя всего самого что есть на свете святого закли-

наем прийти на помощь египетскому народу, дабы прекратить дальнейшее кровопролитие и вернуть этой несчастной стране ее естественные права и свободу»¹⁶. Однако они не только не пришли на помощь, но и фактически поддерживали колониальную политику Англии в Египте. Именно в апреле 1919 г. Соединенные Штаты Америки признали британский протекторат над Египтом, установленный в декабре 1914 г.

По мере ослабления накала политической борьбы в самом Египте заметно ослабевала и деятельность египетской патриотической эмиграции. Но когда английские власти предприняли осенью 1924 г. новое наступление на позиции египетского национально-освободительного движения, находившиеся в Германии национал-патриоты активизировались. Берлинский Комитет национальной обороны 19 сентября 1924 г. вместе со своими филиалами в Гейдельберге, Вене, Инсбруке и Граце провел в Берлине чрезвычайный конгресс, на котором обсуждался вопрос о положении в Египте и Судане в связи с репрессиями английских колониальных властей. Текст резолюции конгресса, включавшей такие требования, как предоставление полной независимости долине Нила и отказ от каких бы то ни было переговоров с Англией, до тех пор пока ее войска не будут выведены из Египта, была направлена в посольства иностранных государств в Германии, в том числе дипломатическому представителю Советского Союза¹⁷.

В состоянии заметного политического брожения в это время находились египетские студенты. Большинство из них объединялось в рамках Египетского общества студентов, которое контролировалось Национальной партией, в частности радикальной панисламистской группой Абд аль-Азиза Гавиша. Оторванные от массового антиколониального движения, лишенные возможности ориентации в событиях, происходивших на родине, многие студенты с недоверием, а то и враждой относились к национальному правительству Саада Заглула. С другой стороны, контакты с прогрессивными политическими партиями и организациями благотворно сказывались на их духовном развитии. Не случайно египетское представительство в Берлине обвиняло студентов в республиканских и большевистских тенденциях.

После того как подпольная группа экстремистов в Каире совершила в ноябре 1924 г. покушение на коман-

дующего египетской армией, генерал-губернатора Судана английского генерала Ли Стэка, преследованиям подверглись и национально-патриотические силы в Германии. Центральный орган Коммунистической партии Германии газета «Роте Фане» писала: «Все указывает на то, что германское правительство оказывает помощь британскому империализму в гонениях против египетских национал-революционеров. Египетские национал-революционеры, находящиеся в Берлине, преследуются полицией и другими органами власти по требованию английского правительства»¹⁸.

В 1925 г. в Германии еще функционировал целый ряд патриотических организаций египтян. Помимо Комитета национальной обороны и Египетского общества студентов, следует назвать «Отделение Национальной партии», «Общество взаимной поддержки» (тщательно законспирированная организация радикального толка), а также организацию, назвавшую себя Коммунистической партией. Однако египетское представительство, действовавшее в соответствии со специальными инструкциями начальника королевской канцелярии Ахмеда Хасанейна, приложило максимум усилий для нейтрализации этих организаций, которые фактически прекратили свое существование¹⁹. На этом завершился один из важнейших этапов в истории берлинской группы египетских национал-патриотов. Его отличительной чертой было полное крушение их планов на получение действительной помощи со стороны Германии и осознание ими Великого Октября как фактора, который усиливал позиции египетского народа в борьбе за национальную независимость.

¹ *Ас-Саид, Рифаат*. История социалистического движения в Египте 1900—1925.— Бейрут, 1974, с. 102—106. На араб. яз.; *Ар-Рафиц, Абд ар-Рахман*. Мухаммад Фарид — символ верности и самопожертвования. 2-е изд.— Каир, 1948, с. 239—245. На араб. яз.

² *Rathmann L.* Some Remarks on the Stay in Germany of Mustafa Kamil, Muhammad Farid and other Leaders of the Egyptian Movement for Independens. Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1964, Heft 2, S. 219.

³ *Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 56.

⁴ Мемуары Мухаммеда Фариды.— Аль-Катиб, 1970, № 3, с. 163, 164, 166, 169. На араб. яз.

⁵ *Rathmann L.* Ägypten in Exil (1914—1918)— Patrioten oder Koloniallaborateure des deutschen Imperialismus? — Asien in Vergangenheit und Gegenwart.— Berlin, 1974, S. 10.

⁶ *Ibid.*

- ⁷ Ibid., S. 6.
- ⁸ Ibid., S. 14.
- ⁹ Ibid., S. 11.
- ¹⁰ Ibid., S. 12, 22.
- ¹¹ *Ас-Сауд, Рифаат*. Один из пионеров социалистической мысли в Египте — Исам эд-Дин Хифни Насиф. — Ат-Тална, 1970, № 8, с. 135—152. На араб. яз.
- ¹² Ат-Тална, 1963, № 3, с. 64—65. На араб. яз.
- ¹³ *Der Neue Orient*, 1919, Bd. Y, N. 5—6, S. 178.
- ¹⁴ Ibid., N. 1—2.
- ¹⁵ *Rathmann L. Some Remarks...*, S. 220.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid., S. 221.
- ¹⁹ *Анис, Мухаммад*. Неизвестные страницы египетской истории. — Роз аль-Юсеф, 1972, № 2287, с. 47—49; № 2288, с. 38—40. На араб. яз.

Г. М. Трухнов

д-р. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ В ГЕРМАНИИ И ВЕЙМАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (1919 г.)

Результаты ноябрьской революции 1918 г. предопределили последующий ход классовой борьбы в стране. Первая четверть 1919 г. была заполнена крупнейшими выступлениями немецкого пролетариата. Среди них особое место заняло провозглашение Баварской советской республики в апреле 1919 г. Ее правительство во главе с коммунистом Эйгеном Левине разоружило буржуазию, создало Красную Армию. Банки и промышленные предприятия были национализированы. Против Баварской советской республики немецкое правительство бросило 70-тысячную армию, при помощи которой контрреволюции удалось разгромить Советскую республику. Это повлекло за собой усиление реакции во всей Германии. Немецкой контрреволюционной камарилье с помощью правых вождей социал-демократической партии удалось подавить выступления рабочих, проходившие под руководством коммунистов. В ходе разгрома революционных сил господствующая буржуазия нанесла значительный урон молодой Коммунистической партии Германии. Главной причиной поражения пролетарских масс в Германии в 1919 г. было предательство социал-демократического руководства, которое еще больше увеличило раскол рабочего класса, значительно отдалив от него трудовое

крестьянство. Социал-демократическое правительство сделало все, чтобы сохранить в деревне старые порядки.

Вожди социал-демократии в союзе с юнкерством, имперским Ландбуном сумели сохранить в немецкой деревне дореволюционные порядки. Ноябрьская революция не дала крестьянам землю. Земельная реформа в стране не была проведена. Не мудро, что республика не завоевала симпатий у бедных крестьян, она не оправдала их ожиданий. Вместе с тем крестьяне провели ряд выступлений, но без помощи и руководства рабочего класса они не превратились в массовое движение¹.

Трудовое крестьянство Германии осталось в основном в стороне от бурных событий конца 1918 и начала 1919 г.² Такая пассивность в известной мере была обусловлена политикой социал-демократических верхов, которые помогали своим усердным служением контрреволюции сохранять в деревне старопруссские порядки. Вожди СД и НСДП в первую очередь повинны в отрыве пролетариата от его естественного союзника — трудового крестьянства и, таким образом, в ослаблении сил трудящихся масс.

В период январских, февральско-мартовских и апрельских классовых боев 1919 г. основные столкновения, как правило, развертывались в городах. Юнкерские круги вместе со своими организациями при непосредственном участии Ландбунда оказали большую помощь контрреволюционному правительству Эберта — Шейдемана в подавлении рабочего движения.

В упорных боях зимой и весной 1919 г. белогвардейщине удалось нанести революционному пролетариату страны чувствительные удары. КПП, потеряв своих выдающихся вождей и тысячи бойцов, загнанная в подполье и подвергавшаяся жестоким репрессиям, не смогла еще в то время стать руководящим центром классовой революционной борьбы³. Немалое значение в поражении пролетариата и в спаде революционной борьбы имело то обстоятельство, что в Германии в этот период наметился некоторый экономический подъем, приведший к уменьшению безработицы, росту занятости среди рабочих. Поднятая правящим лагерем шумиха по поводу тяжелых условий Компиенского перемирия и демагогическая возня вокруг работы Национального собрания способствовали отвлечению части рабочих от непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата. I съезд рабочих

денту от имени Национального собрания Давид заявил: «...заслуга Эберта заключается еще и в том, что германская революция не последовала примеру русской»⁷. Немецкая крупная буржуазия хвалила Эберта за его пристрастие к порядку. «Дойче Альгемайне цайтунг», выражая ее мнение, отмечала, что избрание Эберта на пост имперского президента воспринято с чувством облегчения⁸. Поведение последнего в дни революции было по рукой тому, что и в дальнейшем он будет продолжать следовать по контрреволюционному курсу. А это не могло не устраивать монополистов.

13 февраля 1919 г. Национальное собрание сформировало коалиционное правительство во главе с социал-демократом Филиппом Шейдеманом. Оно состояло из представителей трех партий: социал-демократической, демократической и центра. Об этом правительстве орган ЦК Компартии Германии газета «Роте фане» писала: «Снова возвращается старый империалистический блок — социал-демократы, свободомыслящие, центр. Только название несколько изменилось. Партии массовой бойни, партии мировой войны выдают себя за новое революционное правительство»⁹.

Глава правительства Шейдеман в своей программной речи заявил, что новый кабинет впредь будет стоять на страже порядка. Немало слов канцлер потратил и на то, чтобы возвысить свои заслуги перед германской реакцией, при этом не забыв упомянуть, что он вместе с другими социал-демократическими лидерами упорно боролся против распространения большевистских идей в Германии. Шейдеман также заверил антантовских империалистов и США, что возглавляемое им правительство «готово поддержать их вооруженную борьбу против общего врага цивилизованного мира, как он злобно и клеветнически именовал Советскую Россию»¹⁰.

Вслед за Шейдеманом с нападка на Советскую Россию обрушились и другие реакционные депутаты Национального собрания. Попутно они утверждали, что ноябрьская революция была ненужной, так как уже кайзеровское правительство принца Макса Баденского в октябре 1918 г. провело в стране известные реформы. Реваншистские круги устами своих посланцев в Национальном собрании не жалея сил превозносили легенду о дольхштоссе, т. е., что революция в Германии была удачом кинжала в спину немецкой армии и народа¹¹.

Явно сочиненная легенда о дольхштоссе была рассчитана на подрыв доверия народа к республике и создала прецедент к ее низвержению. Так новый строй в Германии не успел окончательно оформиться, как против него ополчился весь реакционный лагерь Германии, готовый в любой момент вздернуть республику на виселицу со всеми ее статьями и приложениями. Веймарская республика создавалась в условиях осадного положения, и это наложило отпечаток на всю ее дальнейшую деятельность.

После избрания президента и оформления кабинета министров, помимо вопросов, связанных с подписанием мирного договора, о котором более подробно речь пойдет ниже, в центре внимания Национального собрания стояла подготовка конституции республики. Основной закон Германской республики подготавливался в обстановке оголоделого террора контрреволюционных банд Носке, которые истребляли самых последовательных борцов. Это не помешало депутатам Национального собрания много говорить о свободе и демократии. Дискуссия о характере новой конституции развернулась с первых дней работы Национального собрания. Трижды обсуждались ее отдельные варианты, и только после многословных «блест» во второй половине июля 1919 г. она была принята и 14 августа того же года вступила в силу.

Веймарская конституция принималась и утверждалась в обстановке и в условиях острой классовой борьбы, крупнейших стачек и массовых выступлений пролетариата. Это наложило свой отпечаток на ее характер, сохранив федеральное устройство Германии. В конституции вместе с тем было зафиксировано и укрепление довольно значительное центральной власти¹². При окончательной редакции конституции депутаты Национального собрания включили 48-ю статью, «ту виселицу», на которую рейхспрезидент мог в любое время по своему усмотрению вздернуть всю конституцию. «Веймарская конституция не превратила Германию в подлинно единое (унитарное) государство, сохранив унаследованные от кайзеровской империи черты федерации»¹³. В республиканской Германии по-прежнему главенствовала Пруссия. По количеству населения в стране она занимала первое место. Так, например, из 62 млн. жителей страны 38 млн., или 2/5, проживало в Пруссии. Одна пятая часть жителей находилась на территории Саксонии и Баварии. Остальное население Веймарской республики проживало

в пределах Вюртенберга, Бадена, Тюрингии, Гессен-Касселя, Гамбурга, Мекленбурга, Стерлица-Вальдека и Гамбурга-Липпе.

Поскольку по новой конституции Пруссия оставалась неограниченной множеством земель и городов от Одера до Северного и Балтийского морей, в которых проживало подавляющее большинство населения, постольку и в послевоенный период она продолжала играть в делах Германии доминирующую роль. Характерно, что и после провозглашения республики хозяева страны продолжали именовать Германию империей, состоявшей из ряда земель. Последние по Веймарским уложениям имели меньше самостоятельности, чем по бисмарковской конституции. Этим впоследствии был создан ряд условий для сепаратизма.

Высшим законодательным органом республики был рейхстаг, избиравшийся всеобщим голосованием граждан обоего пола, и рейхсрат, состоявший из представителей земель.

Исключительными правами пользовался президент республики, избираемый на 7 лет общим голосованием граждан страны. Фактически ему вручалась диктаторская власть. В более поздний период существования Веймарской республики президент не раз прибегал к 48-й статье и использовал свои права для разгрома революционного движения в стране¹⁴. Вместе с тем диктаторские полномочия, предоставляемые конституцией президенту, привели республику вместе с ее конституцией к печальному концу, когда Гинденбург в январе 1933 г. передал бразды правления главарю банды нацистов Гитлеру.

Хотя социал-демократические вожди на все лады в хвалили республиканское устройство, Веймарская Конституция не изменила непосредственно ни количество государств и анклав, ни их границ. После безрезультатных прений о переустройстве Национальное собрание отсутствием времени ограничилось тем, что «включило в конституцию статью, предусматривающую такие изменения в будущем»¹⁵.

Республика в Германии почти не уменьшила степень влияния отдельных государств в рейхсрате. На протяжении всего периода существования Веймарской республики Пруссия и Бавария продолжали играть решающую роль в государственных делах и управлении. Вновь принятая конституция предоставила всем гражданам

в пределах Вюртенберга, Бадена, Тюрингии, Гессена, Гамбурга, Макленбурга, Стерлица-Вальдека и Гамбург-Липпе.

Поскольку по новой конституции Пруссия оставалась начиненной множеством земель и городов от Одера до Северного и Балтийского морей, в которых проживало подавляющее большинство населения, постольку и в послевоенный период она продолжала играть в делах Германии доминирующую роль. Характерно, что и после провозглашения республики хозяева страны продолжали именовать Германию империей, состоявшей из ряда отдельных земель. Последние по Веймарским уложениям имели меньше самостоятельности, чем по бисмарковской конституции. Этим впоследствии был создан ряд прецедентов для сепаратизма.

Вышим законодательным органом республики был рейхстаг, избиравшийся всеобщим голосованием граждан обоего пола, и рейхсрат, состоявший из представителей земель.

Исключительными правами пользовался президент республики, избираемый на 7 лет общим голосованием граждан страны. Фактически ему вручалась диктаторская власть. В более поздний период существования Веймарской республики президент не раз прибегал к 48-й статье и использовал свои права для разгрома революционного движения в стране¹⁴. Вместе с тем диктаторские полномочия, предоставляемые конституцией президенту, привели республику вместе с ее конституцией к печальному концу, когда Гинденбург в январе 1933 г. передал бразды правления главарю банды нацистов Гитлеру.

Хотя социал-демократические вожди на все лады восхваляли республиканское устройство, Веймарская Конституция не изменила непосредственно ни количество государств и анклав, ни их границ. После безрезультатных прений о переустройстве Национальное собрание за отсутствием времени ограничилось тем, что «включило в конституцию статью, предусматривающую такие изменения в будущем»¹⁵.

Республика в Германии почти не уменьшила степени влияния отдельных государств в рейхсрате. На протяжении всего периода существования Веймарской республики Пруссия и Бавария продолжали играть решающую роль в государственных делах и управлении. Вновь принятая конституция предоставила всем гражданам

Германии всеобщее избирательное право и другие демократические свободы, которые при наличии 48-й статьи фактически значительно ущемлялись, ибо, как уже отмечалось, президент мог в любое время вопреки конституционным законам ввести чрезвычайное положение и править в стране как диктатор. Однако, несмотря на это, буржуазно-демократическая конституция Германии была важным завоеванием немецкого пролетариата и известным шагом вперед по сравнению с конституцией Бисмарка.

Среди буржуазных конституций того времени она считалась «одной из самых демократических»¹⁶. Но новая республиканская конституция не выдерживала никакой критики в сравнении с Советской Конституцией.

Несмотря на все свои достоинства с точки зрения буржуазного национализма, «Веймарская Конституция не внесла фактически никаких изменений в отношения собственности, существовавшие в монархии Гогенцоллернов»¹⁷. Она была призвана узаконить эксплуатацию человека человеком и бдительно охранять строй, покоившийся на капиталистической основе.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что как Национальное собрание, так и Веймарская конституция юридически укрепили власть буржуазии, ее устои и создали тот правопорядок, на основе которого немецкий крупный капитал вкупе с правыми вождями социал-демократической партии стали подготавливать новую реваншистскую войну.

¹ Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1918—1933.— Berlin, 1956, Bd. 1, S. 31.

² Ibid. S. 32.

³ Ulbricht W. Op. cit., S. 39—40.

⁴ Dokumente zur deutschen Geschichte. 1924—1929 (далее — Dokumente).— Berlin, 1975, Bd. 3, S. 94—96.

⁵ Schwarz A. Die Weimarer Republik.— S. I., 1956, S. 41. Веймарская коалиция состояла из трех партий: социал-демократической, католической (центр) и демократов.

⁶ Dokumente, Bd. 3, S. 97.

⁷ Schwarz A. Op. cit., S. 42.

⁸ Deutsche Allgemeine Zeitung, 12 II 1919.

⁹ Die Rote Fanne, 14 II 1919.

¹⁰ Dokumente, Bd. 3, S. 139—140.

¹¹ Peizold I. Die Dolchstoßlegende Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus.— Berlin, 1963.

¹² Лажесон. Послевоенный мир.— М., 1937, с. 17.

¹³ Драбкин Я. С. Революция 1918—1919 гг. в Германии.— М., 1958, с. 385.

¹⁴ *Illustrierte Geschichte der deutsche Revolution*. — Berlin, 1929, S. 411.

¹⁵ *Брехт А.* О государственном устройстве Германии. — М., 1947, с. 26—27.

¹⁶ *Новейшая история*. — М., 1964, т. 1, с. 43.

¹⁷ *Кульбакин В.* Очерки новейшей истории Германии. — М., 1962, с. 148.

Л. Н. Гаранин

канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА МАГДЕБУРГА С РЕАКЦИЕЙ (весна 1919 г.)

15 января 1919 г. германские белогвардейцы зверски убили К. Либкнехта и Р. Люксембург. На КПП обрушились тяжелые удары.

Потери, которые понесла КПП, не сорвали процесс развития партии и ее местных организаций. В подполье шел процесс формирования и укрепления партии нового типа — революционной партии германского пролетариата. Создавались местные партийные организации КПП на основе групп «Союза Спартака». Среди них была и магдебургская организация КПП.

На учредительном съезде КПП Магдебург представляли Эльза Рейман, Альберт Вильдт, Эрнст Киндль, Эрнст Трюпплер, Франц Брайтенштейн (два последних — гости съезда)¹. При обсуждении основного тактического вопроса об отношении к Учредительному собранию Э. Киндль выступил с заявлением, что его товарищи стоят за участие в Учредительном собрании.

Коммунисты Магдебурга, как и всей страны, должны были строить свою организацию в обстановке острой классовой борьбы. Прежде всего необходимо было привлечь в ряды партии как можно больше революционных рабочих. В январе 1919 г. в обычном тогда месте заседаний «Союза Спартака» — зале «Мюлленхауэр» состоялись беседы делегатов съезда со спартаковцами и сочувствующими об основании местной группы КПП. Особенно важно было полностью осуществить организационное отделение коммунистов от независимых социал-демократов. Спартаковцы и независимые Магдебурга выступали единым фронтом в борьбе с буржуазией, но была необходима идейная и организационная самостоятельность коммунистов, поскольку независимцы и их лидер

А. Брандес допускали колебания в сторону шейдемановцев².

В этом отношении важную роль сыграло собрание функционеров (НСДПГ) 17 февраля 1919 г. Здесь возникла острая полемика между большинством «независимцев» и спартаковцами Альбертом Гроссе и Рихардом Вайсом, которые покинули с частью собравшихся зал заседания, порвав, таким образом, с каутскианцами. За этим последовало создание местной группы КПГ. Председателем Магдебургской парторганизации стал Карл Байер, секретарем Альберт Фатер, среди других руководителей были Карл Артельт (один из вождей Кильского восстания моряков в 1918 г., прозванный Красным адмиралом), Франц Брайтенштейн, Альберт Гроссе, Якоб Драйсбах, Пауль Ханн и др.³

Правые социал-демократы получили большинство на выборах в городское собрание, и при поддержке буржуазных кругов обер-бургомистром Магдебурга стал правый социал-демократ Герман Баймс, за которого голосовал и лидер магдебургских «независимцев» А. Брандес. Социал-демократический депутат Витмаак заявил о том, что «новые хозяева города» будут работать «с равной любовью и равным чувством долга к городу», стремясь к сотрудничеству со всеми партиями, «как предписывает демократическое чувство долга». При этом социал-демократы потребовали, естественно, большего числа мест в комиссиях и президиуме собрания⁴.

В марте — апреле 1919 г., несмотря на поражение ноябрьской революции, продолжались мощные стачечные выступления и политические демонстрации пролетариата в крупных промышленных центрах.

В Магдебурге реакция, воспользовавшись отсутствием единства рабочих и рассчитывая на поддержку правых социал-демократов, задумала спровоцировать рабочих на восстание и подавить его кровавыми репрессиями. Был пущен слух о подготовке каких-то антиправительственных мероприятий в частях 4-го армейского корпуса. Вечером 6 апреля А. Брандес был арестован двумя чинами правительственных войск и отправлен в Берлин. Одним из этих чинов был обер-лейтенант флота, который предъявил в полицей-президиуме документ, подписанный Носке. Были также арестованы представители солдатского Совета 4-го армейского корпуса Кегель и Фельке⁵.

Это событие вызвало всеобщее возмущение рабочих. На предприятиях Магдебурга стали распространяться листовки: «Товарищ Брандес вчера арестован гвардией Носке. На протест, в 9 часов утра, на Кафедральную площадь!» Забастовали рабочие Крупп-Грузон-верке — крупнейшего предприятия города. На ряде предприятий (фабриках Р. Вольфа, Шеффера и Будденберга, Магдебургском инструментальном заводе и др.) не было полного единства среди рабочих, тем не менее и они собрались, протестуя против ареста А. Брандеса.

Функционер НСДПГ Грюне призвал рабочих бастовать до освобождения арестованных, остановить работу железной дороги и электростанции. Делегаты солдатских Советов некоторых армейских корпусов, в свою очередь, собрались в Бюргерхалле (Магдебург) и приняли решение отказать в доверии всем без исключения офицерам и потребовали их увольнения. Они отметили крайнюю сложность складывающегося положения: буржуазия и кулачество вооружаются и организуют «домовую охрану», а пролетариат остается безоружным.

Правление социал-демократического окружного союза обратилось с воззванием «К трудящемуся населению!» следующего содержания: «Большая часть металлистов забастовала, из-за ареста независимца Альвин Брандеса... Независимцы и коммунисты пытаются вызвать стачку и втянуть в нее все предприятия. Мы призываем население соблюдать спокойствие и не участвовать в стачках. Мы уже связались с имперским руководством... Трудящиеся приглашаются ожидать решения партийного руководства»⁶. Но независимцы, поддерживаемые коммунистами, провозгласили стачку протеста вплоть до освобождения Брандеса и его товарищей. В это время на улицах Магдебурга был арестован и объявлен заложником за Брандеса приехавший по личным делам рейхсминистр Ландсберг⁷. Рабочие арестовали также командира 4-го армейского корпуса генерала фон Клайста⁸.

Эти действия возмущенных масс не были санкционированы какой-либо партией и организацией. Созданный в это время исполком, в который вошли представители трех рабочих партий, высказался против этого ареста⁹. Социал-демократы хотели убедить правительство отказаться от готовящейся посылки войск в Магдебург, но безуспешно. Дополнительным поводом явился арест министра Ландсберга, использованный для обвинения маг-

лебургских рабочих в «неслыханном покушении на свободу члена кабинета и нарушении иммунитета члена Национального собрания»¹⁰. Из Галле были двинуты карательные части генерала Меркера, которые 9 апреля 1919 г. вступили в Магдебург. Генерал Меркер издал приказ, в котором извещал о своем прибытии, «чтобы восстановить нарушенный незаконными органами порядок», а также о введении осадного положения на основе соответствующих статей прусской конституции¹¹.

На кафедральной площади и соседних улицах собралось около 3000 безоружных демонстрантов. Сюда была подтянута властями рота ландегерей. Состоялся митинг, на котором выступил коммунист Карл Артельт. Он сообщил, что собрание доверенных лиц 8 апреля решило продолжать стачку вплоть до освобождения Брандеса из-под ареста. В разгар митинга егеря открыли огонь по толпе.

Кровавые события 9 апреля в Магдебурге — одно из проявлений контрреволюции в Германии, осуществлявшейся при пособничестве правых социал-демократических лидеров, прежде всего Носке. В этих и подобных им событиях реакция в полной мере воспользовалась отсутствием единства германского пролетариата, неустойчивостью как центрального, так и местного руководства НСДПГ, способностью правых социал-демократов парализовать своим влиянием активность значительной части пролетариата. Это выразилось в том, что далеко не все рабочие участвовали в общей забастовке 7—9 апреля.

А. Брандес был освобожден и вернулся к исполнению своих обязанностей. Но его арест, по существу, был лишь поводом для всеобщей стачки протеста против наступления контрреволюции. Магдебургские события 1919 г., как и аналогичные события в других городах и районах Германии, убедительно показали необходимость преодоления раскола рабочего класса, достижения его боевого единства на революционной основе.

Дальнейшие события — срыв германским пролетариатом каншовского путча, переход значительной части членов НСДПГ в ряды компартии — актуализировали эту задачу и способствовали развитию более благоприятных условий для ее решения.

¹⁰ Vokoun G., Meisner K., Schröder K.-D., Tullner M. Quellensammlung zur Geschichte der Arbeiterbewegung im Bezirk Magdeburg. Teil 2 1917 bis 1945. — Magdeburg, 1970, S. 24.

¹¹ Ibid.

³ Ibid., S. 24—25.

⁴ Ibid., S. 26.

⁵ Magdeburger Zeitung, 1919, 7 Apr.

⁶ Ibid., 8 Apr.

⁷ Volksstimme, Magdeburg, 1919, 9 Apr.

⁸ Magdeburger Zeitung, 1919, 8 Apr.

⁹ Ibid.

¹⁰ Volksstimme, 1919, 9 Apr.

¹¹ Magdeburger Zeitung, 1919, 8 Apr.

А. А. Титова

канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

ВОПРОС ОБ АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ В ПОЛЬСКОМ СЕЙМЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1925 г.

Весна — осень 1925 г. — последний этап борьбы за аграрную реформу в Польше. В эту борьбу были вовлечены все политические партии страны и их депутатские клубы.

В конце февраля 1925 г. в сейме состоялось обсуждение проекта закона об аграрной реформе, составленного министром Копчиньским в форме поправок к закону от 15 июля 1920 г. Новый законопроект принципиально не отличался от проекта правительства Витоса, так как опирался на основные положения Ланцкоронского пакта¹. Он предусматривал добровольную частичную парцелляцию помещичьих имений и продажу земли по ценам, установленным самими владельцами². Подобная реформа обеспечивала интересы помещиков и богатых крестьян за счет массы беднейшего населения деревни. Поэтому правительственный проект на заседании палаты депутатов был подвергнут резкой критике. Ю. Понятовский, огласив основные принципы аграрной платформы Союза крестьянских партий «Вызволене» и «Едність людова» (СКП): дешевый выкуп и парцелляция государством помещичьих владений при сохранении максимума землевладения в 60 га, внес предложение отвергнуть правительственный законопроект как противоречащий этим требованиям³. Предложение об отклонении правительственного законопроекта было поддержано депутатами Крестьянского союза, Белорусского и Украинского клубов, коммунистами и Независимой крестьянской партией (НКП)⁴.

Интересы крестьянства последовательно отстаивал

революционный блок в составе НКП и Коммунистической депутатской фракции (КДФ). Представители этих партий выступили против правительственного законопроекта и проекта СКП и выдвинули требования единовременной передачи всей помещичьей и церковной земли крестьянам без выкупа, ликвидации осадничества в восточных воеводствах, распределения земли в этих районах среди беднейших слоев населения⁵ и национализации лесов. Особое место в выступлении депутата Пащука (КДФ) заняло разоблачение соглашательской политики левых партий сейма: «Партии, так называемой сеймовой левой — ППС и «Вызволене», хоть на митингах и позволяют себе иногда говорить об экспроприации помещиков, в действительности являются ее противниками. Эти господа прекрасно понимают, что экспроприация помещиков означает аграрную революцию, которая приведет к борьбе всех трудящихся с буржуазным строем. Эти же лжелевые партии ничего так не боятся, как именно революции, которая сметет с лица земли не только капиталистов и помещиков, но и господских экономов и прислужников»⁶. Земельный максимум определен в 30 га. Статья 4-я проекта гласила, что землю должны получать в первую очередь все те, кто работал на конфискованном имении, а на территории восточных воеводств — безземельное и малоземельное местное население без различия национальности. Степень малоземельности должна была определяться Главной земельной комиссией с учетом местных условий; наделение землей относилось к компетенции гминных земельных комиссий⁷.

Против проекта СКП выступил также представитель правой крестьянской партии ПСЛ-«Пяст» С. Осецкий. Он подверг критике и правительственный законопроект на то, что, допуская добровольную парцелляцию, он не предусматривал твердых цен на землю. Осецкий предложил отослать правительственный проект в комиссию для усовершенствования⁸.

Позиция Польской социалистической партии (ППС) при обсуждении проекта Копчиньского свидетельствовала о том, что партия сделала значительный шаг вправо, отойдя от аграрной программы, принятой XIX конгрессом⁹. Депутат Я. Квапиньский говорил: «Наша страна при современном состоянии своей промышленности не может рассчитывать на экспорт городской продукции.

Страна, население которой на 80 % состоит из крестьян, должна ориентировать свое промышленное производство на собственных потребителей. До тех пор, пока крестьянин будет бедным, пока в деревне так, как сейчас, будет свирепствовать нищета, наша промышленность не сдвинется с мертвой точки. Поэтому я высказываюсь за как можно более быстрое решение этой (аграрной.— А. Г.) проблемы...»¹⁰ Представитель ППС высказался против проекта СКП как не имеющего шансов быть проведенным через настоящий сейм¹¹. Социалисты были склонны пойти на уступку буржуазно-помещичьим силам в вопросе о вознаграждении за землю. Я. Квапинский указывал, что ППС по-прежнему стоит за конфискацию земли у помещиков. Вместе с тем, ссылаясь на постановление конституции об охране частной собственности, он предложил сначала надсудить крестьян землей, а потом решать, кому и сколько за нее платить. При этом он заметил, что социалисты отдают себе отчет в нереальности осуществления такого рода компромисса¹². Таким образом, социалисты поддержали правительственный законопроект и он был отослан в сеймовую комиссию аграрных реформ, став основой разработки аграрного законодательства.

Острая оппозиция Союза крестьянских партий, проект которого был отвергнут сеймовой комиссией, послужила причиной отставки министра Копчиньского и замени его Ю. Радваном. Задача последнего состояла в согласовании правительственного законопроекта с представителями как можно более широкого круга политических партий с целью достижения компромисса¹³.

В связи с отказом большинства членов сеймовой комиссии аграрных реформ от рассмотрения проекта СКП и затягиванием реформы правительством на съезде Союза крестьянских партий в середине марта 1925 г. была принята новая аграрная программа. Она предусматривала проведение парцелляции исключительно государственными учреждениями, контроль общественности за проведением аграрной реформы, установление земельного максимума в границах 30—60 га, предоставление крестьянам долгосрочного кредита на покупку земли, установление умеренной цены на землю, которая должна была выплачиваться государству. Отдельными членами партии было выдвинуто требование проведения земельной реформы без вознаграждения помещиков. Его поддержа-

ла масса участников съезда. Под давлением низов оно было включено в программу¹⁴. Подавляющим большинством делегатов съезда была принята специальная резолюция по аграрному вопросу, предложенная депутатом А. Фидеркевичем. Она требовала немедленной конфискации помещичьих земель и раздела их между крестьянами¹⁵.

Часть руководства партии и ее депутатского клуба считала требование о безвозмездном отчуждении помещичьей земли преждевременным и высказывала опасение, что такая постановка вопроса может замедлить проведение реформы¹⁶. Группа депутатов подвергла критике политику партии за отказ депутатского клуба СКП от «позитивной» деятельности в сейме, основанной на «реальных» возможностях, за изменение программы партии и выдвижение требования конфискации помещичьих земель, а также за стремление некоторых депутатов к объединению с ПСЛ-«Пяст», а значит, и с реакцией¹⁷.

С другой стороны, ряд видных деятелей партии добивался проведения политики в соответствии с принятыми съездом решениями¹⁸. Постановления съезда об изменении программы обсуждались на заседаниях депутатского клуба партии. В конечном итоге было принято компромиссное решение о том, что при существующей конституции, охраняющей право частной собственности, и реакционном составе сейма клуб не может проводить линию, выработанную съездом по вопросу о вознаграждении¹⁹. Это решение не удовлетворяло ни правое, ни левое крыло партии.

После принятия клубом такого решения депутат А. Фидеркевич вышел из него и вскоре вступил в НКП. Свой разрыв с левыми людоедами и переход в революционный лагерь он мотивировал прежде всего тем, что не может согласиться с невыполнением решений съезда²⁰. В письме «К крестьянам Польской республики» Фидеркевич отмечал, что депутаты клуба СКП заражены карьеризмом и интересы крестьянства не находят у них понимания, что клуб ничего не делает для того, чтобы остановить наступление буржуазии на права трудящихся²¹. В свою очередь три сенатора: Г. Дубрицкий, С. Гашинский и Б. Выслоух покинули партию в знак протеста против решений съезда по вопросу о вознаграждении, которые они рассматривали как антиконституционные²².

Резолюция съезда о проведении аграрной реформы без вознаграждения помещиков была подтверждена на заседании Главного правления партии 26—27 апреля 1925 г.²³ Протестуя против этого, из партии вышли депутаты Л. Хоминский, К. Бартель, Е. Бараньский, М. Косцялковский, Э. Шмяровский, к которым присоединился С. Тугутт, покинувший ряды СКП еще в 1924 г. Они создали в мае 1925 г. в сейме самостоятельную фракцию под названием «Клуб работы»²⁴. Свою основную задачу они видели в содействии решению важнейших внутривнутриполитических проблем с позиции интересов «народа и государства»²⁵. Это означало отход группы левых людовцев от крестьянского движения и переход на позиции классового солидаризма.

Союз крестьянских партий, сделав шаг влево в области аграрной политики, связывал вопрос конфискации помещичьей земли с изменением конституции, что по его мнению могло быть осуществлено в случае победы левых сил на выборах²⁶. В этих условиях включение радикальных требований значительной части масс в программу партии носило характер политической демонстрации.

Идею о безвозмездной конфискации земли у помещиков разделяла часть крестьянства, шедшего за ПСЛ-«Пяст». Весной 1925 г. на региональных съездах во Львове и Лодзи был выдвинут лозунг борьбы за аграрную реформу без вознаграждения²⁷. Однако руководство партии и ее парламентский клуб решительно отвергли этот путь решения аграрной проблемы. Выступая в дискуссии по проекту госбюджета, один из лидеров ПСЛ-«Пяст» В. Керник говорил: «Предложение невыполнимых, демагогических проектов о проведении аграрной реформы без вознаграждения, о которых через неделю или через день говорится, что они противоречат конституции и поэтому не могут быть реализованы, также является саботажем аграрной реформы. И это нас привело к тому, что за семь лет существования независимого Польского государства мы не можем продвинуть дело аграрной реформы вперед»²⁸.

Социалисты продолжали публично выступать с антипомещичьими лозунгами. В частности, один из лидеров ППС Н. Барлицкий призывал к ликвидации помещичьего землевладения путем проведения демократической аграрной реформы²⁹. Одновременно представители ППС с марта 1925 г. принимали участие в тайных перегово-

рах с лидерами ПСЛ-«Пяст» и эндеции. В переговорах принимали участие премьер-министр В. Грабский, министр аграрных реформ Ю. Радван, депутат сейма Ю. Здановский. Различия в позициях ПСЛ-«Пяст» и эндеции, как отмечал М. Ратай, были незначительны³⁰. Речь шла о привлечении на сторону этого союза ППС³¹. В середине мая 1925 г. переговоры закончились компромиссом. Эндеции и правым людовцам удалось убедить ППС в необходимости голосовать в сейме за правительственный законопроект³². На переговорах были заложены основы сотрудничества ПСЛ-«Пяст» и ППС в деле создания парламентского большинства. С этой точки зрения вовлечение социалистов в переговоры расценивалось Ратаем как большой успех³³.

Стремясь как можно быстрее провести через сейм аграрный закон, социалисты согласились поддержать правительственный проект при условии включения в него статей, регулирующих вопрос о положении сельскохозяйственных рабочих parcelлируемых имений.

Таким образом, на протяжении первой половины 1925 г. получили дальнейшее развитие те тенденции, которые наметились в решении аграрной проблемы политическими партиями польского сейма в конце 1924 г. Накануне обсуждения палатой депутатов проекта аграрной реформы СКП — одна из крупнейших крестьянских партий — оказалась в состоянии идейного и организационного разброда. Это облегчило сторонникам компромисса с буржуазно-помещичьими силами выступление против демократической аграрной реформы. Колебания и разброд в СКП в определенной степени ускорили заключение соглашения между ПСЛ-«Пяст», Народно-национальным союзом и ППС. Отход ППС от программных требований по аграрному вопросу и признание выплаты помещикам вознаграждения, а в дальнейшем — прямая поддержка социалистами реакционного аграрного законопроекта в значительной степени предопределили ход и результаты сеймовой дискуссии, состоявшейся летом 1925 г.

¹ Советское славяноведение, 1977, № 2, с. 46—47.

² Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres 1. Druki. 1922—1925. Dr. N. 1725.

³ Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres 1. Sprawozdania Stenograficzne. 1922—1925. Posiedzenie 178, t. 6—9.

⁴ Ibid., t. 13, 18, 27, 29.

- ⁵ Ibid., t. 13, 25—26.
⁶ Ibid., t. 27.
⁷ Ibid., t. 25—26.
⁸ Ibid., t. 11—12.
⁹ *Тітова А. О.* Політичні партії Польщі і питання про аграрну реформу у першій половині 1924 року.— В кн.: Проблеми слов'янознавства. Львів, 1981.
¹⁰ Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, s. 178, t. 14—15.
¹¹ Ibid., t. 14.
¹² Ibid.
¹³ *Grabski W.* Dwa lata pracy u podstaw państwowości naszej. 1924—1925.— Warszawa, 1927, s. 144.
¹⁴ Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. t. 11. 1918—1931.— Warszawa, 1967, s. 116, 134; Wyzwolenie, 1925, N 12.
¹⁵ Wyzwolenie, 1925, N 12.
¹⁶ Archiwum Zakładu Historii Ruchu Ludowego (далеє — AZHRL) przy NK ZSL. Zespół Ruch polityczny przed 1939 r. RP—10. Niezależna Partia Chłopska. Podt. 1, k. 1; Wyzwolenie, 1925, N 16.
¹⁷ ЦГА ЛитССР, ф. 53, оп. 23, ед. хр. 810, л. 16. AZHRL. Ruch polityczny przed 1939 r. RP — 3a. Ludwik Chomiński. Podt. 1, k. 1—2.
¹⁸ *Fiderkiewicz A.* Dobre czasy. Wspomnienia z lat 1922—1927.— Warszawa, 1958, s. 190—195.
¹⁹ Wyzwolenie, 1925, N 13.
²⁰ *Fiderkiewicz A.* Dobre czasy..., s. 194.
²¹ AZHRL. Ruch polityczny przed 1939 r. RP—10, Podt. 1, k. 2—8.
²² Wyzwolenie, 1925, N 15.
²³ Ibid., N 18.
²⁴ AZHRL. Ruch polityczny przed 1939 r. RP — 3a, Podt. 1, k. 2.
²⁵ ЦГА ЛитССР, ф. 53, оп. 23, ед. хр. 810, л. 29. AZHRL. Ruch polityczny przed 1939 r. RP — 3a, Podt. 1, k. 2; *Rataj M.* Pamiętniki. 1918—1927.— Warszawa, 1965, s. 254.
²⁶ Wyzwolenie, 1925, N 16, 18.
²⁷ Piast, 1925, N 11; Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, s. 223, t. 72.
²⁸ Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, s. 195, t. 71.
²⁹ Ibid., t. 52.
³⁰ *Rataj M.* Pamiętniki..., s. 144.
³¹ Ibid., *Grabski W.* Dwa lata..., s. 144.
³² *Grabski W.* Dwa lata..., s. 143.
³³ *Rataj M.* Pamiętniki..., s. 331.

Т. Л. Шестакова

доцент

(Минский пединститут им. А. М. Горького)

РЕВОЛЮЦИОННОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Осуществляя социалистическое строительство в свободном и суверенном государстве рабочих и крестьян, трудящиеся БССР не забывали о тех миллионах брать-

ев-белорусов, которые оставались под властью буржуазно-помещичьей Польши.

Рабочие и крестьяне БССР, ее интеллигенция внимательно следили за развитием национально-освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии, налаживали дружеские связи с прогрессивными организациями, оказывали им моральную и материальную поддержку, горячо протестовали против актов насилия и террора по отношению к борцам, незамедлительно отзывались на призывы о помощи.

В феврале 1926 г. III конференция КПЗБ обратилась с письмом ко всем рабочим, крестьянам, молодежи и трудящейся интеллигенции БССР, в котором говорилось: «Тысячи арестованных и десятки тысяч их детей, братьев, сестер, матерей взывают к вашей помощи. Помогите нам, не забывайте нас в тяжелой борьбе, поддержите борцов морально и материально. Каждая копейка, собранная трудящимися БССР и переданная нам, спасает от нищеты и голодной смерти сотни революционных борцов и их семейств»¹. В ответ на это весной 1926 г. в городах и селах БССР проводилась неделя помощи политзаключенным Западной Белоруссии и Польши².

Начало 1927 г. в Западной Белоруссии ознаменовалось событиями, которые со всей откровенностью обнаружили подлинную сущность реакционной политики правительства Пилсудского. В ночь с 14 на 15 января 1927 г. по официальному указанию правительства начался разгром Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ) — массовой, легальной революционно-демократической и национально-освободительной организации трудящихся, существовавшей в Западной Белоруссии с 1925 г. Громада создавалась и работала под непосредственным руководством КПЗБ. Отражая интересы безземельного, малоземельного и середняцкого крестьянства, беднейших слоев городского населения и передовой прогрессивной интеллигенции, она за короткое время завоевала большую популярность среди широких народных масс Западной Белоруссии. Число ее членов достигло к началу 1927 г. 120 тыс. человек³.

Испугавшись широкого развития революционно-демократической, национально-освободительной борьбы в стране, буржуазно-помещичья диктатура Пилсудского решила расправиться с Белорусской крестьянско-рабочей громадой. На основании ложных обвинений БКРГ

была поставлена вне закона, ее центральные и местные организации были разгромлены. За два дня было арестовано и брошено в тюрьмы более 400 человек ⁴.

Рабочие и крестьяне Советской Белоруссии, узнав о событиях в Польше, развернули кампанию в защиту Громады. Бюро ЦК КП(б)Б поручило отделу пропаганды и агитации разработать тезисы о положении в Западной Белоруссии. Было принято решение о широком освещении в печати событий, связанных с разгромом Громады, об организации собраний, митингов и сборе материальных средств по линии МОПР. В райкомах КП(б)Б на специальных заседаниях бюро рассматривались организационные мероприятия, связанные с проведением кампании ⁵. «Рабочие Минска не оставят в беде своих братьев из Западной Белоруссии» — под таким девизом 26 ноября 1927 г. состоялось собрание профактива Минска, которое постановило обратиться ко всем рабочим с предложением начать сбор средств в пользу преследуемых революционных борцов и их семей в Западной Белоруссии ⁶.

Решительно осудили репрессии по отношению к БКРГ трудящиеся Витебска, Гомеля, Бобруйска и других городов республики. В принятом на съезде профсоюзов Гомельского округа 8 февраля 1927 г. письме к рабочим и крестьянам Западной Белоруссии говорилось: «Рабочие Гомельского округа с возмущением протестуют против гнусных расправ, совершенных буржуазией над трудящимися Западной Белоруссии. Мы убеждены, что эти аресты, разгоны и преследования руководителей пролетарских масс еще больше повысят классовое сознание трудящихся» ⁷. Подобные постановления и приветствия были приняты и другими профсоюзами.

Значительную поддержку революционному движению в буржуазно-помещичьей Польше оказывало трудящееся крестьянство БССР. Президиум ЦК крестьянских обществ взаимопомощи БССР принял 28 января 1927 г. специальное постановление о проведении кампании помощи населению Западной Белоруссии, пострадавшему от «недородов зерновых и белого террора» ⁸. Начиная с февраля 1927 г. общие собрания многих деревень оканчивались сбором денежных взносов в фонд помощи. Кроме денег крестьяне БССР вносили зерно, жиры, картофель, льняное полотно, которые продавались на рынках, а вырученные деньги направлялись в ЦК крестьянских

обществ взаимопомощи. Согласно сводкам, присланным из округов, общая сумма средств, собранных по республике, к 1 апреля 1927 г. составила около 50 тыс. руб. В целом МОПР БССР к июню 1927 г. передал трудящимся Западной Белоруссии 70 тыс. руб., 15 тыс. пудов хлеба⁹.

Решительно отстаивала интересы рабочих и крестьян Западной Белоруссии и Польши интеллигенция Советской Белоруссии. Так, научные работники Белорусской государственной академии сельского хозяйства обратились с посланием протеста к польскому консулу, в котором высказывали сочувствие трудящимся Западной Белоруссии, борющимся за свои права, обличали польское буржуазное правительство, капиталистический строй в целом¹⁰.

В Вильно 23 февраля 1928 г. начался судебный процесс по делу Белорусской крестьянско-рабочей громады. На скамье подсудимых находились пять депутатов польского сейма — руководители и организаторы БКРГ и среди них видный белорусский ученый и общественный деятель Б. А. Тарашкевич. Всего по делу Громады к судебной ответственности было привлечено 490 человек. В связи с этим в БССР снова была развернута широкая кампания в защиту демократических прав трудящегося населения Западной Белоруссии. ЦК МОПР БССР обратился с воззванием к рабочим, крестьянам, к трудовой интеллигенции всего мира, прогрессивной общественности, в котором призвал встать на защиту прав национальных меньшинств буржуазной Польши¹¹. В начале марта 1928 г. совместное собрание научных сотрудников высших учебных заведений Минска и белорусских писателей избрало комитет обороны Крестьянско-рабочей громады во главе с председателем — народным поэтом Белоруссии Янкой Купалой. Комитет обороны Громады написал воззвание, перевел его на немецкий, французский, английский и другие языки и направил в заграничную печать, культурные учреждения и лично видным зарубежным общественным деятелям, ученым, писателям. Члены комитета Я. Купала и Я. Колас выезжали для выступлений с публичными докладами о процессе Громады¹². Комитет защиты БКРГ прилагал все усилия к тому, чтобы мобилизовать все прогрессивные силы мира на единодушное осуждение террора и насилия фашистского правительства Пилсудского по отно-

шению к общественным организациям, революционному и национально-освободительному движению в Западной Белоруссии. Кроме общественно-политической работы комитет занимался сбором материальных средств в пользу Громады.

Начиная с февраля 1928 г. на протяжении трехмесячного судебного процесса над активистами Громады по всей Советской Белоруссии прокатилась волна митингов и собраний трудящихся. За пять месяцев, с января по май 1928 г., в Советской Белоруссии было собрано 63 тыс. руб. для помощи политзаключенным Польши и Западной Белоруссии ¹³.

22 мая 1923 г. суд в Вильно признал виновными 37 руководителей и активистов Громады. Председатель ЦК БКРГ Бронислав Тарашкевич, члены ЦК — депутаты сейма Семен Рак-Михайловский, Павел Волошин и Петр Метла были осуждены на 12 лет тюремного заключения, секретарь ЦК Максим Бурсевич — на 8 лет ¹⁴.

На другой день после окончания суда в Минске на площади Свободы состоялся многотысячный митинг жителей столицы. Перед собравшимися выступили председатель ЦК МОПР БССР А. Н. Славинский, народный поэт республики Якуб Колас, представители рабочего класса. Участники митинга приняли гневную резолюцию протеста против несправедливого приговора и потребовали освобождения осужденных громадцев. Тысячи рабочих Гомеля, Витебска и других городов вышли на улицы, чтобы протестовать против приговора Виленского суда ¹⁵. Широкая волна пролетарской солидарности заставила правительство Польши согласиться на пересмотр судебного дела, в результате которого были сокращены сроки заключений осужденным деятелям БКРГ.

Почти одновременно с судом над Белорусской крестьянско-рабочей громадой в апреле—мае 1928 г. фашистское правительство Пилсудского решило провести долго готовившийся процесс 133-х революционеров, обвиняемых в принадлежности к КПЗБ и комсомолу Западной Белоруссии. В числе подсудимых находились видные руководители КПЗБ и комсомола Западной Белоруссии В. Хоружая, Я. Черняк, Р. Вольф, Н. Орехво, Л. Ковенская, С. Скульский и др.

Против осуждения томившихся в Белостокской тюрьме патриотов протестовала вся Советская Белоруссия.

Еще до начала процесса на собраниях в заводских клубах, фабричных цехах и учреждениях собирались сотни рабочих и служащих, чтобы высказать гневные слова протеста против суда над представителями Коммунистической партии и комсомола Западной Белоруссии. На них принимались решения об оказании материальной и моральной помощи братьям и сестрам, томившимся в тюрьмах Западной Белоруссии, а также и их семьям¹⁶.

Поддержка революционеров Западной Белоруссии и Польши находила различные проявления. В 1930 г. Вера Хоружая, находившаяся в то время в тюрьме, была награждена Советским правительством орденом Трудового Красного Знамени. В сообщении о награждении говорилось: «В лице тов. Веры Хоружей награждена вся революционная молодежь Западной Белоруссии, все трудящиеся, которые ведут упорную борьбу против фашистской оккупации, за самоопределение Западной Белоруссии вплоть до отделения и объединения со свободной Советской Белоруссией»¹⁷. В СССР были изданы письма В. Хоружей: в 1931 г.—«Письма на волю», в 1932 г.—«Рядом с нами». Они нашли широкий отклик у советской молодежи, учили мужеству, патриотизму.

С 1928 г. главным помощником легальной политической деятельности КПЗБ среди широких масс была Белорусская крестьянско-рабочая депутатская фракция «Змаганне», ставшая массовой революционно-демократической организацией. После разгрома БКРГ под руководством «Змагання» действовала прогрессивная культурно-просветительская организация Товарищество белорусской школы (ТБШ), которая боролась за распространение грамотности среди населения, создавала белорусские школы, библиотеки, избы-читальни, издавала на родном языке книги, выступала против национального угнетения.

Власти буржуазно-помещичьей Польши неоднократно закрывали главную управу ТБШ, запрещали съезды товарищества, арестовывали его членов. В августе 1930 г. правительство Пилсудского распустило сейм, разгромило Белорусскую крестьянско-рабочую фракцию «Змаганне» и арестовало ее руководителей, в том числе депутатов сейма. Только через шесть месяцев удалось сфабриковать против них обвинения, и весной 1931 г. суд приговорил их к 8-летнему сроку тюремного заключения. Несколько раз на скамье подсудимых оказы-

вались руководители Товарищества белорусских школ Г. Р. Ширма, Ф. И. Стецкевич, М. И. Петкевич и др.

Грубейшие акты насилия пилсудчиков вызывали возмущение у демократической общественности Польши, других стран и прежде всего советского народа. В БССР снова большой размах получила кампания в защиту национальных меньшинств, права развивать свою национальную культуру. Трудящиеся республики выражали протест против разгрома организации «Змаганне», закрытия кружков ТБШ и преследования прогрессивных деятелей. Лозунгом «Руки прочь от Товарищества белорусских школ, от белорусских гимназий и начальных школ, от клубов и библиотек!» заканчивались резолюции многочисленных митингов и собраний¹⁸.

Трудящиеся Западной Белоруссии были благодарны советским людям за помощь и поддержку, о чем свидетельствовали их письма. «Ваша помощь,— говорилось в одном из таких писем,— дает возможность десяткам детей спастись от голода и холода, получить образование в наших белорусских школах»¹⁹.

Приход фашистов к власти в Германии способствовал дальнейшей фашизации Польши и наступлению на социальные завоевания трудящихся. Однако пролетариат и крестьянство Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии встали на защиту своих прав. В 1933 г. в Польше произошло 630 стачек, из них наиболее боевыми и продолжительными были забастовки рабочих лесных промыслов Беловежской пуши и связанные с ними забастовки солидарности, всеобщая забастовка лодзинских текстильщиков, которую дружно поддерживали текстильщики Белостока. Эти выступления явились крупным революционным событием тех лет и были активно поддержаны пролетариатом Польши, Советского Союза. В Белоруссии прошла кампания солидарности в помощь бастовавшим текстильщикам. В мае 1933 г. президиум ЦСПСБ постановил: «В знак интернациональной пролетарской солидарности с белостокскими текстильщиками, героически ведущими борьбу против наступления капиталистов и фашизма, провести массовую разъяснительную работу о значении этой забастовки и организовать сбор средств по подписным листам на предприятиях и в учреждениях Белоруссии»²⁰. В результате широкой информационной и разъяснительной работы многочисленные коллективы крупных предприятий Витебска, Гомеля,

Минска, Орши, Бобруйска, Речицы и других городов собрали значительные суммы денег. Например, в Витебске многолюдные собрания и митинги состоялись на фабриках «Знамя индустриализации», «КИМ», «Двина», «Профинтерн», им. К. Цеткин, в железнодорожном депо и т. д. После митингов рабочие вносили по 2, 3, 5 и 10 руб. в фонд помощи текстильщикам Белостока. Основное содержание выступлений рабочих на митингах сводилось к следующему: «Мы растем, строим социализм, перед нами светлое будущее. Наша священная обязанность помочь братьям по классу, помочь морально и материально белостокским текстильщикам»²¹.

Моральная и материальная поддержка трудящихся БССР поднимала настроение и боевой дух бастующих, помогала выстоять и добиться экономических и политических уступок у предпринимателей и властей, укрепляла их веру в окончательную победу.

В 1935 г. в Польше была принята новая конституция, утвердившая в стране фашистский режим. В буржуазной Польше насчитывалось 364 тюрьмы, которые были переполнены политическими заключенными. Тюремные казематы Польши славились своей жестокостью на всю Европу. В 1934 г. пилсудчики создали по гитлеровскому образцу концентрационный лагерь в Березе Картузской, куда отправляли людей без суда и следствия. Срок наказания не устанавливался. Лагерь пыток в Березе Картузской был рассчитан на физическое истребление коммунистов. Этого не скрывали даже сами официальные круги. Выступая в январе 1938 г. с докладом в сейме, депутат Войтеховский заявил: «Береза Картузская стала местом, если речь идет о политических преступлениях, куда заключают исключительно коммунистов»²².

Мопровские ячейки республики оказывали широкую моральную поддержку и материальную помощь политзаключенным Гродненской, Слонимской, Кобринской, Новогрудской, Пинской, Белостокской тюрем и концлагеря в Березе Картузской. Например, ряд ячеек предприятий и колхозов Витебской области имели связь с политзаключенными Лукишской тюрьмы в Вильно, многие ячейки Минска и области — с политзаключенными Гродненской тюрьмы и концлагеря в Березе Картузской, рабочие-строители Борисова — с политзаключенными Кобринской, а трудящиеся Гомеля — с узниками Пинской тюрьмы²³.

Мопровцы БССР налаживали переписку с политзаключенными, рассказывали им об успехах советского народа в строительстве социализма. Искренние и правдивые письма трудящихся Советской Белоруссии проникали в тюремные камеры, и весть о победах социализма в нашей стране давала политзаключенным Польши новые силы и мужество, вселяла в них веру в торжество того дела, за которое они боролись. В письме, адресованном ко всем трудящимся Витебска, политзаключенные Лукишской тюрьмы говорили: «...знаем, что вы каждый день следите за тем, что делается в польских фашистских застенках, что вы всегда готовы к защите интересов всех заключенных. Мы зорко следим за каждым вашим шагом, вместе с вами радуемся каждой новой фабрике, трактору, автомобилю, самолету. Ваши успехи поддерживают нас в трудной борьбе...»²⁴ Письма политзаключенных обсуждались в рабочих коллективах, печатались в периодических изданиях, издавались отдельными брошюрами.

В 1936 г. трудящиеся республики активно выступили в поддержку массовой кампании за спасение жизни белорусского революционера Сергея Притыцкого, стрелявшего в зале виленского суда в провокатора и приговоренного за это к смертной казни. На массовых митингах и собраниях советские люди требовали от польского правительства отмены смертного приговора и освобождения Притыцкого. Под напором народного гнева санкционный суд вынужден был заменить смертный приговор пожизненным заключением.

Активная поддержка трудящимися БССР национально-освободительного движения в Западной Белоруссии имела огромное значение. Она во многом содействовала тому, что правящие круги буржуазно-помещичьей Польши, несмотря на невиданный террор и репрессии, так и не смогли разгромить революционные силы и подавить борьбу белорусского народа за национальное самоопределение и воссоединение с БССР.

¹ Звезда, 1926, 17 марта.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 7, д. 83, л. 132.

³ Палуян У. А. Беларускае сялянска-рабочая грамада.— Мн., 1967, с. 213.

⁴ Революционный путь Компартии Западной Белоруссии.— Мн., 1966, с. 150.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 12, оп. 1, д. 549, л. 10.

⁶ Савецкая Беларусь, 1927, 28 студз.

- ⁷ ЦГАОР БССР, ф. 6, оп. 1, д. 1550, л. 34.
- ⁸ Там же, ф. 103, оп. 1, д. 193, л. 13.
- ⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 7, д. 116, л. 134; Савецкая Беларусь, 1927, 5, 16 чэрв.
- ¹⁰ ЦГАОР БССР, ф. 306, оп. 1, д. 412, л. 5, 6.
- ¹¹ Звязда, 1928, 19 студз., 3 сак.
- ¹² ЦГАОР БССР, ф. 332, оп. 2, д. 40, л. 39, 41.
- ¹³ Звязда, 1928, 6 чэрв.
- ¹⁴ Палуян У. А. Указ. соч., с. 202.
- ¹⁵ Звязда, 1928, 24 мая.
- ¹⁶ Там же, 10 лют.
- ¹⁷ Славная дочь белорусского народа.—Мн., 1962, с. 160.
- ¹⁸ Звязда, 1931, 28 крас.
- ¹⁹ ЦГАОР БССР, ф. 7, оп. 1, д. 398, л. 18.
- ²⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 462, л. 2, 19—23.
- ²¹ Там же, л. 6, 10.
- ²² Цит. по: Мацко А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков.—Мн., 1972, с. 250.
- ²³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 236, л. 25, 40+; д. 34, л. 17—18; Интернациональный маяк, 1935, № 2, с. 13.
- ²⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 508, л. 23.

Г. А. Космач

канд. ист. наук
(Минский пединститут им. А. М. Горького)

ПОРАЖЕНИЕ ПРАВООПОРТУНИСТИЧЕСКОГО УКЛОНА В КОМПАРИИ АВСТРИИ (1928—1929 гг.)

Коммунистическая партия Австрии после июльских событий 1927 г. переживала внутрипартийный кризис, снизилась ее политическая активность. Это было обусловлено временной деморализацией рабочего класса после поражения в июле 1927 г., быстрым усилением темпов наступления австрийской реакции, а также деятельностью правооппортунистической группы внутри КПА. В резолюции Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ) по австрийскому вопросу в 1928 г. указывалось, что ослабление Компартии Австрии «после 15 июля объясняется в первую очередь субъективными факторами»¹.

На VI конгрессе Коминтерна в июле — августе 1928 г. представители правого уклона в КПА во главе с В. Шламмом, Г. Шенфельдером, Г. Вегерером, Я. Рисом открыто изложили свою платформу. Г. Шенфельдер, выступая как представитель меньшинства в ЦК КПА, отрицал обоснованность тезиса Коминтерна о начале банк-

ротства австромарксизма после 15 июля 1927 г., ссылаясь на некоторые успехи СДПА². Правые, переоценивая прочность стабилизации капитализма в Австрии, не видели обстоятельств, подрывающих позиции социал-демократии в рабочем движении. Вместе с тем они утверждали, что КПА станет массовой только в случае раскола СДПА. Компартии оставался только один выход — ждать прихода революционной ситуации, когда станет неизбежным кризис социал-демократической партии.

Генеральный секретарь ЦК КПА И. Коплениг и О. Бенедикт на VI Конгрессе Коминтерна решительно опровергли пессимистическую оценку положения компартии правыми оппортунистами и охарактеризовали их политику внутри партии как австромарксистскую, ведущую к самоликвидации партии.

Ликвидаторская тактика правых оппозиционеров сказывалась не только во время крупнейших выступлений австрийского рабочего класса, но и в ходе повседневной практической работы партии и приводила к свертыванию деятельности ряда партийных организаций. Примером в этом отношении может служить развитие коммунистических ячеек в Верхней Штирии.

Во главе организации КПА в Штирии стоял Г. Вегерер. В январе 1927 г. орготдел ИККИ отмечал штирийские ячейки Компартии Австрии, как образцовые в Коммунистическом Интернационале³. Но с осени 1927 г. все более сильные позиции занимают в Штирии «желтые», профашистские профсоюзы. Многие рабочие и некоторые коммунисты, поддавшись социальной демагогии фашистов, вступили в их профсоюз. В январе 1928 г. состоялась конференция штирийской парторганизации, на которой К. Томан от имени профотдела компартии предложил начать агитацию за возвращение рабочих в свободные профсоюзы, за сотрудничество Союза Красных фронтовиков (СКФ) и шуцбунда в деле предупреждения фашистских провокаций, за повышение заработной платы. Прибывший в город Хюттенберг И. Коплениг потребовал решительной борьбы с фашизмом и прежде всего объявления забастовки. Но Г. Вегерер, правый оппортунист, переоценивавший влияние СДПА, не последовал этим советам. И. Коплениг в статье «Уроки Верхней Штирии»⁴ осветил сущность правооппортунистических ошибок Г. Вегерера, непонимание правыми тактики единого рабочего фронта. Решение КПА создать единый антифаши-

стский фронт было предложено коммунистами профсоюзным вождям без предварительного широкого обсуждения среди рабочих масс. Произошло применение тактики единого фронта только «сверху». Это вытекало из установки Г. Вегерера о том, что главную роль в борьбе с фашизмом должны играть СДПА и свободные профсоюзы, без которых забастовка обречена на срыв⁵. В этом ярко проявилась недооценка правыми как силы КПА, так и опасности фашизма.

Таким образом, правая оппозиция тормозила проведение компартией активной борьбы против фашизма и реакции. Назрела необходимость решительно пресечь ее деятельность. На это обратил внимание австрийских коммунистов Политсекретариат ИККИ в резолюции о положении Компартии Австрии, принятой 7 сентября 1928 г. Отмечая ошибки КПА, Политсекретариат ИККИ особо остановился на положении верхнештирийской организации КПА, указав, что в борьбе с фашизмом она шла в хвосте социал-демократии⁶.

Острота правой опасности в КПА ярко проявилась во время первой крупной вооруженной демонстрации хеймвера (военизированной организации, созданной для борьбы с рабочим движением) 7 октября 1928 г. в Винер-Нейштадте. Эти события явились самым серьезным испытанием для компартии после июльских боев 1927 г.

Еще в августе 1928 г. компартия предупреждала рабочий класс: «В эти месяцы назревает конфликт, если не будет дан отпор хеймверу, то откроется путь к фашистской диктатуре с исключением парламентских институтов»⁷. В начале сентября 1928 г. ХСП и Ландбунд провели кампанию по подготовке марша фашистов, назначенного на 7 октября. Хеймверовцы стали открыто призывать к свержению «негодной» буржуазной демократии⁸. Социал-демократическая партия, стремясь не нарушать «гражданского мира», согласилась на проведение параллельных демонстраций шуцбунда и хеймвера 7 октября 1928 г. Коммунисты, чтобы предотвратить выступление хеймвера, решили вооружить рабочих и организовать накануне 7 октября стачку железнодорожников⁹. ЦК КПА обращением «Массовый отпор фашистской провокации!», которое было написано 13 сентября 1928 г., призвал рабочий класс на борьбу с реакцией. В ответ полиция начала травлю коммунистов. Обращение ЦК КПА было квалифицировано как призыв к граждан-

ской войне. Ответственный редактор «Роте Фане» Эрвин Цуккер был арестован. По инициативе компартии 15 сентября состоялась конференция революционных фабзавкомов, которая решила 30 сентября 1928 г. провести в Винер-Нейштадте заседание «Пролетарского комитета обороны» и принять меры по срыву хеймверовского марша¹⁰. Компартия основала 25 сентября в Винер-Нейштадте «Австрийскую рабочую оборону», ставшую легальной формой Союза Красных фронтовиков. От имени ЦК КПА И. Коплениг призвал к организации коммунистической контрдемонстрации. Коммунисты на ряде митингов и собраний объясняли рабочим, что марш фашистов 7 октября, если он состоится, будет «новой эрой фашистской контрреволюции»¹¹.

Правительство Зейпеля оказало прямую поддержку хеймверовцам. Винер-Нейштадт был разделен на две части, в каждой из которых в разное время могли проводить демонстрации шуцбунд и хеймвер. Социал-демократия вместо мобилизации пролетариата и шуцбунда фактически капитулировала перед австрофашистами¹².

Компартия попыталась предотвратить выступление хеймвера. В Бадене 30 сентября 1928 г. состоялась делегатская конференция КПА и «Пролетарского комитета обороны». С основным докладом выступил И. Коплениг. Он призвал к единству всех рабочих вне зависимости от партийной принадлежности в борьбе против фашизма и заявил, что никакие запреты не мешают компартии организовать шествие 7 октября в Винер-Нейштадте¹³. «Пролетарский комитет обороны» издал листовку, в которой призывал рабочих Вены, Нижней Австрии и Штирии 6 октября прекратить работу, занять вокзалы и город, чтобы не осталось места для размещения хеймвера. Таким образом, компартия выдвинула реальный план отпора фашистской провокации.

В ответ на действия «Пролетарского комитета обороны», организовавшего в некоторых местах сопротивление отправке хеймверовцев в Винер-Нейштадт, 5 октября были арестованы И. Коплениг, А. Циглер, О. Бенедикт, которых вскоре освободили. Секретариат КПА и редакция «Роте Фане» были заняты полицией. Компартия была вынуждена фактически перейти на полулегальное положение.

К утру 7 октября в прилегающих к Винер-Нейштадту районах собралось около 800 коммунистов. Однако

жандармерия и шуцбунд не допустили их в город. Более 130 коммунистов ночью 7 октября были арестованы у Винер-Нейштадта и отправлены в Вену, но они сумели бежать. Однако в город было уже трудно пробраться¹⁴. В Винер-Нейштадт проникло только 50—60 коммунистов, которые, переодевшись в форму шуцбундовцев, пытались 7 октября организовать собрание рабочих на главной площади города, распространяли листовки-летучки. Шуцбунд и полиция арестовали коммунистов. Была изъята также санитарная машина «Красной помощи», арестовано 9 членов «Пролетарского комитета обороны», а также члены ЦК КПА Ф. Коричонер, Я. Рис, К. Томан, В. Шламм¹⁵. Всего по стране было арестовано около 1000 коммунистов.

В Штирии и Нижней Австрии компартия во многих местах организовала отпор выступлениям хеймверовцев. Однако свободные профсоюзы и правительство установили контроль над железными дорогами и коммунисты не смогли помешать прибытию отрядов хеймвера в Винер-Нейштадт.

На исход событий в Винер-Нейштадте влияние оказала тактика правых оппортунистов. Их вожди вместо того, чтобы поехать в Винер-Нейштадт после ареста многих руководителей КПА, остались сидеть дома¹⁶, не предприняв никаких мер по своевременной информации пролетариата о происходящих событиях. Видный деятель КПА Л. Хорник отмечал, что 7 октября ЦК Компартии оказался под влиянием правых, которые лозунг предотвращения выступления хеймвера восприняли как пропагандистский и 6 октября не приступили к практическим действиям. Л. Хорник писал, что КПА несомненно имела возможность помешать прибытию в Винер-Нейштадт хеймверовских поездов и фашистскому маршу¹⁷.

После событий 7 октября 1928 г. внутри КПА резко обострились разногласия с правооппортунистическими элементами по вопросу о дальнейшей тактике борьбы. В середине декабря 1928 г. на расширенном заседании ЦК КПА была принята общая марксистская платформа «Вопросы борьбы австрийского рабочего класса», ставшая основой для дискуссии в партии. Правые оппортунисты во главе с В. Шламмом, Г. Шенфельдером, Я. Рисом, Г. Вегерером выступили с «Резолюцией о политическом положении и задачах КПА» и рядом статей в «Роте Фане», В ходе развернувшейся дискуссии большин-

ство коммунистов осудило правооппортунистический уклон.

В середине февраля 1929 г. ИККИ обратился с «Открытым письмом» к X съезду КПА. В нем указывалось, что основная причина неудач партии заключалась в том, что она не смогла после июля 1927 г. осуществить необходимый поворот в тактике по отношению к СДПА и противопоставить социал-демократической политике конструктивную программу борьбы за интересы пролетариата в условиях наступления фашизма. Это объяснялось, в свою очередь, тем, что в компартии активно работала в качестве самостоятельного течения легальная правооппортунистическая группа, против которой не велась достаточно решительная идеологическая борьба¹⁸. В «Открытом письме» Коминтерн подверг резкой критике оппортунистическую платформу группы Шламма — Шенфельдера. ИККИ указал на то, что правый оппортунизм является проявлением брандлеризма в Компартии Австрии. Правая оппозиция в КПА была составной частью правооппортунистического уклона в Коминтерне в конце 20-х гг.

X съезд КПА состоялся 16—18 февраля 1929 г. На съезде с отчетным докладом выступил И. Коппенг, в котором раскрыл всю несостоятельность взглядов правых оппортунистов, осудил деятельность остатков ультралевой и троцкистской групп¹⁹. С докладом «Позиция меньшинства к положению и задачам партии» выступил В. Шламм. Он открыто поддержал правый уклон в ВКП(б), защищая бухаринский тезис о прочности и дальнейшем укреплении капитализма в период его частичной стабилизации, отстаивая принцип свободы фракций и оправдывая капитулянтскую позицию правых в событиях 7 октября 1928 г. в Винер-Нейштадте²⁰. И. Коппенг, Г. Фиала, Г. Керше в своих выступлениях на X съезде показали, что двухмесячная дискуссия в партии с правыми оппортунистами ничего общего не имела с фракционностью прошлых лет. Это была дискуссия, имевшая принципиальное политическое значение. Съезд осудил деятельность правого уклона как полусоциал-демократического, австромарксистского течения в КПА²¹. Однако правые оппортунисты и после X съезда продолжали оппозиционную работу. И. Коппенг в статье «К венской городской конференции» в мае 1929 г. высказался о необходимости чистки партии от последних правооппорту-

нистических троцкистских и пораженческих элементов²². В конце мая 1929 г. на II венской конференции КПА, на которой со всей очевидностью выявилась наносящая большой ущерб антифашистской борьбе тактика правых, И. Коплениг в заключительном слове сказал, что партия дает последнее предупреждение правым оппортунистам. Г. Шенфельдер заявил, что коммунисты должны поставить в центр своей политики не отпор фашизму, а борьбу за сохранение закона о защите прав квартиронанимателей как более близкую и понятную для рабочих²³. Другой правый оппортунист П. Кон поддержал Г. Шенфельдера и утверждал, что поскольку в Австрии у буржуазии нет своего Муссолини, то нет и реальной угрозы фашизма.

В резолюции II венской конференции КПА подчеркивалось, что правая оппозиция не выполнила решения X съезда о прекращении деятельности, а отдельные ее представители начали созывать собственные конференции, на которых открыто выступили против большинства КПА и политики Коминтерна. На конференции была осуждена связь правых оппортунистов в КПА с троцкистским блоком.

В апреле 1929 г. в Граце состоялись местные выборы, на которых правые выставили отдельные списки и получили большинство голосов²⁴. Венская конференция предупредила оппортунистов, что их дальнейшая деятельность несовместима с пребыванием в партии²⁵.

В июле 1929 г. ЦК КПА исключил из партии Изу Штрассер и Марту Натансон за солидарность с троцкизмом и дал последнее предупреждение Г. Шенфельдеру²⁶. Однако он не подчинился решению партийных органов и в конце июля 1929 г. ЦК исключил его и П. Кона из рядов компартии.

X пленум Исполкома Коминтерна в июле 1929 г. одобрил осуждение правооппортунистического уклона в КПА. В связи с исключением многих лидеров правой оппозиции из КПА X пленум ИККИ обсудил вопрос о кадрах Компартии Австрии. И. Коплениг говорил на пленуме: «Все старые кадры заостенели, они износились в многолетней беспринципной борьбе и не в состоянии участвовать в повороте политики партии»²⁷. Д. Мануильский подчеркнул, что австрийской компартии нужен «тип агрессивного большевика»²⁸.

После X пленума ИККИ центральный орган ЦК

ВКП(б) «Большевик» писал: «Австрийские оппортунисты сочли даже излишним апеллировать в Исполком Коминтерна. Они поступили более «деловито»: не успев покинуть порог партии, они уже присутствовали на всегерманской конференции правых»²⁹. Оппозиционеры стали бойкотировать борьбу компартии против фашизма, отказались участвовать в создании антифашистских комитетов, институтов революционных уполномоченных, отрядов рабочей обороны. Правые стали блокироваться с лидерами социал-демократов на выборах в фабзавкомы³⁰. Поэтому в сентябре 1929 г. ЦК КПА принял решение о чистке партии³¹.

2—3 ноября 1929 г. проходила чрезвычайная конференция КПА, которая единогласно одобрила исключение из партии В. Шламма и других правых оппортунистов. Был также исключен бывший председатель ЦК КПА А. Циглер за политическое дезертирство в ряды социал-демократии³². Г. Фиала, проявивший примиренческое отношение к оппозиции, был выведен из ЦК КПА.

Компартия Австрии и Коминтерн приняли также меры по пресечению деятельности «левых» оппортунистов, повели решительную борьбу с провокаторами и фракционерами, опирающимися на профессионального фракциониста К. Томана³³.

Поражение правооппортунистического уклона в КПА в 1929 г. дало возможность коммунистам провести ряд крупных политических акций против фашизма и значительно повысить свое влияние среди рабочего класса.

¹ Коммунистический Интернационал, 1928, № 38, с. 43.

² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна.— М., 1929, вып. 1, с. 552—553.

³ Die Rote Fahne, 1929, 16 Jan.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., 1928, 11 Dez.

⁷ Ibid., 12 Aug.

⁸ Neue Freie Presse, 1928, 6 Aug., Abendblatt.

⁹ Die Rote Fahne, 1928, 8 Sept.

¹⁰ Einheit, 1928, N 9, S. 3.

¹¹ Inprekor, 1928, N 115, S. 2259.

¹² Правда, 1928, 18 сент.

¹³ Die Rote Fahne, 1928, 2 Okt.

¹⁴ The Times, 1928, 8 Oct.

¹⁵ Neue Freie Presse, 1928, 11 Okt.

¹⁶ Die Rote Fahne, 1929, 6 Jan.

¹⁷ Ibid., 11 Jan.

¹⁸ Ibid., 17 Febr.

- ¹⁹ Ibid., 20 Febr.
²⁰ Ibid.
²¹ Schüller R. Parteitag in Österreich.—Die Rote Fahne, 1929, 17 Febr.
²² Die Rote Fahne, 1929, 8 Mai.
²³ Ibid., 29 Mai.
²⁴ Steiner H. Die Kommunistische Partei Österreich. 1918—1933: Bibliographische Bemerkungen.—Wien, 1968, S. 75.
²⁵ Die Rote Fahne, 1929, 1 Jun.
²⁶ Ibid., 21 Jul.
²⁷ X Пленум Исполкома Коминтерна.—М., 1929, вып. 1, с. 101.
²⁸ Там же, с. 56.
²⁹ Большевик, 1929, № 23-24, с. 94.
³⁰ Там же, с. 96—97.
³¹ Правда, 1929, 3 окт.
³² Inprekor, 1929, N 103, S. 2442.
³³ Центральный музей Революции СССР, ГИК 8896/19, Д32-11 Ж.

Магали Росельо Йерго,

аспирант

(Минский пединститут им. А. М. Горького)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБЕ В ПЕРИОД МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929—1933 гг.)

После свержения испанского колониального господства Куба, как и большинство других стран Латинской Америки, оказалась в полуколониальной зависимости от американского империализма. В 20-е гг. американские монополии укрепляли свои позиции в экономике Кубы, и прежде всего в ведущих отраслях сахарной, табачной, добывающей промышленности. Если накануне первой мировой войны принадлежавшие американскому капиталу центральные давали 35 %, а в 1920 г.—48,4 % всей кубинской продукции сахара, то к 1927 г. они произвели уже более двух третей ее¹. Американские сахарные компании владели к 1928 г. свыше 3 млн. га земли для выращивания сахарного тростника. Им принадлежали 6,4 тыс. км железных дорог. Американский капитал владел плантациями бананов, сизаля, был вложен в табачную и цементную промышленность, скотоводческие ранчо, торговлю и т. д.²

Крупнейшая отрасль обрабатывающей промышленности — сахарная производила лишь сахар-сырец, поглощала большую часть капиталов, земли и рабочих рук. В связи с этим экономика Кубы оказалась в полной

зависимости от развития одной культуры — сахарного тростника, а благосостояние страны — от вывоза сахара-сырца, составлявшего более четырех пятых всего кубинского экспорта. Таким образом, экономика Кубы к концу 20-х гг. попала в полную зависимость от империализма США, превратившего ее в страну монокультуры³.

Интенсивное развитие сахарной промышленности и господство американского капитала привели к социальным сдвигам. Быстро росла численность населения, во многом за счет притока иммигрантов, увеличивалось городское население, которое к началу 30-х гг. составляло свыше половины. Общая численность промышленных и сельскохозяйственных рабочих на Кубе достигла к этому времени около 700 тыс. Основной отряд кубинского пролетариата составляли рабочие сахарной промышленности.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к резкому падению спроса на сахар. Цена на кубинский сахар-сырец упала с 1,99 цента за фунт в 1929 г. до 0,57 цента в 1933 г. Экспорт его сократился в эти годы с 5,3 млн. т до 2,3 млн. т⁴. Сокращение экспорта обусловило уменьшение стоимости импорта с 216 млн. дол. в 1929 г. до 42 млн. в 1933 г.⁵ Резко сократился ввоз продовольствия, и миллионы трудящихся голодали. Десятки сахарных заводов и других предприятий закрылись, либо почти прекратили производство. На Кубе с 4-миллионным населением насчитывалось полмиллиона безработных, никакого пособия они не получали. Заработная плата трудящихся сократилась в 5—6 раз. За 10—14 часов работы в день трудящийся получал 20—30 сентавов. Для сравнения отметим, что средний завтрак стоил 10—15 сентавов. Нищета трудящихся масс была ужасающей, тысячи детей и стариков умирали от истощения и болезней⁶.

Правительство Херардо Мачадо действовало в интересах американских монополистов и крупной кубинской буржуазии, все тяготы экономического кризиса оно возложило на плечи трудящихся масс. Под предлогом «борьбы с коммунизмом» правительство Мачадо установило в стране режим террора и насилия, обрушило на демократические силы жестокие репрессии. Оно стремилось расколоть рабочее движение и поставить его под свой контроль. Для этого была создана реформистская Кубинская

федерация труда, а Национальная рабочая конфедерация Кубы (КНОК) и многие отраслевые профсоюзы были запрещены, их помещения разгромлены. Стремясь обезглавить революционное движение, власти особенно жестоко расправлялись с руководителями рабочего движения и революционного студенчества. Тайная полиция расстреливала коммунистов без всякого суда⁷. Даже в эмиграции они не могли быть спокойны за свою жизнь. В Мехико агенты кубинского диктатора 10 января 1929 г. убили руководителя Коммунистической партии Кубы Хулио Антонио Мелью.

Режим террора, нищеты и голода в условиях экономического кризиса на Кубе вызвал рост недовольства, революционизировал широкие народные массы. По размаху и степени охвата масс революционные выступления на Кубе в период мирового экономического кризиса превосходили все другие революционные выступления тех лет в Латинской Америке. 1 мая 1929 г. Гавана стала свидетельницей грандиозной демонстрации трудящихся, участники которой провели митинг в Регле, на Ленинском холме, где росло посаженное в 1924 г. в память о Ленине оливковое дерево⁸. В конце года произошли забастовки в Гаване, Мансанильо и других городах.

1930 г. на Кубе начался митингами и собраниями трудящихся, студентов, прогрессивной молодежи и интеллигенции в связи с годовщиной убийства Х. А. Мельи. 20 марта 1930 г. в Международный день борьбы с безработицей по призыву КНОК была проведена 24-часовая всеобщая стачка. Вместе с рабочими табачной, сахарной промышленности бастовали транспортники, строители, работники ресторанов, отелей, типографские рабочие и др. В этот день жизнь в городах замерла, не вышли газеты. Крестьяне отказались доставлять продукты. Закрылись мелкие магазины. По улицам патрулировали войска, здания профсоюзных организаций были оцеплены, в ряде мест произошли столкновения с полицией, однако правительство оказалось не в состоянии разгромить стачку. Руководство ею осуществляла компартия, в частности, Рубен Мартинес Вильена. Забастовка охватила свыше 200 тыс. трудящихся Гаваны, Сантьяго де Куба, Мансанильо и других городов. Она была направлена против дальнейшего ухудшения положения трудящихся, безработицы, террора, запрещения КНОК, бастующие выдвинули требование отставки Мачадо. Таким образом,

стачка носила ярко выраженный политический характер и явилась первым массовым революционным выступлением против режима Мачадо⁹.

Несмотря на репрессии, боевая активность возрастала. В апреле 1930 г. бастовали шляпочники Гаваны, в мае — портовые рабочие Мансанильо. 1 мая 1930 г. впервые в истории Кубы прекратили работу и вышли на демонстрацию не только рабочие, но и служащие, ремесленники, революционное студенчество. Только в Гаване в демонстрации участвовало свыше 60 тыс. человек. По колоннам демонстрантов, шедших на митинг в Реглу, войска открыли огонь, 6 рабочих было убито и более 100 ранено. Дерево, посаженное в память о Ленине, прислужники диктатора срубили¹⁰. Были расстреляны демонстрации трудящихся и в других городах¹¹. Начиная с этого времени и до свержения диктатуры Мачадо празднование 1 Мая проводилось подпольно. Диктаторский режим прибегал к крайним методам, чтобы предотвратить назревание революционного кризиса в стране. 30 сентября 1930 г. по приказанию Мачадо полиция открыла стрельбу по студенческой демонстрации в Гаване, был убит популярный студенческий лидер Рафаэль Трехо Гонсалес, имелись раненые. Эти события нашли широкий отклик в массах. По городам прошли демонстрации протеста¹². Это привело к тому, что революционно настроенные лидеры студенческого движения стремились к координации революционной борьбы трудящихся и студентов, объединению их усилий.

Классовая борьба на Кубе продолжала нарастать, ширилось забастовочное движение. С ноября 1930 по 1931 г. длилась стачка рыбаков Гаваны, которых поддерживали рабочие других отраслей. Бастовали металлисты, рабочие американской трамвайной компании. По призыву КНОК 4 августа 1931 г. состоялась всеобщая забастовка солидарности против правительственного террора и в поддержку борьбы трамвайщиков. В ней участвовало 60 тыс. рабочих¹³.

В середине 1931 г. рабочие сентралья «Насабаль» начали забастовку, потребовав увеличения заработной платы и предоставления им земельных участков. Забастовка была единодушной, и администрация вынуждена была согласиться с требованиями рабочих, однако выполнять их не собиралась. Это вызвало недовольство рабочих и подталкивало их к дальнейшему наступлению в

борьбе за свои права. В сентябре — октябре на заводе была создана подпольная ячейка компартии, а позже — Комитет борьбы, который возглавляли коммунисты¹⁴. В 1931 г. бастовали портовики Кайбарьена, текстильщики и другие категории рабочих.

С лета 1931 г. начались массовые демонстрации безработных, вылившиеся в ряде мест в ожесточенные столкновения с полицией. Безработные выступали против диктаторского режима и его антинародной политики.

В январе 1932 г. забастовали 15 тыс. рабочих табачной промышленности, которая находилась в руках американских монополистов. Рабочие подвергались жестокой эксплуатации. На табачных предприятиях преобладал женский труд, рабочий день был не нормирован, заработная плата была ничтожной и, как правило, выдавалась чеками, которые отоваривались только в местном магазине. Рабочие табачной промышленности имели свой профсоюз, однако руководство в нем захватили в свои руки реформисты, которые помогали предпринимателям держать в узде рабочих. В условиях сокращения производства владельцы табачных предприятий решили снизить зарплату на 20 %. Рабочие бастовали в течение трех месяцев. Предприниматели вынуждены были пойти на уступки и заявили, что зарплата будет снижена только на 10 %. Однако не все рабочие согласились на это условие и продолжали бастовать. Стачка табачников затянулась на 7 месяцев.

КНОК оказала большое влияние на ход стачки табачников. Она призывала рабочих других отраслей создать единый фронт с бастующими, организовывала сбор средств для оказания им помощи, разоблачала предательскую роль реформистских лидеров. Вместе с тем рабочие-табачники потерпели поражение. Против рабочих был использован нажим со стороны реформистского руководства профсоюза, репрессии. Около 140 человек были брошены в тюрьмы.

В большинстве случаев забастовки солидарности были сорваны, так как отсутствовала связь с рабочими других предприятий. В статье «О стачках» В. И. Ленин подчеркивал, что «стачки приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов»¹⁵.

В 1932 г. активно выступали рабочие сахарных предприятий, их поддерживал сельскохозяйственный проле-

тариат. В феврале забастовали рабочие централя «Провиденсия» (провинция Гавана), потребовав повышения зарплаты, введения 8-часового рабочего дня, признания профсоюзного комитета и права вступать в профсоюз, а также удаления с территории централя сельской полиции¹⁶.

Коммунистическая партия Кубы и КНОК в условиях углублявшегося экономического кризиса важнейшей задачей считали защиту экономических интересов трудящихся, объединение их в борьбе против эксплуатации. В декабре 1932 г. на конференции делегатов 32 централей по инициативе компартии был создан национальный союз рабочих сахарной промышленности, положивший начало объединению рабочих сельского хозяйства и сахарных заводов в мощную профсоюзную организацию¹⁷. Конференция приняла программный манифест, в котором определялись следующие задачи: создание забастовочных комитетов на предприятиях, союз крестьян и сельскохозяйственных рабочих в борьбе против крупных землевладельцев и буржуазии, установление 8-часового рабочего дня, определение минимума заработной платы и современная ее выплата в деньгах, а не в чеках¹⁸. На конференции было создано бюро для руководства борьбой рабочих сахарных заводов, крестьян и батраков.

В годы кризиса росло недовольство и в кубинской деревне. Частыми были случаи поджога тростника на плантациях помещиков и сахарных компаний. Имели место голодные походы и забастовки сельскохозяйственных рабочих и батраков.

Стремясь подавить возрастающее народное недовольство, правительство Мачадо еще более усиливало наступление на демократические свободы и права трудящихся. Профсоюзы были вынуждены перейти на нелегальное положение, стачки запрещались. Были закрыты не только университеты, но и средние школы, спортивные организации, запрещено издание ряда буржуазных газет и журналов. В стране было введено военное положение. Однако движение народных масс нарастало и перед господствующим классом встала задача — захватить руководство этим движением в свои руки, чтобы не допустить социальной революции. С этой целью представители оппозиционно настроенной буржуазной интеллигенции основали в 1931 г. тайную организацию, названную тремя первыми буквами латинского алфавита,

«АБЦ». Она заявила о своем стремлении бороться за свержение диктатуры Мачадо, в своей борьбе широко использовала методы индивидуального террора. Основные экономические требования «АБЦ» носили мелкобуржуазный характер, а политическая программа отражала интересы реакционной национальной буржуазии. Ее лидеры устанавливали связи с фашистскими организациями в Италии, Германии, Испании и Бразилии¹⁹. «АБЦ» проявляла себя как организация с тенденциями фашистского характера. Оценивая программу «АБЦ», журнал «Комьюнист» (орган Компартии США) отмечал: «Она представляет интересы крупной буржуазии и землевладельцев. Охраняя интересы местных и империалистических правящих классов, ее программа одновременно имеет целью путем неопределенных обещаний сдержать революционный подъем масс»²⁰.

Следует отметить, что в конце 1932—начале 1933 г., когда экономический кризис достиг своей кульминации, демагогические лозунги «АБЦ» находили благоприятную почву не только в среде мелкой буржуазии, но и среди части рабочих. В полной мере контрреволюционная сущность «АБЦ» проявилась лишь после свержения диктатуры Мачадо и особенно в 1935—1940 гг.

Деятельность «АБЦ» ослабляла революционное движение. В ответ на террористические акты правительство проводило массовые репрессии против всех демократических организаций и прежде всего против компартии. Для борьбы с революционным движением была создана военнизированная организация «Порра» («Партия дубинки»). Отряды этой организации громили демонстрации, убивали оппозиционно настроенных политических и профсоюзных деятелей, прогрессивных журналистов, писателей.

Однако борьба против существовавшего на Кубе режима усиливалась и охватывала все более широкие слои населения. Коммунистическая партия Кубы направляла свои усилия на сплочение трудящихся, на расширение связей с массами. Ее организации существовали во всех провинциях. В эти годы выросла численность коммунистов и составила к 1933 г. свыше 8 тыс. человек. Компартия руководила деятельностью КНОК, Лигой коммунистической молодежи, Антиимпериалистической лигой, активно влияла на Левое студенческое крыло и Радикальный женский союз.

К началу 1933 г. политическая обстановка на Кубе

еще более обострилась, усилилась и борьба рабочего класса. Одним из крупнейших выступлений трудящихся явилась забастовка около 30 тыс. рабочих на 25 сахарных заводах и 100 плантациях сахарного тростника, которая проходила в разгар уборочного сезона. Руководство забастовкой осуществлял национальный профсоюз рабочих сахарной промышленности, на предприятиях были избраны стачечные комитеты, которые организовали пикеты и отряды самообороны, дававшие отпор карательным экспедициям. В центрах «Мабай», «Никеро», «Изабель», «Медиан-Луна», «Насабель», «Хатибонико» и других рабочие захватывали сахарные заводы и служебные помещения. Рабочие требовали повысить заработную плату, сократить рабочий день, освободить из тюрем политзаключенных, свободу профсоюзной деятельности и др. В ряде провинций забастовочное движение распространилось и на другие отрасли экономики: бастовали шахтеры в Пинар дель Рио, обувщики Матансаса, грузчики порта Никеро, учителя в провинции Ориенто, рабочие кофейных плантаций в округе Мансанильо. В провинции Лас Вильяс забастовкой были охвачены почти все предприятия.

Население сочувствовало стачечникам и организовывало им помощь. Ширилось движение крестьянской бедноты, которая под руководством коммунистов стала создавать свои лиги²². В Гаване, Матансасе, Камагуэе и других городах проходили массовые демонстрации безработных, служащих, месяцами не получавших жалования. Недовольство выражали и мелкобуржуазные городские слои, отказывавшиеся платить налоги.

Забастовочная борьба первой половины 1933 г. имела важное политическое значение в процессе назревания революционного кризиса. Многие стачки этого времени окончились победой рабочих. Возрастала организованность трудящихся, повышалось их классовое самосознание. Важным результатом стачечного движения явилось укрепление и рост революционных профсоюзов. В ходе забастовок возникли региональные профсоюзы рабочих сахарных предприятий провинции Ориенте и г. Мансанильо. В мае 1933 г. в г. Камагуэе состоялся второй конгресс национального профсоюза рабочих сахарной промышленности, 102 делегата которого представляли практически все сахарные заводы страны. На

конгрессе были подведены итоги борьбы рабочих сахарной промышленности в начале 1933 г. и определены основные направления в ее развитии в условиях назревавшей народной антиимпериалистической революции на Кубе. В решениях конгресса подчеркивалась важность установления единства действий с другими отрядами рабочего класса²³.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. резко обострил противоречия, существовавшие на Кубе. Социальная база режима Мачадо быстро сужалась. Дальнейшее усиление террора неизбежно приближало революционный взрыв. «Становилось ясно,— писал об этом в своих мемуарах государственный секретарь США К. Хэлл,— что либо Мачадо уйдет в отставку, либо его свергнет революция»²⁴. Правящим кругам США стало ясно, что правительство Мачадо неспособно больше обеспечить защиту американских интересов на Кубе.

В мае 1933 г. на Кубу прибыл новый посол США опытный дипломат Бенджамен Сэмпер Уэллес. Перед ним была поставлена задача объединить кубинский правящий лагерь, добиться отставки Мачадо и передачи власти лидерам буржуазной оппозиции с тем, чтобы предотвратить революционный взрыв.

Однако уже в начале мая большая часть провинции Орьенте была охвачена революционным брожением, повсеместно создавались партизанские отряды. К июню они действовали в большинстве провинций и насчитывали сотни человек. Все чаще имели место столкновения с полицией и войсками, росло число диверсий на железных дорогах. На митингах принимались резолюции протеста против антинародной политики диктатуры Мачадо и вмешательства США в дела Кубы. В Гаване в июле 1933 г. забастовали 1,5 тыс. работников автобусного транспорта. По призыву компартии и КНОК на промышленных предприятиях начались забастовки солидарности с транспортниками, которые вылились во всеобщую забастовку, охватившую все отрасли промышленности, транспорт, торговлю, служащих государственных учреждений. Коммунистическая партия Кубы и КНОК обратились к народу с манифестом, разоблачавшим империалистический характер «посредничества» посла США С. Уэллеса. Манифест требовал установления 8-часового рабочего дня, введения социального страхования, выплаты просроченной заработной платы рабочим, учителям, государствен-

ным служащим, призывал трудящихся к борьбе против режима Мачадо и интервенции США, за национальное освобождение Кубы²⁷.

В ходе всеобщей забастовки ярко проявилась авантюристическая тактика «АБЦ», стремившейся толкнуть массы на преждевременные политические действия. Подпольная радиостанция этой организации передала ложную информацию об отставке диктатора, и 7 августа толпы народа собрались у президентского дворца. Полиция и охранка диктатора обстреляли трудящихся, было убито 24 человека, ранено более 120 человек²⁸. Но всеобщая забастовка продолжалась, втягивая все более широкие слои населения. Она отличалась высокой организованностью и единством действий трудящихся. Движение против режима Мачадо, свергнутого 11 августа 1933 г., носило общенациональный характер, но главной его революционной силой был рабочий класс. Фидель Кастро в речи на I съезде Коммунистической партии Кубы сказал: «В героической борьбе нашего народа против мачадистской тирании в 30-х годах рабочий класс, руководимый коммунистами, играл выдающуюся роль... Это была эпоха небывалого подъема революционного сознания масс»²⁹.

Рабочее движение на Кубе в период мирового экономического кризиса носило широкий размах и организованный характер, оно сыграло важнейшую роль в процессе складывания революционной ситуации в стране накануне буржуазно-демократической революции.

¹ *Gutierrez G.* El desarrollo economico de Cuba.— La Habana, 1952, p. 233—234.

² Очерки истории Кубы.— М., 1978, с. 206.

³ *Нитобург Э. Л.* Политика американского империализма на Кубе (1918—1939).— М., 1965.

⁴ *Historia Economica de Cuba.* Julio de Riverand.— La Habana, 1979, p. 235.

⁵ *Нитобург Э. Л.* Указ. соч., с. 96.

⁶ *Historia Universal La Habana*, 1974, t. 2, p. 38—39.

⁷ Международное рабочее движение, 1929, № 3, с. 19.

⁸ Там же, № 6, с. 17.

⁹ Правда, 1930, 16 апр.

¹⁰ Коммунистический Интернационал, 1930, № 16-17, с. 93, 94; Новая и новейшая история, 1962, № 6, с. 53.

¹¹ *Tabares del Real Jose A.* La revolucion del 30. Sus dos ultimos anos.— La Habana, 1973, p. 122.

¹² *Roa R.* La revolucion del 30 se fue a bolina. Ediciones Huracan.— La Habana, 1969.

¹³ Tabares del Real Jose A. La revolucion del 30: Sus dos ultimos anos, p. 125.

¹⁴ Куба, 1970, апр., с. 43—44.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 296.

¹⁶ Boletín Sindical, 1933, IX, p. 3.

¹⁷ Telleria Toca Evelio. Congresos obreros de Cuba.— La Habana, 1973, p. 234—235.

¹⁸ Ibid., p. 236—238.

¹⁹ Documentos para la Historia de Cuba. Hortensia Pichardo.— La Habana, 1973, t. 3, p. 542—543.

²⁰ Communist, 1933, v. 12, ev. 9, p. 907—908.

²¹ Soto Lionel. La Revolucion del 33, t. 2, p. 149—151.

²² El Partido Communista y los problemas de revolucion en Cuba.— La Habana, 1933, p. 18.

²³ Telleria Toca Evelio. Congresos obreros de Cuba, p. 277.

²⁴ Очерки истории Кубы, с. 229.

²⁵ El Trabajador, organo del Central del Partido Communista de Cuba. 4 de agosto de 1933.

²⁶ Archivo Nacional. Fondo Especial, 1933.

²⁷ Luchas obreras contra el fascismo. Documentos. Recopilacion e introduccion de Mirta Rosell.— La Habana, 1973, p. 277.

²⁸ En la Gaceta Oficial, 1933, 9 de agosto.

²⁹ Castro F. Informe central rendido al Primer Congreso del Partido comunista de Cuba 17 del diciembre de 1975.— Gramma, 1975, 18, XII, p. 3.

Т. А. Бадюкова

канд. ист. наук
(Гродненский гос. ун-т)

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ПОЛЬШИ (из истории антифашистской борьбы молодежи Польши в 30-е гг.)

Решения VII конгресса Коминтерна и VI конгресса КИМ о борьбе против угрозы фашизма и войны явились переломным моментом в антифашистском движении прогрессивной польской молодежи и послужили основой его развития и упрочения. Важным стимулом стало создание программного документа Фронта молодого поколения (ФМП), являвшегося неотъемлемой составной частью антифашистского Фронта трудящихся Польши.

В сентябре 1935 г. Коммунистический союз молодежи Польши (КСМП) создал первый проект расширенной платформы борьбы молодежи под названием «Декларация прав молодых (поколений)»¹.

Впервые Декларация прав молодого поколения Польши (ДПМПП) была опубликована в феврале 1936 г. на страницах журнала «Молодой работник». Эта публикация вызвала живой отклик в стране. После доработки

проект был опубликован в газете «Попросту» 20 марта 1936 г. Автором проекта был член КСМП Мечислав Калиновски (Скруха)*.

Как писал в этом же номере Генрик Дембиньский, декларация не выдвигала «максимальных идеалов», а была минимальной программой, которая могла бы увлечь за собой большинство молодых людей².

Авторы проекта предполагали возможность получения молодежью декларативных прав в рамках существующего строя в борьбе против фашизма, за демократизацию страны. Декларация была обращена ко всем организациям молодежи, в ней содержалось предложение о сотрудничестве, что давало возможность контактов с некоторыми буржуазными молодежными организациями.

В декларации отчетливо сказывалось влияние французского опыта, но главным являлось то, что в документе были учтены специфика условий жизни молодежи в Польше, польские национально-освободительные традиции. Программа действий антифашистской молодежи вырастала из глубокого анализа польских общественных отношений. В декларации говорилось: «Мы, юные, с гордостью поднимаем знамя борьбы против капиталистического строя несправедливости, за свободу и труд, мир и образование, за перестройку общества. Наши стремления едины со стремлением народных масс Польши, борющихся против реакции и эксплуатации, за Народную Польшу»³.

Прежде всего в декларации защищались экономические права трудящейся молодежи, формулировались конкретные требования по ликвидации безработицы, провозглашалось право молодежи на культуру и образование: «Где для миллионов детей нет школ, где в одной избе гнездится 80—120 детей, несправедливо уменьшать бюджет на образование... Должен быть необходимый минимум образования, каким является семиклассная всеобщая школа... Выступаем за открытие школ с родным языком для молодежи каждой национальности»⁴.

В этом документе предлагались основные направления борьбы за политические права молодежи, осуждалась дальнейшая фашизация общественной жизни.

* Мечислав Калиновски сражался в рядах 1-й польской бригады, в 1944 г. погиб в боях под Ленино.

Авторы декларации ставили конкретные требования, направленные на улучшение положения молодого поколения: ограничить доходы капиталистов, банкиров, наложить на них соответствующие налоги, уменьшить военно-политический бюджет.

Декларация обращалась ко всем организациям рабочих, студенческой молодежи, без различия взглядов, национальности и религии, чтобы они обсудили этот проект и внесли свои поправки. Предполагалось, что костяком ФМП будут совместные действия коммунистической и социалистической молодежи; выдвигались требования политических прав под лозунгами «Свобода — право молодежи», «Права голоса с 21 года, свободы слова, собраний и организаций, полного самоуправления для молодежи в школах, клубах и организациях». Утверждалось, что молодежь имеет право «влиять на судьбу страны и на собственную судьбу»⁵.

Этот документ выражал братское отношение ко всем народам, которые жили на польской территории. В декларации говорилось: «Воспитанные на традициях борьбы за свободу не только для своего народа, но и для других народов, памятуя о нашей 150-летней неволе, мы считаем необходимым признать право на свою национальную культуру и на автономию для народов, населяющих Польшу, ибо „не может быть свободным народ, угнетающий другие народы“»⁶.

Декларация выражала протест против лагерей труда, которые «позорят молодежь, воспитывая ее в духе покорности и казарменной дисциплины, где ограничивается ее свобода». В разделе декларации «Против войны — за мир!» сказано: «Война — это трагедия для широчайших народных масс и молодого поколения... Мы отбрасываем лживую болтовню о героизме смерти в окопах во имя корыстных интересов карателей и магнатов, выбираем путь героизма в борьбе за народное дело. Для этого всеми силами будем помогать мирному сотрудничеству между народами и международной солидарности молодежи Польши с молодежью других стран. Понимая, что опасность войны будет существовать до тех пор, пока существует капитализм, молодое поколение будет бороться против войны и капитализма за новый общественный строй!»⁷

Характерно, что в декларации четко прослеживается

ся мысль о том, что молодежное движение — органическая часть пролетарского движения Польши: «Точно так же, как отцы наши в упорной борьбе добывали себе право на жизнь, демократические свободы и социальное страхование, ...так и мы, молодежь, должны в борьбе добывать свои права. Мы добудем их тогда, когда сплотимся в рядах Фронта Молодого Поколения, который вместе с растущим Народным фронтом создаст такую силу, которой не сможет противостоять горстка власть имущих»⁸.

Документ был подписан Генриком Дембиньским, Люцианом Шенвальдом, от Организации молодежи товарищества рабочего университета — Станиславом Бенингером, Петром Кубицким, Анзельмом Константым, 5-ю членами демократических крестьянских молодежных организаций — Винцентом Буреком, Брониславом Джевецким, Франтишеком Фолтой, Владиславом Фолтой, Войцехом Скузой и такими общественными деятелями, как Ванда Василевская, Цецилия Тржинска, Збигнев Запасевич. Левое крыло ППС и его руководители — Норберт Барлицкий, Станислав Дюбуа, Адам Прухняк имели большое влияние на социалистическую молодежь. Но, подчиняясь нажиму руководства ППС, они не подписали декларацию.

Под декларацией нет подписей представителей крестьянской демократической организации молодежи «Вици». О позиции ее руководителей свидетельствует письмо Ю. Нецко в ЦК КСМП. В нем он говорит, что «Вици» — организация демократическая, действующая легально и может предпринимать совещания и единые действия только с легальными организациями¹⁰. Таким образом, постоянный повод для уклонения от сотрудничества с КСМП других организаций молодежи сработал и в этой ситуации.

Состав подписавших декларацию свидетельствует о довольно противоречивом процессе развития ФМП в Польше: с одной стороны, явный размах единого фронта движения снизу, а с другой — его ограниченности сверху, так как поддержка даже таких видных общественных деятелей, как В. Василевская и Ц. Тржинска не могла уравновесить отказа признания этого документа руководством ТУРа и «Вици».

Таким образом, в Польше была обнародована программа деятельности, которая в истории КСМП и анти-

фашистского молодежного движения в межвоенный период сыграла важную роль. Этот документ стал основой для создания едиnofронтowych соглашений с различными организациями, явился стимулом активизации борьбы прогрессивной молодежи Польши против фашизма и войны.

¹ Walka młodych pokoleń.— Warszawa, 1965, s. 37.

² Poprostu, 1936, N 16, 20 marca, s. 2.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ *Toruńczyk* R. Walka o front młodego pokolenia.— Warszawa, 1970, s. 424.

П. А. Шупляк

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

ГЕРМАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ
ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В СТРАНЕ
(декабрь 1932 — январь 1933 гг.)

Под влиянием мощного подъема стачечной борьбы осенью 1932 г. вынужден был уйти в отставку канцлер фон Папен. Вместе с тем активизация сил крайней реакции достигла в это время такого уровня, что влиятельные представители ряда крупнейших монополий официально потребовали создания правительства во главе с Гитлером¹. Однако в правящих кругах еще не было единства мнений по этому вопросу и возобладала точка зрения о необходимости и целесообразности установления в стране диктатуры консервативно-милитаристского толка. С этой целью в декабре 1932 г. был призван к власти генерал Шлейхер, бывший министр обороны в правительстве Папена.

Новый канцлер принадлежал к реакционным милитаристским кругам, был доверенным лицом президента Гинденбурга, неоднократно встречался и вел переговоры с Гитлером. Его правительство было фактически переходным, объективной целью которого было создание благоприятных условий для установления фашистской диктатуры². В этой связи главная задача кабинета со-

стояла в том, чтобы приглушить социально-политические конфликты и в первую очередь ослабить стачечную борьбу.

Шлейхер надеялся осуществить эти планы в значительной мере путем достижения компромисса с правыми профсоюзными лидерами, предусматривая даже возможность включения отдельных из них в правительство. Этот компромисс должен был, по мнению Шлейхера, обеспечить поддержку планируемой консервативно-милитаристской диктатуры широкими массами организованных в профсоюзы рабочих. Со своей стороны канцлер был готов идти на определенные уступки, и в первую очередь на отмену наиболее ненавистных рабочим положений чрезвычайных декретов Папена. Шлейхер надеялся также укрепить базу своего правительства за счет сотрудничества с оппозиционной Гитлеру группировкой Штрассера в НСДАП³. Тем самым предпринималась попытка создать своего рода «надпартийное» правительство, которое, опираясь на поддержку масс, полностью находилось бы под контролем консервативно-милитаристских сил. Это правительство должно было подготовить условия для установления открытой диктатуры монополистического капитала и укрепить позиции рейхсвера в системе этой диктатуры.

Сразу же после прихода к власти Шлейхер приступил к осуществлению поставленных перед ним целей. Не делая первоначально никаких конкретных обещаний, он дал тем не менее понять, что является противником методов Папена и готов поддерживать контакты с профсоюзами. Буржуазная пресса дружно начала характеризовать Шлейхера как «демократа», «социально-го генерала» и т. д. На деле же влиятельные круги монополистической буржуазии видели в новом канцлере политика, который должен был подготовить приход к власти Гитлера. Эту функцию нового правительства временно разглядела Компартия Германии. Выступая на окружной конференции КПГ 4 декабря 1932 г. в Гамбурге, Э. Тельман подчеркнул: «Правительство Шлейхера является последним правительством перед правительством Гитлера»⁴. Этот вывод коммунистов не совпадал в то время с мнением других партий и организаций, однако дальнейший ход событий подтвердил его правильность.

Отставка Папена, наиболее ненавистного для проф-

союзов канцлера, была воспринята их лидерами с удовольствием и облегчением. Отмена Шлейхером некоторых, наиболее тяжелых по своим последствиям для широких масс трудящихся декретов правительства Папена была достаточным поводом для профсоюзного руководства, чтобы увидеть в нем гаранта улучшения социального положения рабочих и защиты их от наступления фашизма⁵. Желание профсоюзной верхушки установить со Шлейхером отношения сотрудничества было очевидным, хотя официально и не высказывалось. Более того, еще до официального вступления на пост канцлера, 28 ноября, Шлейхер встречался с председателем АДГБ Т. Лейпартом и обсуждал с ним хозяйственные и социально-политические проблемы. Некоторые западногерманские авторы заявляют, что эти переговоры были заранее обречены на провал из-за полностью противоположных позиций их участников и даже несопоставимости их чисто внешних качеств. Ф. И. Фуртвенглер, например, видевший в этих переговорах надежду на спасение Веймарского государства и предотвращение «эксперимента» Гитлера, так обрисовывает участников переговоров: «Бывший токарь по дереву, худой, высокого роста, слегка наклоненный в плечах, седой, с узкой бородкой, выхоленный, похожий на английского лорда викторианской эпохи (Лейпарт.— П. Ш.) был на полголовы выше лысого, коренастого военного, напоминающего внешностью делового человека двадцатого века»⁶. Тем не менее в течение длительного времени переговоры развивались довольно успешно. Один из лидеров СДПГ Ф. Штампфер писал позднее, что переговоры проходили «серьезно и по-деловому». Поведение профсоюзов «и, в особенности, их председателя Лейпарта, было корректным и соответствующим обстоятельствам»⁷. Шлейхер со своей стороны дал понять Лейпарту, что готов отменить отдельные мероприятия Папена, и даже предложил руководству АДГБ изложить свою точку зрения относительно наиболее необходимых и неотложных мер социального характера.

Профсоюзное руководство выдвинуло ряд предложений, которые в первую очередь предусматривали отмену чрезвычайного декрета от 5 сентября 1932 г., законодательное введение 40-часовой рабочей недели, отмену «в рамках возможного» мер по ухудшению социального страхования, расширение помощи безработным,

ликвидацию законов о снижении заработной платы⁸. Предложения профсоюзов носили довольно умеренный характер, что свидетельствовало о желании руководства достичь взаимопонимания с новым канцлером, ставленником консервативно-милитаристских кругов. Несколько позже, 10 декабря, в передовой статье центрального органа АДГБ газете «Gewerkschaftszeitung» с явным одобрением сообщалось, что новый канцлер намеревается проводить политику другими методами по сравнению с его предшественником, планирует рассмотреть вопрос об отмене некоторых мероприятий Папена, направленных против рабочих. Подчеркивалось, что Шлейхер был противником Папена, особенно в вопросах социальной политики. Таким образом, руководство АДГБ активно шло навстречу новому правительству.

Христианские профсоюзы, весьма сдержанные в официальных оценках первых шагов нового кабинета, также не скрывали своего расположения и доброжелательности по отношению к нему. В декабре в передовой статье центрального органа Всеобщего объединения христианских профсоюзов «Zentralblatt», в целом сдержанной, не без удовольствия подчеркивалось: «Шлейхер предпринял обстоятельные переговоры с партиями и профсоюзами. С его стороны профсоюзы вновь расцениваются как органы немецкого народа и даже как жизненно важные органы»⁹. Пресса христианских профсоюзов всячески старалась подчеркнуть его отличие от Папена, называла Шлейхера политическим деятелем, понимающим мир рабочего класса. Я. Кайзер после беседы с новым канцлером охарактеризовал его как человека, который понимает интересы рабочих¹⁰.

Подобную же позицию заняли и гириш-дункеровские профсоюзы, хотя один из лидеров А. Эркеленц убежденно заявлял, что Шлейхер не является ни демократом, ни прогрессивным человеком. Официальная точка зрения содержала явное одобрение намерений правительства установить контакты с профсоюзами и осуществить некоторые изменения социального порядка¹¹. Гирш-дункеровское руководство выдвинуло даже собственные предложения, в основном совпадавшие с предложениями свободных профсоюзов. Таким образом, все крупнейшие профсоюзы Германии были готовы к сотрудничеству с реакционным кабинетом Шлейхера и своей политикой

по отношению к нему вводили в заблуждение рабочий класс.

Тем временем переговоры Лейпарта со Шлейхером продолжались, и становилось очевидным, что Лейпарт был склонен вступить в правительство. По крайней мере, в конце декабря он обратился к членам профсоюзов с явным намерением разъяснить свою позицию в надежде получить их поддержку или хотя бы одобрение. В обращении, в частности, говорилось: «Профсоюзы созданы для того, чтобы улучшать положение рабочих в условиях существующего хозяйственного порядка... Сегодня правительство Шлейхера пытается выполнить часть наших требований... Можем ли мы в этой ситуации отвергнуть предложения правительства о сотрудничестве в деле осуществления занятости рабочих? Ответственность за рабочий класс, которая лежит на нас, слишком велика, чтобы мы могли отказаться вести переговоры с кем бы то ни было, кто нам неприятен из-за своего прошлого»¹².

Готовность Лейпарта к сотрудничеству со Шлейхером не нашла, однако, поддержки в руководстве СДПГ, хотя и среди ее лидеров были сторонники такой политики. К ним принадлежал небезызвестный Густав Носке. Однако большинство партийных лидеров понимало, что сближение со Шлейхером, непосредственным участником государственного переворота в Пруссии 20 июля 1932 г., одним из инициаторов легализации отрядов СА и СС, сторонником включения нацистов в правительство, означало бы создание блока с силами крайней реакции, повлекло бы за собой неизбежное падение авторитета социал-демократии в массах и отход от нее значительной части избирателей. В связи с этим Лейпарту, который входил в состав руководства СДПГ, 6 января 1933 г. было заявлено, что правление партии выступает против участия в кабинете Шлейхера или его поддержки в любой форме и ожидает такого же отношения от Лейпарта¹³. Только после этого переговоры со Шлейхером были прекращены, хотя благожелательное отношение руководства АДГБ к его правительству сохранилось. На заседании правления АДГБ 21 января Лейпарт откровенно заявил, что профсоюзы не в такой мере, как СДПГ, находятся в оппозиции правительству Шлейхера¹⁴.

Хотя переговоры Лейпарта со Шлейхером не приве-

ли к какому-то конкретному решению, они позволяли правящим кругам предполагать, что свободные профсоюзы готовы идти на компромисс даже с силами крайней реакции и что в случае передачи власти фашистам они не окажут серьезного сопротивления. События ближайших дней подтвердили эти предположения.

Шлейхер не смог добиться широкой поддержки своего правительства и 28 января 1933 г. ушел в отставку. Германия оказалась в условиях непосредственной угрозы передачи власти фашистам. Это прекрасно понимали и профсоюзные лидеры. Чрезвычайно серьезная и ответственная обстановка требовала решительных мер. Профсоюзное руководство не смогло верно определить сущность фашизма, но в общем и целом отдавало себе отчет в том, что он может принести рабочему движению и самим профсоюзам. Газета «Gewerkschaftszeitung» писала летом 1932 г., что «третий рейх Гитлера... это государство-тюрьма, подобного которому не существовало на немецкой земле в самые худшие времена преследования социалистов. Нацистские вожди хотят быть господами в стране бесправных рабов. Они презируют народ»¹⁵. Христианские профсоюзы расценивали фашистское движение как инструмент «широких индустриальных кругов, которые питают национал-социализм, чтобы разгромить мощь организованного рабочего класса»¹⁶. «За его (нацизма.— П. Ш.) спиной христианское рабочее движение видит силы реакции»¹⁷. Один из лидеров гирш-дункеровских профсоюзов А. Эркелени так характеризовал Гитлера и его партию: «Гитлер является заклятым врагом всех профсоюзов. Деньги, инвестированные промышленностью на его поддержку, должны окупиться путем разгрома профсоюзного движения»¹⁸. Надо сказать, что и фашистские лидеры не делили большой тайны из своих планов в отношении будущего профсоюзов. Один из них, руководитель НСБО Мухов, еще в 1932 г. писал: «Нынешние насквозь политизированные профсоюзы, независимо от того, называются они „свободными“, „христианскими“ или „свободно-национальными“, должны будут в условиях национал-социалистического хозяйства изменить свое лицо»¹⁹.

У профсоюзов не было заблуждений относительно намерений фашистов, однако их руководство не всегда ясно представляло серьезность и реальность фашистской угрозы. Один из лидеров христианских профсоюзов

Г. Имбуш, придерживавшийся даже относительно левых позиций, заявлял: «Немецких рабочих нельзя сравнивать с итальянскими или неграмотными русскими пролетариями. Поэтому в Германии длительное угнетение рабочих невозможно»²⁰.

Последовательно и принципиально против наступления монополий и фашизма выступали Коммунистическая партия Германии и Революционная профсоюзная оппозиция. В рамках осуществления антифашистской акции они провели во второй половине 1932 г. целый ряд забастовок в защиту социально-политических прав трудящихся. Под их руководством по всей Германии проходили антифашистские митинги и демонстрации. По призыву ЦК КПГ 25 января 1933 г. в Берлине состоялась антифашистская демонстрация с участием 130 тыс. человек. Рабочие различной партийной и профсоюзной принадлежности продемонстрировали в этот день свою верность героическим традициям немецкого пролетариата и еще раз подтвердили готовность бороться против наступления реакции и фашизма. Однако профсоюзное руководство не только стояло в стороне от этой борьбы, но и делало все возможное, чтобы ограничить ее массовость.

В условиях, настойчиво требовавших решительных действий, представители руководства трех крупнейших профобъединений Германии не нашли ничего лучшего, как просить встречи с президентом Гинденбургом. Однако «по техническим причинам» им в этом было отказано. Профсоюзные лидеры вынуждены были довольствоваться тем, что отправили Гинденбургу телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Профсоюзы ожидают, что Вы, господин рейхепрезидент, окажете решительное сопротивление всем тайным намерениям, направленным на государственный переворот, и будете настаивать на конституционном решении кризиса»²¹. Трудно, однако, было предполагать, что эта телеграмма могла хоть что-нибудь изменить. Вопрос о создании правительства во главе с Гитлером был уже решен. 30 января Гинденбург, менее года назад повторно избранный при решающей поддержке профсоюзов на пост президента, назначил Гитлера рейхсканцлером.

Профсоюзные лидеры не в состоянии были пойти на решительные меры, способные воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры. Длительное развитие

свободных профсоюзов по пути реформизма и классового сотрудничества, буржуазно-либеральные принципы христианских и гирш-дункеровских профсоюзов, оголтелый антикоммунизм тех и других парализовали их волю, лишили их способности бороться, выработали у них рефлекс приспособления к тем или иным группировкам монополистического капитала. Абсолютизация чисто парламентских, конституционных форм борьбы привела к тому, что в конце января 1933 г., в чрезвычайно ответственный период немецкой истории, профсоюзы не предприняли никаких серьезных мер, чтобы предотвратить установление фашистской диктатуры.

¹ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1956, N 2, S. 366—367.

² Klassenkampf — Tradition-Sozialismus. — Berlin, 1974, S. 441.

³ Ibid.

⁴ Die Antifaschistische Aktion: Dokumentation und Chronik, Mai 1932 — Januar 1933. — Berlin, 1965, S. 320.

⁵ Deppe F., Fülberth G., Harrer H.-J. u. a. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. — Köln, 1978, S. 209.

⁶ Furtwängler F. J. Die Gewerkschaften. Ihre Geschichte und internationale Auswirkung. — Hamburg, 1956, S. 77.

⁷ Stampfer F. Die vierzehn Jahre der ersten deutschen Republik. — Hamburg, 1953, S. 656.

⁸ Gewerkschaftszeitung, 1932, N 49, S. 769—770.

⁹ Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands, 1932, N 24, S. 309 (далее — «Zentralblatt»).

¹⁰ Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. — М., 1972, с. 380.

¹¹ Regulator, 1932, N 26, S. 202.

¹² Gewerkschaftszeitung, 1932, N 53, S. 833.

¹³ Hirsch-Weber W. Gewerkschaften in der Politik. — Köln, 1952, S. 37; Schuster D. Die deutschen Gewerkschaften. — Düsseldorf, 1970, S. 68; Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik. — Erlangen-Zürich-Stuttgart, 1956, Bd. 2, S. 564.

¹⁴ Gewerkschaftszeitung, 1933, N. 4, S. 63.

¹⁵ Ibid., 1932, N. 28, S. 449.

¹⁶ Zentralblatt, 1932, N. 7, S. 99.

¹⁷ Ibid., N. 1, S. 15.

¹⁸ Regulator, 1932, N. 6, S. 42.

¹⁹ Muchow R. Nationalsozialismus und «freie» Gewerkschaften. — München, 1932, S. 112.

²⁰ Imbusch H. Für Freiheit, Gerechtigkeit und Fortschritt. — Erlangen, 1932, S. 9.

²¹ Vorwärts, 1933, 28 Jan.

И. В. Варивончик

аспирант

(Минский пединститут им. А. М. Горького)

НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ И БРИТАНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

В июле 1936 г. в Испании вспыхнул фашистский мятеж генерала Франко. Несмотря на то, что возможная победа фашизма в Испании угрожала военно-стратегическим и государственным интересам Англии, консервативное правительство отдавало предпочтение франкистам в их борьбе с «красным» республиканским правительством. Поэтому настоящей находкой для консерваторов стала предложенная французским правительством политика «невмешательства», которая не только не предполагала активного противодействия фашизму, но и вела к изоляции испанского правительства. Оно в этих условиях не могло закупать вооружение в то время, как мятежников активно поддерживали Италия и Германия.

28 августа и 4 сентября 1936 г. состоялись заседания парламентской фракции лейбористов, Генсовета тред-юнионов и исполкома лейбористской партии. Они высказались за поддержку политики «невмешательства», а ежегодная конференция лейбористской партии в октябре того же года утвердила это решение. Аргументы, приведенные на конференции правыми лидерами, сводились к тому, что запрещение продажи оружия обеим сторонам сократит опасность возникновения европейской войны, а при условии свободной продажи Германия и Италия поставят Франко больше танков и самолетов, чем республиканцы смогут закупить в других странах¹.

С критикой политики «невмешательства» на конференции выступили представители Социалистической лиги, являвшейся центром левой оппозиции и лейбористской партии. Но они не смогли предложить какой-либо реальной альтернативы, расписавшись в бессилии «хоть сколько-нибудь изменить политику консервативного правительства в желательном направлении»².

Выступавший на конференции Ч. Тревельян утверждал: «Мы не можем сейчас ни спасти, ни погубить Испанию»³. Тем не менее критика политики «невмешательства» и последующая кампания Социалистической лиги в защиту Испании способствовали расширению

движения против этой политики за активные действия и поддержку республиканского правительства.

На следующей конференции лейбористов в октябре 1937 г. была принята предложенная Ч. Тревелияном резолюция, требовавшая «немедленно начать национальную кампанию с тем, чтобы заставить правительство 1) отклонить так называемое соглашение о «невмешательстве», 2) вернуть испанскому правительству его право приобретать оружие»⁴. Это была значительная победа левых сил в лейбористской партии. Но, не имея прочных связей с массовым рабочим движением, они не смогли закрепить достигнутый успех. Этому помешал и роспуск, под давлением правого руководства, Социалистической лиги — единственной организованной оппозиции в лейбористской партии.

Лейбористское руководство, под напором растущего недовольства рядовых членов партии, вынуждено было отказаться от прямой поддержки политики «невмешательства». Однако оно сделало все возможное, чтобы свести к минимуму реализацию положений резолюции по Испании конференции 1937 г. На протяжении всего последующего периода, вплоть до окончательного поражения республиканцев в 1939 г., лейбористские лидеры не переставали декларировать свою солидарность с борьбой испанского народа, протестовали против политики «невмешательства», требовали от британского и французского правительств ее отмены, но вместе с тем они саботировали организацию массовых действий в защиту республиканской Испании.

В планы правых лидеров не входила активизация и радикализация рабочего движения в борьбе с консервативным правительством ни под лозунгом помощи Испании, ни под лозунгом единого фронта рабочего класса, выдвигаемым Коммунистической партией, одним из стимулов к созданию которого могла быть кампания рабочих в защиту Испании, ни под какими-либо другими лозунгами. Именно поэтому лидеры лейбористской партии стремились сохранить лейбористское движение в рамках лояльной оппозиции правительству.

В ноябре 1937 г. в Англию прибыла делегация Народного фронта Франции с целью выяснить, какой будет реакция Англии в случае отказа Франции от политики «невмешательства». Лейбористские лидеры уклонились от обязательства активного воздействия на бри-

танское правительство в этом направлении⁵. Вместе с тем в марте 1937 г. на международной конференции, созванной Социалистическим Интернационалом и Международной Федерацией тред-юнионов, испанские представители высказались за организацию международной стачки солидарности с целью отказа от политики «невмешательства» стран — участников соглашения и Э. Бевин от лица английской делегации выступил против этого предложения, заявив, что политика британских социалистов не может определяться войной в Испании⁶.

Весной 1938 г. Генсовет британского конгресса тред-юнионов и исполком лейбористской партии высказались против созыва специальной конференции по вопросам внешней политики и оказания помощи Испании, хотя с таким требованием выступило большое количество местных лейбористских организаций и тред-юнионов⁷.

Лейбористская партия в общем смирилась с установками своего руководства. Это объяснялось сильными реформистскими традициями лейбористского движения и маневрами руководства, не скупившегося на многочисленные заявления о солидарности с борьбой испанских трудящихся. Но были и другие причины.

В массах рабочих существовали пацифистские настроения, опасения, что активная помощь испанскому правительству может привести к войне. Политика «невмешательства», которая была предложена правительством Народного фронта, давала некоторое моральное обоснование для пассивности лейбористской партии. Участие в соглашении о «невмешательстве» большого количества стран создавало впечатление отсутствия реальной альтернативы и ассоциировалось с идеей коллективной безопасности. Тем не менее нет оснований сомневаться в том, что широкие массы лейбористов поддерживали бы своих лидеров, если бы те организовали действия в защиту Испании. Оппозиция при принятии резолюций, одобрявших политику «невмешательства» на конгрессе тред-юнионов и конференции лейбористской партии в 1936 г., 16 тыс. ф. ст., собранных лейбористами в фонд помощи Испании, многочисленные демонстрации солидарности по всей стране, участие многих лейбористов в интернациональных отрядах добровольцев в боях в самой Испании свидетельствовали об этом⁸.

Не смогла предложить конструктивной программы по испанскому вопросу и Независимая рабочая партия (НРП). Растущий отрыв от рабочих масс, от их интересов и настроений, вел к извращенным представлениям о возможностях рабочего класса и левацким оценкам его непосредственных задач. Повторяя ошибки Социалистической лиги, НРП считала невозможным эффективное влияние рабочего движения на внешнюю политику государства при буржуазном правительстве. Отрицая принципиальную возможность создания системы коллективной безопасности, она высказывалась против антифашистского союза Англии, Франции и СССР, утверждая, что «разделение Европы на две антагонистические группировки будет больше способствовать возникновению войны, чем ее предотвращению»⁹.

Двойственным было отношение НРП к самому правительству Народного фронта в Испании, образование которого она интерпретировала как отказ от революционных целей пролетариата¹⁰. НРП активно поддерживала деятельность организации испанских троцкистов (ПОУМ) и считала непосредственной задачей немедленное осуществление социалистической революции в Испании.

Единственной организацией рабочего класса в Англии, правильно осознавшей задачи рабочего и демократического движения страны в связи с испанскими событиями и сделавшей все от нее зависящее для выполнения интернационального долга, явилась Коммунистическая партия Великобритании. Следуя тактико-стратегической линии VII конгресса Коминтерна, направленной на консолидацию рабочего класса и всех демократических сил в борьбе против реакции, войны и фашизма, компартия рассматривала движение в защиту Испании как важный фактор, содействующий борьбе за единый рабочий и Народный фронт в Англии.

КПВ оценила испанскую проблему с учетом национальных и интернациональных задач английского рабочего движения, реального соотношения сил мира и войны, реакции и прогресса на международной арене и в самой Англии.

Глубокая убежденность коммунистов в силе влияния массового рабочего движения на внешнюю политику государства позволила им дать качественно отличную

оценку факту участия в соглашении о «невмешательстве» Франции, СССР и других стран, в сравнении с лейбористами, которые не видели в этой связи никакой альтернативы для рабочего класса, чем и оправдывали свою бездеятельность. Г. Поллит отмечал: «В настоящих обстоятельствах нейтралитет — это измена, утверждать, что поскольку СССР и Франция подписали пакт о невмешательстве, британское рабочее движение должно принять его, значит игнорировать факты. Известно, что именно отношение британского правительства привело к этому пакту о нейтралитете. Задача рабочего движения — изменить положение, угрожающее демократии»¹¹.

С самого начала испанских событий КПВ не только выступила против политики «невмешательства» и требовала поставок всего необходимого для правительства Испании, но и правильно определила смысл происходящего, его значение в ходе дальнейшей борьбы за мир и демократию. Г. Поллит писал: «Либо на стороне зверского фашизма, либо на стороне демократии! В этой борьбе не на жизнь, а на смерть не может быть нейтралитета. <...> *Борьба в Испании означает, что мир стоит на перепутье. Путевые указатели ясно дают направление: демократия и мир или фашизм и война*»¹².

Коммунисты хорошо понимали, что союзниками передовых рабочих в защите Испании и противодействии курсу британского правительства могут и должны быть самые широкие слои прогрессивно мыслящих людей различных политических направлений и партий, все, кому были дороги демократия и мир. Г. Поллит, подчеркивая, что в Испании решается не только судьба испанского народа, но и английского, судьбы мира, писал: «Пусть народ Англии с его демократическими традициями, с его нынешними свободами станет как один человек на защиту испанской демократии, сражающейся сейчас как за себя, так и за нас»¹³.

Пленум ЦК КПВ в августе 1936 г. подчеркнул, что роль Англии в международных делах велика для оказания эффективного нажима на организаторов мятежа и прекращения гражданской войны в Испании. Но подобный поворот в политике консервативного правительства невозможен без активного воздействия со стороны организованного рабочего движения. Необходимо, чтобы Национальный совет труда предъявил ультиматум

правительству и потребовал немедленного созыва парламента для решения вопроса о предоставлении законно избранному испанскому правительству оружия, в котором оно нуждается. Пленум считал, что Англия должна взять на себя инициативу совместного выступления с Францией и другими демократическими государствами в Лиге Наций с целью защиты свободы Испании, а «если Национальный совет труда не добьется положительного решения правительства, он должен организовать рабочий класс для проведения политических стачек, чтобы заставить правительство решиться на спасение Испании от массовых убийств»¹⁴.

Несмотря на различный подход организаций рабочего класса к испанской проблеме, большинство их членов объединяло искреннее желание помочь своим испанским товарищам. Поэтому всякая инициатива в пользу поддержки испанских республиканцев встречала широкую поддержку не только коммунистов, но и лейбористов, и независимцев. Созданный в октябре 1936 г. Национальный объединенный комитет помощи республиканской Испании объединил представителей всех рабочих партий, профсоюзов и кооперативов. Комитет отправил в Испанию 29 судов с продуктами, медикаментами, предметами первой необходимости. После поражения республиканцев комитетом была продлана большая работа по спасению бежавших от фашистов испанских патриотов. В Англию привезли около 4 тыс. баскских детей¹⁵.

В октябре 1936 г. митингом в Шоредиче НРП открыла свою кампанию в защиту Испании. На собранные средства в Испанию было отправлено медицинское оборудование и кареты «скорой помощи». В январе 1937 г. в Испанию прибыли добровольцы из НРП во главе с Бобом Эдвардсом¹⁶. Кампания митингов солидарности и сбор средств были организованы и Социалистической лигой. Большую роль в организации отправки британских добровольцев в Испанию сыграл один из ведущих деятелей лиги Х. Л. Брейлсфорд¹⁷. Но, безусловно, главную роль в мобилизации всех прогрессивных сил и организации практической помощи испанским патриотам играли коммунисты. Центральный орган партии — газета «Дейли Уоркер» — отводила событиям в Испании одно из главных мест, критиковала правительственную политику, разоблачала фашистскую интервен-

цию, предлагала реальные меры в защиту Испании и агитировала за них.

К XIV съезду КПВ в мае 1937 г. коммунистами было издано и распространено 320 000 памфлетов и 6,5 млн. листовок по испанской тематике¹⁸. Коммунисты активно участвовали в работе местных и центральных отделений Национального объединенного комитета помощи республиканской Испании. На специальной конференции ранее организованного коммунистами Комитета помощи жертвам фашизма был создан Комитет медицинской помощи Испании, который занимался сбором средств, закупкой медицинского оборудования, набором квалифицированного персонала и их отправкой в Испанию¹⁹. Компартией были проведены многочисленные демонстрации солидарности. Лишь в демонстрации 23 августа 1936 г. в Гайд-парке в Лондоне приняло участие 100 000 человек.

Коммунисты стали инициаторами посылки добровольцев в Испанию. Осенью 1936 г. ими была организована и отправлена первая группа добровольцев во главе с П. Кэрриганом. Коммунисты вошли в состав первой английской роты, комиссаром которой был коммунист-писатель Р. Фокс. Ими же был создан отдельный британский батальон из 750 человек, участвовавший в боях вплоть до 1938 г., когда интербригады были распущены по решению правительства Негрина²⁰.

Всего в Испании сражалось 2762 британских добровольца, 1762 из которых были ранены и 543 убиты²¹. Коммунисты и комсомольцы составляли половину всех добровольцев. Из убитых и умерших от ран более 250 были коммунистами²².

Коммунисты играли решающую роль в жизни и деятельности британских подразделений в Испании. Они, как правило, занимали командные посты, являлись комиссарами отрядов²³. Мужественно сражались и погибли в боях с фашистами лучшие представители партии — Ральф Фокс, Джек Канингхэм, Уилф Джоблинг, Боб Эммот, Чарльз Гудфелоу, Джордж Браун, Уолтер Джепсел.

Подводя итоги самоотверженной борьбы коммунистов в защиту Испании как в Англии, так и в самой Испании, боец британского батальона в Испании Д. Ф. Спрингхолл на XIV съезде КПВ заявил: «Мы можем сказать, что Испания является не только самой

славной страницей нашей истории, но, что честь британского рабочего движения была спасена нашей партией»²⁴.

Испанские события с предельной ясностью показали актуальность постановки коммунистами вопроса об объединении всех антифашистских и антивоенных сил, оказали большое влияние на общественное мнение в стране в пользу такого объединения.

Программа боевых действий рабочего класса, предложенная британскими коммунистами для спасения испанской демократии, активная антифашистская позиция, занятая ими, их широкая пропагандистская и организаторская деятельность отличали КПВ от других рабочих организаций, привели к росту ее авторитета и влияния среди рабочих. Политика КПВ в испанском вопросе стала примером авангардной роли коммунистов как передового отряда рабочего и демократического движения в борьбе против фашизма, реакции и войны.

¹ Report of the 36th Annual Conference of the Labour Party held in Edinburgh, October 5th — 9th, 1936.— London, 1936, p. 29—30.

² Миллибэнд Р. Парламентский социализм.— М., 1964, с. 317.

³ Report of the 36th Annual Conference of the Labour Party, p. 177—178.

⁴ Report of the 37th Annual Conference of the Labour Party, Bournemouth, Oct. 4th — Oct. 8th, 1937.— London, 1938, p. 212.

⁵ Cole G. D. H. A History of the Labour Party from 1914.— London, 1948, p. 329.

⁶ Hutt A. The Post-War History of the British Working Class.— London, 1937, p. 296.

⁷ Report of the 38th Annual Conference of the Labour Party, Southport, May 29th — June 2nd. London, 1939, p. 3.

⁸ Report of the 36th Annual Conference of the Labour Party, p. 181; Report of Proceedings of the 68th Annual Trades Union Congress. London, 1936, p. 34—36.

⁹ Brockway F. Inside the Left.— London, 1947, p. 323.

¹⁰ New Leader, 31.VII.1936.

¹¹ Daily Worker, 31.VIII.1936.

¹² Поллит Г. Избранные статьи и речи (1919—1939).— М., 1955, с. 214—217.

¹³ Там же, с. 217.

¹⁴ Daily Worker, 22.VIII.1936.

¹⁵ Communist Party of Great Britain. On the Thirtieth Anniversary of the Communist Party, 1920—1950.— London, 1950, p. 20.

¹⁶ McNeir J. James Maxton — the Beloved Rebel.— London, 1955, p. 256.

¹⁷ Gallacher W. The Rolling of the Thunder.— London, 1948, p. 162.

¹⁸ Report of the Central Committee of the Communist Party of Great Britain to the 14th Party Congress.— London, 1937, p. 8.

¹⁹ Communist Party of Great Britain. On the Thirtieth Anniversary of the Communist Party, 1920—1950.— London, 1950, p. 20—21.

²⁰ Ibid., p. 26—27.

²¹ Wood N. Communism and British Intellectuals.— London, 1959, p. 56.

²² Pelling H. The British Communist Party. A Historical Profile.— London, 1958, p. 94.

²³ Ibid.

²⁴ It Can Be Done. Report of the Fourteenth Congress of the Communist Party of Great Britain, Battersey, May 29—31, 1937.— London, 1937, p. 145.

Н. М. Канашевич

канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

**ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ КОМПАРТИИ ВЕНЕСУЭЛЫ
ЗА СОЗДАНИЕ ШИРОКОЙ КОАЛИЦИИ
АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ
(1971—1973 гг.)**

В Отчетном докладе XXVI съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил растущее влияние на мировой арене государств Латинской Америки, прежде всего таких, как Мексика, Бразилия, Аргентина, Венесуэла¹. Богатый опыт революционной борьбы накоплен Коммунистической партией Венесуэлы. Сохраняя верность ленинским традициям VII конгресса Коминтерна, на котором КПВ была принята в Коммунистический Интернационал, венесуэльские коммунисты последовательно выступают за единство действий всех прогрессивных и демократических сил. В Венесуэле в конце 50-х гг. по инициативе коммунистов впервые в истории страны был создан антидиктаторский фронт «Патристическая хунта», в начале 70-х — левый блок «Новая сила», на муниципальных выборах 1979 г. компартия выступала в составе «Координационного комитета левых сил» и добилась значительного успеха. На VI съезде КПВ (1980) венесуэльские коммунисты взяли курс на объединение демократических сил и разработку к президентским выборам (конец 1983 г.) их общей программы, которая могла бы быть реальной альтернативой политике правящей социал-христианской партии.

В этом плане определенный интерес представляет анализ накопленного КПВ опыта по формированию широких антиимпериалистических коалиций в условиях, когда левые силы представлены большим числом партий и организаций.

Теоретическое обоснование, применительно к национальной действительности, и практическое осуществление КПВ ленинской политики широких социальных союзов происходило на рубеже 70-х гг. в сложных условиях. С 1962 по 1966 г. главной формой борьбы революционных сил страны были вооруженные действия против политики правящей социал-реформистской партии «Демократическое действие». Несмотря на мужество и героизм, проявленные коммунистами, вооруженная борьба потерпела поражение. Результатом этого явилось уменьшение влияния левых сил на политическую жизнь, ослабление связей компартии с массами. В рядах КПВ активизировались ревизионистские группировки Д. Браво — Т. Петкова, Т. Петкова, — П. Маркеса, которые абсолютизировали вооруженную борьбу и полностью исключали из арсенала тактических средств борьбы с империализмом деятельность по созданию широкого антиимпериалистического фронта. Так, например, Т. Петков, выступавший с позиций ревизии марксизма-ленинизма, клеветы на социалистические страны и коммунистическое движение, считал решения VII конгресса Коминтерна «реформистскими», а Народное единство в Чили рассматривал как «традиционное реформистское объединение»².

КПВ дала решительный отпор ревизионизму по вопросам тактики единого антиимпериалистического фронта. Начиная с VIII Пленума ЦК КПВ (апрель 1967 г.), главное внимание в партийной работе уделяется развитию политико-массовой работы с целью преодоления раскола рабочего и народного движения³. Находясь на нелегальном положении, КПВ приняла участие в избирательной кампании 1968 г. под видом легальной организации «Движение вперед». Участие в выборах коммунисты использовали для борьбы за легализацию партии и усиление ее влияния среди масс. В результате шесть коммунистов были избраны в Национальный Конгресс и один — членом муниципального Совета Каракаса. Хотя в этот период лозунг коммунистов «За прогрессивный фронт» не получил широкой поддержки, КПВ все же смогла вступить в блок с левосоциалистической партией «Избирательное движение народа», голосуя за ее кандидата на пост президента. Оценивая тактику коммунистов в этот период, Генеральный секретарь КПВ Х. Фарна отмечал, что она оказалась правильной, так

как позволила коммунистам «установить связи с широкими массами... бороться за альтернативу господства партий „Демократическое действие“ и социал-христианской партии и помимо этого продолжать борьбу за достижение единства прогрессивных сил после выборов»⁴. Рост авторитета компартии позволил ей с апреля 1969 г. осуществлять свою деятельность в легальных условиях.

Важную роль на пути к сплочению демократических и антиимпериалистических сил Венесуэлы сыграл IV съезд КПВ (1971), очистивший ее ряды от ревизионистов. В «Программе на ближайшее время» съезд призывал все прогрессивные силы сплотиться в рамках народного фронта и наметил основные направления совместной борьбы: демократизация страны, защита национальных богатств, и прежде всего нефти, борьба за социально-экономические интересы трудящихся. Важнейшим звеном политики единого антиимпериалистического фронта в документах IV съезда КПВ рассматривалась борьба за единство рабочего движения. В своей деятельности венесуэльские коммунисты руководствовались ленинскими положениями, получившими развитие в решениях VII конгресса Коминтерна, исходным пунктом и главным содержанием единого пролетарского фронта должна стать защита непосредственных экономических и политических интересов трудящихся⁵. Съезд принял программу ближайших требований, которая включала: удешевление предметов первой необходимости и контроль над снабжением; повышение заработной платы с установлением ее минимума; 40-часовую рабочую неделю; разработку практического плана борьбы с безработицей; снижение налогов; расширение системы социального обеспечения, на мелких торговцев, прислугу, сельских трудящихся; снижение тарифов на свет, воду, квартплату. Наряду с этим выдвигались и такие общедемократические требования, как защита национальных богатств, борьба против иностранных монополий и монополистических тенденций крупных местных предприятий, расширение и защита демократических свобод, борьба за подлинно университетскую и аграрную реформы⁶.

Принятие этого документа явилось ответом венесуэльских коммунистов сектантской тактике ультралевых, фетишизированных некоторых форм политической борьбы и отрицавших необходимость борьбы за ближайшие требования. IV съезд КПВ поставил задачу усиления

влияния коммунистов непосредственно на предприятиях, создания и укрепления там партийных ячеек, которые должны стать ядром объединения сил рабочего и профсоюзного движения. Были возобновлены такие формы работы среди трудящихся, как «заводские пятницы» и «красные воскресенья». В условиях развитой в стране системы коллективно-договорного регулирования труда КПВ ориентировала коммунистов на то, чтобы каждый трудовой конфликт был под их постоянным вниманием. Действенными формами политики единства являлись предварительные обсуждения коллективных договоров на профсоюзных собраниях, выдвижение единых списков левых сил на выборах руководящих органов профсоюзов, кампании солидарности с бастующими рабочими по отраслям и территориальным районам, совместные массовые празднования дня международной солидарности трудящихся.

Новая тактика КПВ по отношению к рабочему и профсоюзному движению в определенной мере способствовала активизации выступлений трудящихся, росту числа забастовок, укреплению связей между профцентрами — «Единым центром трудящихся Венесуэлы», деятельность которого в значительной степени находится под влиянием коммунистов, и «Конфедерацией трудящихся Венесуэлы», где доминируют правящие социал-реформистские партии. В Венесуэле на рубеже 70-х гг. росла забастовочная борьба. Если в 60-е гг. правящим классам удавалось ограничить классовую борьбу рамками трудовых конфликтов без перерастания их в забастовки, что отличало Венесуэлу от многих других латиноамериканских стран, то на рубеже 70-х гг. рабочие включились в активную забастовочную борьбу. Например, в 1965 г. в стране было 24 забастовки, в 1966—12, а в 1969 г. уже 86 забастовок, в 1971—233. Причем нарастание забастовочного движения происходило прежде всего за счет «незаконных забастовок», т. е. не санкционированных вышестоящими профсоюзными органами (они составляли свыше 91 % от общего числа забастовок). Наблюдалось и возрастание напряженности забастовочной борьбы. Если в 1966 г. потери рабочего времени в результате забастовок составляли в расчете на одного бастующего 20 человеко-часов, то в 1971 г. — уже 111⁷.

На процесс консолидации левых сил Венесуэлы большое влияние оказала не только активизация выступле-

ний трудящихся страны, но и изменение расстановки политических сил в регионе. До победы Народного единства в Чили на выборах 1970 г. левые партии Венесуэлы не соглашались на участие коммунистов в широком фронте из боязни испытать на себе давление со стороны правых сил. Но уже в конце 1970 г. партия «Избирательное движение народа» выступила с предложением о формировании в Венесуэле левого блока. В январе 1971 г. это предложение поддержала партия, стоящая на антиимпериалистических позициях, — «Республиканско-демократический союз» (РДС), а в феврале 1971 г. на II Пленуме ЦК КПВ было принято коммунистами. Результатом явилось подписание тремя крупными партиями, пользующимися значительным влиянием в рабочем классе, соглашения об образовании левого блока, получившего название «Новая сила»⁸.

В условиях разобщенности демократического и рабочего движения Венесуэлы на протяжении 60-х гг., это событие стало одним из важнейших в политической жизни страны. В рамках «Новой силы» объединились различные политические и социальные силы. Основой блока стал союз двух партий рабочего класса: Компартии Венесуэлы и венесуэльской разновидности левосоциалистической партии — «Избирательное движение народа». Отмечая определенное сходство политической структуры «Новой силы» с Народным единством в Чили, член Политбюро ЦК КПВ Р. Ларрасабаль вместе с тем подчеркнул и существенное отличие, состоящее в том, что союз венесуэльских социалистов и коммунистов не имел длительного опыта сотрудничества, а сами партии — большого влияния в рабочем классе⁹. До декабря 1972 г. в блок входил РДС, партия, объединяющая в своих рядах в основном городскую среднюю и мелкую буржуазию и некоторые слои трудящихся. Особенностью венесуэльского левого блока было и то, что в нем важную роль играли «независимые» — видные беспартийные общественные деятели (всемирно известный писатель М. Отеро Сильва, бывший ректор Центрального университета Х. Мариа Бианко и др.).

После подписания соглашения об образовании «Новой силы» борьба коммунистов за единство вступила в новый период. В июле 1972 г. был успешно проведен съезд «Новой силы», где была принята программа и избран общий кандидат на президентских выборах

1973 г.— Генеральный секретарь партии ИДН Х. А. Пас Галларага. Это явилось важным шагом на пути сплочения прогрессивных сил Венесуэлы.

По основным требованиям программа «Новой силы» имела определенное сходство с программой Народного единства в Чили. В области *экономической* предполагалась немедленная национализация ее важнейших отраслей (нефтяной, газовой, железорудной, энергоснабжения, системы обслуживания, транспорта, сельскохозяйственного рынка), глубокая аграрная реформа. В *социальной* — планировалось обеспечить справедливое распределение национального дохода, улучшение системы социального обеспечения, борьбу с безработицей и жилищным кризисом, повышение заработной платы, снижение цен на основные продукты питания и медикаменты. В *политической* — ставилась задача формирования переходной демократической формы правления, которая отвечала бы интересам трудящихся и имела ориентацию на социализм¹⁰.

Анализ этой программы показывает, что она разработана под влиянием концепции развития и платформы совместных действий, предложенных коммунистами. По своему характеру — это программа демократического этапа революции, вместе с тем отдельные требования носили антикапиталистическую направленность.

Важная роль в пропаганде среди масс программы «Новой силы» принадлежала центральному печатному органу КПВ газете «Трибуна популар». С сентября 1971 по январь 1974 г. газета венесуэльских коммунистов выходила как ежедневная. Для ее распространения были созданы специальные бригады партии и коммунистической молодежи, включая руководителей, которые совершали рейды на заводы, фабрики, в рабочие кварталы¹¹. Этой же цели служили и организация предвыборных поездок руководства фронта, выступления по радио, проведение массовых митингов.

Одним из наиболее действенных способов мобилизации и сплочения масс КПВ считала деятельность коммунистов по формированию народных комитетов, которые явились организационной формой установления единого фронта в низах. Действуя через народные комитеты, коммунисты мобилизовывали массы на поддержку законопроектов, выдвинутых «Новой силой». В целях обеспечения действий трудящихся на всех уровнях были

созданы координационные комиссии народных комитетов в областном, окружном и муниципальном масштабах во главе с Национальной координационной комиссией¹². Это подтверждает, что «Новая сила» не была просто перхушечным соглашением, а основывалась на совместных действиях трудящихся и, следовательно, оправдывала себя в качестве приемлемой формы единства народа.

Это направление работы КПВ было тесно связано с борьбой за достижение единства профсоюзного движения. Коммунисты смогли добиться совместных выступлений «Единого центра трудящихся» Венесуэлы с профсоюзными лидерами левого крыла «Конфедерации трудящихся Венесуэлы», входящими в партию «Избирательное движение народа». В рамках «Новой силы» были проведены национальные пленумы учителей, профессионально-технических работников, женщин¹³.

Важным участком борьбы КПВ за единство рабочего и народного движения явилась ее парламентская деятельность. Показателем активности коммунистов-парламентариев является то, что за период с 1969 по 1973 г. они участвовали в работе 132 парламентских комиссий и подкомиссий¹⁴. При участии коммунистов левые парламентарии «Новой силы» внесли на обсуждение в конгресс ряд законопроектов, которые явились ответом на основные требования венесуэльских трудящихся. Например, законопроекты, предусматривавшие гарантии сохранения рабочего места, увеличение заработной платы, отсрочку платежей, снижение процента по кредитам для средних и мелких предпринимателей и др.¹⁵ Важнейшим фактором сплочения левых сил явилась борьба за установление национального контроля над природными богатствами страны. Часть законопроектов, разработанных совместно левыми партиями, которые предусматривали безвозмездную передачу государству всего оборудования нефтяных иностранных компаний по истечении срока концессий, национализацию внутреннего рынка нефтепродуктов и американских предприятий по добыче газа, была принята конгрессом¹⁶.

На президентских выборах, которые проходили в декабре 1973 г., блок «Новая сила» оказался в сложных условиях. После фашистского переворота в Чили реакционные круги делали все возможное, чтобы воспрепятствовать успеху левых сил. Это не могло не сказаться на позиции венесуэльских мелкобуржуазных кругов, и без

того напуганных чилийскими событиями. В итоге кандидат блока «Новая сила» получил на выборах лишь 5,1 % голосов избирателей¹⁷. На результатах выборов не могли не сказаться и внутренние слабости самого блока, на которые еще раньше указывали коммунисты: наличие антикоммунистических предрассудков; неполное использование унитарной политики в профсоюзном, крестьянском, студенческом движениях; недостаточно эффективное участие в борьбе за насущные требования народных масс; медлительность в создании народных комитетов¹⁸.

Хотя кандидат «Новой силы» получил небольшое количество голосов на выборах 1973 г., факт формирования левого блока, выдвинутая им программа и деятельность по ее реализации оказали сильное влияние на политическую жизнь страны, способствовали подъему движения против иностранного капитала, за возвращение стране контроля за ее природными ресурсами, оказали большое воздействие на политику правящих кругов страны, вынужденных в 1974—1975 гг. принять декреты о национализации железорудной и нефтяной промышленности. Создание блока «Новая сила» свидетельствовало о достижении качественно нового уровня в процессе консолидации антимпериалистических, демократических сил Венесуэлы. Сопоставление блока «Новая сила» с «Патриотической хунтой»¹⁹ конца 50-х гг. позволяет отметить появление ряда новых черт, показывающих возрастание роли рабочего класса и его политического авангарда в революционном процессе.

Во-первых, в основе «Новой силы» лежал союз двух партий рабочего класса. Во-вторых, для революционных сил, входящих в блок «Новая сила», было характерно более ясное понимание закономерностей исторического развития. Политические цели патриотического фронта конца 50-х гг. не выходили за рамки ближайшей задачи — свержения проимпериалистической диктатуры. В начале 70-х гг. революционные силы объединились на основе общей программы борьбы, пацелепной на завоевание власти и создание демократического, подлинно народного правительства, способного осуществить антимпериалистические преобразования с ориентацией на социализм. Наконец, если «Патриотическая хунта» была создана в основном в результате договоренности руководства входивших в нее политических партий, то для «Новой силы» характерна ориентация на формирование широкой

народной коалиции антиимпериалистических национально-демократических сил.

Программа блока «Новая сила» и его деятельность по мобилизации и сплочению масс показали, что он является зародышем единства, способного открыть дорогу национальному и социальному прогрессу. В конце 70-х гг. демократические силы смогли значительно расширить коалицию левых партий и добиться ощутимого успеха на муниципальных выборах 1979 г.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 25.

² *Pethoff T.* La lección de una derrota.— *Marcha*, 3 marzo de 1972, p. 23.

³ Resoluciones Políticas del VII Pleno del Comité Central del Partido Comunista de Venezuela.— Principios, Julio—Agosto de 1965, N 5, p. 38.

⁴ IV Congreso del Partido Comunista de Venezuela. Documentos y resoluciones.— Caracas, 1971, p. 95—96.

⁵ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала.— М., 1935, с. 13.

⁶ IV Congreso del Partido Comunista de Venezuela..., p. 177—184.

⁷ *América en cifras.* Situación económica: precios, salarios, consumo y otros aspectos económicos.— Washington, 1974, p. 30.

⁸ *Larrazabal R.* Unidad popular. Problemas y avances.— Caracas, 1973, p. 6.

⁹ *Tribuna popular*, 1971, 26.IX.

¹⁰ *El Nacional*, 1972, 23.I (Supl. especial, p. 1—8).

¹¹ *Tribuna popular*, 1972, 9.III, 5.V.

¹² *Larrazabal R.* Op. cit., p. 29.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Tribuna popular*, 1973, 8.IV.

¹⁵ *Ibid.*, 13.IX, 3.V.

¹⁶ *Hacia el rescate de nuestro Petróleo.*— Caracas, p. 46, 49, 82.

¹⁷ *Comercio exterior*, 1973, v. 23, p. 1230.

¹⁸ *Boletín de información.*— Praga, 1973, N 16, p. 11, 12.

¹⁹ Анализ первого объединения антиимпериалистических сил Венесуэлы «Патриотической хунты» дан в кн.: *Демушкин Е. В.* Венесуэла после второй мировой войны (1945—1958).— М., 1969.

Е. А. Долгучиц

ст. преподаватель
(БГУ им. В. И. Ленина)

О КОНСОЛИДАЦИИ

АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ СТРАНЫ

ПОСЛЕ XXII СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США

XXII съезд Коммунистической партии США, совпавший с празднованием ее 60-летия, состоялся в августе 1979 г. в Детройте. Среди важных вопросов, поставленных съездом, был вопрос о работе коммунистов по созда-

нию в стране независимого антимонополистического движения. Партия должна сконцентрировать внимание на промышленном пролетариате как ведущей части рабочего класса, на борьбе за единство левоцентристских сил, за развитие массовых форм организации и движений.

Отмеченные съездом новые явления — усиление роли государства в подчинении и эксплуатации трудящихся в интересах монополий и банков, обострение классовых конфликтов, повышение уровня органического единства рабочего класса в идеологическом, политическом и культурном плане, усиление тенденции к политической независимости рабочего движения от двух партий монополистического капитала и к созданию новой массовой политической партии и другие — открывают новые перспективы в борьбе.

Американские коммунисты строят свою деятельность так, чтобы она способствовала развитию классового сознания пролетариата в процессе его борьбы. В последние годы в США активизировалось забастовочное движение, все более частыми становятся общенациональные выступления. Так, в 1979 г. состоялось 4,8 тыс. забастовок, в которых участвовало 1,7 млн. чел., в 1980 г. — 4 тыс. забастовок и 1,4 млн. участников¹. 17 октября 1979 г. состоялся день протеста, в котором участвовали ведущие профсоюзы, организации национальных меньшинств и Национальный совет пожилых граждан США. Они выступили в поддержку разрядки, против расизма, за контроль над цепями, за работу для молодежи, перевод средств из военного бюджета на мирные цели и др.²

Среди стачек 1980 г. следует отметить закончившуюся победой 6-месячную забастовку 63 тыс. членов профсоюза рабочих нефтяной, химической и атомной промышленности; общенациональное выступление рабочих, занятых на предприятиях по добыче и переработке меди; выступления в сталелитейной и резиновой промышленности, транспортников, муниципальных служащих. Против бастующих — водителей городского транспорта Нью-Йорка, пожарников Мэмпфиса, рабочих судоверфи в Нью-порт-Ньюс, учителей — монополии и власти неоднократно применяли национальную гвардию. Кроме того, профсоюз транспортников на основании закона Тейлора, запрещающего забастовки муниципальных служащих, был приговорен к штрафу почти в миллион долларов³.

На расширенном пленуме ЦК КП США в июле 1981 г.

отмечалось, что впервые после 30-х гг. рабочий класс развил огромную активность. В массовых действиях под давлением рядовых членов начали участвовать и профсоюзы, а многие выступления проведены по их инициативе. Состоялось 15 национальных маршей в Вашингтон. Такие действия являются свидетельством нового уровня единства, подчеркнул Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл⁴.

Коммунистическая партия США играет значительную роль в этих выступлениях, организывает моральную и материальную помощь бастующим. В январе 1981 г. она поддержала борьбу объединенного профсоюза рабочих сталелитейной промышленности Америки за возврат к 8-часовому рабочему дню на предприятиях по изготовлению консервных банок, где 60 % рабочих заняты по 12 часов. Навязав рабочим коллективный договор о работе по 12 часов в течение 4 дней с последующим 4-дневным отдыхом, компании не доплачивают им свыше 2 тыс. дол. в год по сравнению с рабочими, занятыми 8 часов. Такая форма эксплуатации ведет к увеличению несчастных случаев на производстве, но приносит огромные прибыли — только за первые шесть месяцев 1980 г. они составили 200 млн. дол.⁵

Примером активной роли коммунистов в организации отпора трудящихся явилась 73-дневная забастовка шахтеров, в которой участвовало 160 тыс. чел. Горняки боролись против ущемления прав профсоюза, за сохранение занятости, повышение заработной платы, против чрезмерной интенсификации труда. В марше на Вашингтон приняли участие 10 тыс. шахтеров. Они требовали от администрации Рейгана выполнить законы об охране здоровья шахтеров, завоеванные в предшествующие годы. В результате забастовки в новый коллективный договор были включены многие их требования⁶.

Коммунисты призвали рабочих, фермеров, всех трудящихся собирать деньги, продовольствие в фонд бастующих, которые требовали от федеральных и местных властей не нарушать права шахтеров, не отказывать забастовщикам в продовольственных талонах и другой помощи по программе вспомоществования.

Многими общенациональными выступлениями трудовой Америки ознаменовался 1981 год: 40-тысячный поход на Вашингтон рабочих-железнодорожников в знак протеста против увольнений и свертывания сети железных до-

рог с одновременными демонстрациями в ряде городов страны; многочисленная демонстрация текстильщиков в Вашингтоне в защиту законов об охране здоровья рабочих; выступление моряков Западного побережья в защиту своих больниц; демонстрации протеста против сокращения социальных расходов и против антипрофсоюзных законов и др.⁷

Большую роль в активизации рабочего класса и профсоюзов сыграло движение солидарности с бастующими авиадиспетчерами. Полумиллионная демонстрация 19 сентября в Вашингтоне против политики Рейгана явилась самым крупным выступлением со времени голодных маршей 30-х гг.

Выступая на XXVI съезде КПСС, Гэс Холл охарактеризовал политику Рейгана как «стремление государственно-монополистического капитализма ликвидировать все экономические и социальные завоевания трудящихся на протяжении последних 50 лет»⁸. Программа сокращения федерального бюджета вступила в действие 1 октября 1981 г. Это единственная в истории страны программа с ярко выраженной направленностью против бедных. 400 тыс. семей полностью лишены выплат по программе помощи беднякам, 276 тыс. семей они урезаны. Всего сокращены расходы по 250 программам. В результате нанесен сокрушительный удар по 29 млн. живущих за официальной чертой нищеты, по престарелым и нетрудоспособным⁹. Граница бедности для семьи из 4 чел. равна 9,3 тыс. дол.¹⁰

Программа Рейгана предусматривает дальнейшее сокращение налогов на крупные корпорации. Чистые прибыли монополий составили в 1980 г. 163 млрд. дол. против 41 млрд. в 1970 г. В дальнейшем они еще более возрастут, так как налоги на крупные доходы в 1986 г. должны составить лишь 16 % всех федеральных поступлений, в то время как на плечи трудящихся ляжет остальная часть — 84 %¹¹.

Коммунисты развернули кампанию блокирования рейгановского реакционного бюджета и призвали всех трудящихся к борьбе. На страницах «Дейли уорлд» и других партийных изданий они публикуют материалы о целях борьбы, выступления видных деятелей партии. В письме в «Дейли уорлд» «Почему я вступил в Коммунистическую партию США» известный негритянский ученый У. Дюбуа писал: «Путь американской Коммунистической партии

ясен: создать в Соединенных Штатах подлинную третью партию и установить демократию на этой земле»¹².

Коммунисты предложили свою альтернативу: за счет сокращения непроизводительных расходов, в первую очередь урезания гигантского военного бюджета, строительство ежегодно 3 млн. домов с платой в размере 10 % дохода съемщика; создание хорошей транспортной системы в каждом городе; замораживание цен на продукты питания и предметы первой необходимости; обеспечение свободного образования, здравоохранения и доступа к культурным ценностям для всего народа; освобождение от палогов тех, чей доход ниже 25 тыс. дол. в год, сокращение налога лиц с доходом от 25 до 40 тыс. дол. в год; в программе создания новых рабочих мест предусмотреть сокращение рабочей недели без уменьшения оплаты, обеспечение работой всех трудоспособных и желающих работать; введение программы, предусматривающей рост доходов, улучшение качества образования, десегрегацию жилья негров, мексиканцев, пуэрториканцев, коренных американцев, выходцев из Азии¹³.

Коммунисты подчеркивают, что бороться за экономические и политические изменения должны все вместе, весь рабочий класс, все расы и национальности. Как писал В. И. Ленин, «пролетариат не может вести борьбы за социализм и отстаивать свои повседневные экономические интересы без самого тесного и полного союза рабочих всех наций во всех без исключения рабочих организациях»¹⁴.

Укрепление единства трудящихся всех национальностей стало важнейшей потребностью рабочего и общедемократического движения страны. Около 50 млн. американцев являются жертвами расового и национального гнета¹⁵. Самые глубокие корни и самую острую форму в Соединенных Штатах имеет расовое и национальное угнетение негров. Все формы расового и национального угнетения связаны с расизмом, направленным против черных американцев. Поэтому КП США считает необходимым сосредоточить борьбу именно на этом направлении. В Уставе Компартии подчеркнуто: «Борьба за равенство черных, против расизма является центральной задачей социального прогресса в целом. Она является центральной для боевого союза рабочего класса и для борьбы за равенство всех других меньшинств, подвергающихся особому угнетению»¹⁶.

Упорная многолетняя борьба афро-американцев, особенно в 60-х гг., принесла успех — признаны гражданские права негров. Но формальное признание равенства ничего не изменило в их социально-экономическом положении. Нынешняя ситуация подтверждает слова В. И. Ленина: «Положение негров в Америке недостойно цивилизованной страны: капитализм *не может* дать *полного* освобождения ни даже полного равенства»¹⁷.

Черные и представители национальных меньшинств подвергаются сверхэксплуатации, их жизненный уровень наиболее низкий. Среди этих слоев населения наибольший процент безработных, их дети не имеют возможности получить полноценное образование и т. п. Так, разница в доходах средней белой и черной семей постоянно увеличивается. В 1979 г. черная семья получала лишь 56,8 % дохода белой семьи¹⁸. Безработица среди негритянской молодежи в возрасте 16—19 лет превысила в 1981 г. 50 %, высока она и среди взрослого населения¹⁹. Ведется организованное наступление реакции на афро-американцев, занимающих выборные должности в стране (менее 1 % должностей), а также против допуска их в высшие органы. Составляя 12 % населения США, они имеют всего 4 % мест в конгрессе и ни одного в сенате²⁰.

Коммунистическая партия США решительно осуждает такое положение. Она активизирует свою деятельность в борьбе против расизма, осуждает оживление деятельности кулуксклановцев, нацистов и других ультра, которые развязали в 1980—1981 гг. массовый террор против черных: убийства чернокожих детей и взрослых в Атланте, Лос-Анджелесе, Буффало, Бостоне, Детройте и других городах страны, покушение на одного из руководителей негритянского движения Вернона Джордана, избивания и убийства представителей других национальных меньшинств. Власти не только не пресекают деятельности крайней реакции, но и сами применяют полицейские силы против цветных трудящихся. Хорошо известны трагические результаты расправы властей над восставшими неграми в Майами, в Гарлеме. 28 июня 1981 г. полицейские с собаками напали на 800 мексикано-американцев, собравшихся в Денвере на свой традиционный фестиваль. Многие участники собрания были избиты полицией и икусаны собаками²¹.

Коммунисты активно работают в Национальном альянсе против расовых и политических репрессий. Он дей-

ствуется с 1973 г. и играет значительную роль в организации единства представителей всех национальностей в защиту гражданских прав, борьбы рабочего класса и освободительного негритянского движения. Состоявшийся в мае 1981 г. съезд этой организации поставил задачу защитить и расширить демократические права американского народа, всех меньшинств, покончить с расизмом и расистским террором.

КП США отвергает шовинизм, политику национального угнетения и дискриминации в отношении мексикано-американцев и индейцев, рабочих-иммигрантов. Она требует полного равенства всех национальностей, введения обучения на двух языках — на английском и испанском — для выходцев из Латинской Америки и Карибского бассейна; увеличения заработной платы, улучшения жилищного устройства, медицинского обслуживания, прекращения полицейских репрессий в отношении этих трудящихся. Она выступает в защиту лиц без документов, т. е. нелегальных иммигрантов, которые выплачивают налоги, приносят огромные прибыли монополиям, но на которых не распространяется социальное законодательство²². Таким образом, Коммунистическая партия США главную свою задачу видит в сплочении миллионов угнетаемых с рабочим классом.

Гэс Холл отмечал, что расизм и белый шовинизм — главное препятствие на пути социального прогресса и борьбы за социализм. Поэтому идеологическая борьба против расизма приобретает первостепенное значение.

В борьбе за создание широкой коалиции сил, в которую вошли бы все, кто выступает против реакции, расизма и наступления правых, важное место Компартия США отводит участию в избирательных кампаниях. Предвыборная борьба используется коммунистами для показа ограниченного характера буржуазной демократии, втягивания масс в движение за демократические права, разоблачения лжи апологетов капитализма. Кроме того, участие в избирательных кампаниях необходимо для полной легализации Коммунистической партии, так как в 29 штатах действуют законы, запрещающие коммунистам выставлять своих кандидатов. На XXII съезде КП США отмечалось, что из 2370 законов, принятых в стране против прогрессивных сил, 1388 непосредственно направлены против компартии. ФБР систематически собирает досье на коммунистов²³.

Избирательную кампанию 1980 г. коммунисты вели под лозунгом «Народ, а не прибыли». Они отстаивали гражданские права и демократические свободы, провозглашенные капиталистическим обществом. Их цель, подчеркивалось на Пленуме ЦК КП США в декабре 1980 г., — опираясь на завоеванные права, открыть путь в новое общество, где власть будет принадлежать трудящимся и демократия приобретет свой истинный смысл.

В условиях разнузданной антикоммунистической и антисоветской истерии коммунисты собрали почти полмиллиона подписей под петицией о регистрации своих кандидатов²⁴. Это было своеобразным признанием законности компартии и одобрением ее предвыборной программы. Кроме того, коммунисты отвергли дискриминационное требование федеральной избирательной комиссии об обязательности для коммунистов раскрывать имена и адреса людей, делавших пожертвования в фонд их кандидатов. Федеральный окружной суд Нью-Йорка признал, что предоставление подобной информации привело бы к репрессиям к таким лицам со стороны властей. Это важное завоевание Компартии США в борьбе с могущественным аппаратом буржуазной избирательной машины, стоящей на службе монополий.

Важнейшим итогом выборов Гэс Холл назвал увеличение количества голосов, поданных за коммунистов. В штатах Огайо, Иллинойс, Коннектикут, Вашингтон и столичном округе Колумбия они получили 1—2 % общего количества голосов, а в Сиэтле — до 10 %, что обеспечило здесь компартии постоянное место в списке для голосования в местный законодательный орган²⁵.

Другим важным итогом явился отказ 7,5 млн. избирателей от поддержки кандидатов обеих партий монополистического капитала. Эти избиратели, а также те, которые вообще отказались участвовать в голосовании — преимущественно рабочие, фермеры, негритянское, испаноговорящее население, являются основой создания антимонополистической партии. Коммунисты считают необходимым изучить возможность сотрудничества с возникшими в ходе избирательной кампании партиями и организациями, стремящимися к политической независимости от буржуазных партий. «Возникновение антимонополистической коалиции станет неизбежным результатом политического развития, так как власть монополий является препятствием на пути прогрессивного развития. На базе

этой коалиции появится новая политическая партия. В результате борьбы возникнет антимонополистическая политическая власть — государственная власть», — писал Гэс Холл²⁶.

Антимонополистическая партия не является революционной. Это партия реформ, деятельность которой направлена против крупных монополий. В ее программе должны содержаться такие требования, как сохранение и расширение прав профсоюзов, отмена антирабочих законов, включая закон Тафта — Хартли, антизабастовочных мер, всех расистских законов, установление демократического контроля над источниками энергии, железными дорогами и другими важными областями экономики; пенсионное обеспечение; налоговая реформа и т. п.

Для развития независимого политического действия необходимо укрепление единства рабочего класса, профсоюзного движения на низовом и национальном уровне, широкое вовлечение масс в борьбу против безработицы, расизма, против призыва в армию, урезания социальных программ, за мир. Главным препятствием на пути к сплочению демократических сил страны Гэс Холл называл влияние расизма и ложь о советской угрозе. Необходимы новые инициативы по укреплению единства профсоюзов, народа, левоцентристских и левых сил, отмечал он в интервью «Дейли уорлд»²⁷.

¹ Проблемы мира и социализма, 1981, № 7, с. 91.

² За рубежом, 1980, № 2, с. 16.

³ Знамя юности, 1980, 1 июля.

⁴ Political affairs, 1981, Jul., p. 9.

⁵ Daily world, 1981, Jan. 8.

⁶ Ibid., May 21.

⁷ Проблемы мира и социализма, 1981, № 12, с. 92.

⁸ Приветствия XXVI съезду КПСС. — М., 1981, с. 233.

⁹ Новое время, 1981, № 46, с. 15.

¹⁰ США — экономика, политика, идеология, 1981, № 10, с. 122.

¹¹ Political affairs, 1981, May, p. 9, 10.

¹² Daily world, 1981, March 12.

¹³ Political affairs, 1981, May, p. 12.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 316.

¹⁵ О национальном вопросе в капиталистических странах. — Прага, 1981, с. 14.

¹⁶ Там же, с. 10.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 346.

¹⁸ Daily world, 1981, May 7.

¹⁹ Ibid., Sept. 17.

²⁰ Political affairs, 1981, Jul., p. 14.

²¹ Daily world, 1981, Jul. 23.

²² Ibid., 1980, Dec. 11.

²³ Political affairs, 1979, Dec., p. 6.

²⁴ Ibid., 1981, Jan., p. 7.

²⁵ Ibid.

²⁶ Г. Холл. Революционное рабочее движение и современный империализм.— М., 1974, с. 350.

²⁷ Daily world, 1981, Sept. 17.

В. М. Писарев

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ СЕПГ — ВЫРАЖЕНИЕ РАСТУЩЕГО ВЛИЯНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ГДР

Повышение роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии является важнейшей общей закономерностью социалистического строительства. Как указывал В. И. Ленин, «только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, в состоянии... руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами»¹.

Возрастание роли СЕПГ в ходе строительства развитого социалистического общества обусловлено увеличением масштабов и усложнением его задач, повышением требований к уровню политического и организационного руководства обществом в условиях научно-технической революции, дальнейшего подъема творческой активности и сознательности масс, развития социалистической демократии.

Политическое руководство обществом СЕПГ осуществляет через его политическую организацию, которая по своей сути представляет форму союза рабочего класса, кооперированного крестьянства, других слоев трудящихся и выступает в качестве важнейшего фактора строительства развитого социалистического общества в ГДР. Руководящая роль СЕПГ проявляется прежде всего в том, что она направляет и координирует деятельность всех звеньев политической организации общества, обеспечивая тем самым ее оптимальное функционирование и развитие. В то же время партия составляет руководящее ядро большинства организаций трудящихся, входящих в систему политической организации общества. Это позволяет СЕПГ осуществлять политический контроль за их деятельностью, обеспечивать в этих организациях руководящую роль рабочего класса.

Осуществляя политическое руководство обществом, СЕПГ выполняет ряд функций, которые имеют определяющее значение для его поступательного развития. Важнейшая из них — выработка политического курса, научное формирование генеральной перспективы развития общества на каждом новом историческом этапе. В соответствии с этим курсом строится деятельность всей системы политической организации общества. Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер отмечал: «Политические решения правящих коммунистических партий, их резолюции и программы становятся основой действий миллионов людей в собственной стране и воздействуют на классовую борьбу на международной арене»².

Важную роль в разработке политического курса СЕПГ на период построения развитого социалистического общества сыграли VIII (1971), IX (1976) и X (1981) съезды партии. На VIII съезде СЕПГ была принята программа, особенностью которой стал комплексный подход к решению экономических и социально-политических задач общественного развития. При этом большое внимание обращалось на дальнейшее укрепление руководящей роли рабочего класса в обществе, на рост авторитета профсоюзов, Национального фронта ГДР и других массовых организаций, где велик удельный вес рабочих. Съезд призвал укреплять классовый состав партии, отвечающий ее характеру и растущей роли рабочего класса, еще шире развертывать внутрипартийную демократию, заботиться о том, чтобы опыт рабочего класса и всех трудящихся находил научное выражение в решениях руководящих партийных органов, твердо соблюдать принцип коллективности руководства, который гарантирует точность принимаемых решений, крепить идейное и организационное единство СЕПГ, авторитет первичных партийных организаций, усилить наступательную борьбу против антикоммунизма, других разновидностей реакционной идеологии, включая социал-реформизм и буржуазный национализм³.

Исключительно важной вехой в истории ГДР стал IX съезд СЕПГ, особое значение которого состояло в том, что на нем была принята новая программа партии, сориентированная на очередной этап исторического развития республики. Прежняя программа, принятая на VI съезде в 1963 г., основывалась на факте победы в ГДР социалистических производственных отношений. Новая про-

грамма, «исходя из исторических достижений, завоеванных рабочим классом и всеми другими трудящимися под руководством Социалистической единой партии Германии, и в соответствии с новыми потребностями общества» предусматривала продолжение строительства развитого социалистического общества в ГДР и создание тем самым основных предпосылок для перехода к коммунистическому строительству⁴.

Опираясь на коренные положения марксизма-ленинизма, на опыт Советского Союза и других братских стран социалистического содружества, Программа СЕПГ характеризует строительство развитого социалистического общества как исторический процесс глубоких политических, экономических, социальных, духовных и культурных преобразований. Она определяет основные черты и критерии этого общества, дает научно обоснованную характеристику второй фазы единой коммунистической общественной формации, переход к строительству которой составляет генеральную линию СЕПГ и перспективу общественного развития ГДР.

В новой Программе СЕПГ нашла отражение такая важнейшая закономерность социалистического строительства, как рост руководящей роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии. Партия и впредь будет стремиться к усилению влияния рабочего класса во всех сферах жизни, записано в Программе⁵. Программа отмечает, что дальнейшее проявление руководящей роли СЕПГ во всех сферах общественной жизни является существенной предпосылкой постепенного перехода к коммунистическому строительству.

В решениях X съезда СЕПГ были определены основные направления совершенствования политического руководства партией общественными процессами. Это, во-первых, комплексный подход, коллективность и личная ответственность, внутривнутрипартийная демократия, активная партийная жизнь, безусловное выполнение принятых решений и постоянный партийный контроль. Во-вторых, выдвижение таких инициатив, организация таких мероприятий, которые обеспечивают достижение высоких показателей. В-третьих, высокий уровень руководства партийно-массовой работой⁶.

Для укрепления руководящей роли СЕПГ, ее авторитета в обществе огромное значение имеет то, что политический курс партии базируется на строго научной осно-

ве, всестороннем анализе общественных явлений, учете интересов широких народных масс. Ярким подтверждением этого служит всенародное обсуждение партийных документов накануне VIII и IX съездов СЕПГ. В адрес IX съезда поступило более миллиона писем, замечаний и предложений от граждан, трудовых коллективов, организаций и учреждений республики. 6820 писем содержали предложения по уточнению и дополнению документов съезда. Из них 1695 касались проекта Программы СЕПГ, 2735 — проекта директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства ГДР на 1976—1980 гг., 2390 — проекта Устава СЕПГ. Все они были представлены на рассмотрение IX съезда партии⁷.

В своей деятельности СЕПГ руководствуется ленинским указанием о том, что партия «должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она»⁸. СЕПГ расширяет свои ряды, вовлекая в них лучших представителей трудящихся республики. После IX съезда ряды партии выросли на 351 953 чел., причем 263 920 из них — рабочие. К X съезду СЕПГ насчитывала в своих рядах 2 млн. 172 тыс. членов и кандидатов в члены партии⁹. Доля рабочих в руководстве первичных партийных организаций выросла в период между VIII и IX съездами СЕПГ с 46,8 до 51,1 %¹⁰. Социальный состав СЕПГ к IX съезду был следующим: рабочие — 56,1 %, крестьяне-кооператоры — 5,2, интеллигенция — 20, служащие — 11,5, прочие — 7,2 %. В то же время по своему социальному происхождению 74,9 % кандидатов и членов СЕПГ являлись выходцами из рабочего класса. Из числа кандидатов и членов партии, принадлежащих к интеллигенции, 63,1 % ранее были рабочими. Еще больше укрепилась рабочая прослойка после X съезда партии — она составила 57,6 %. Это самый высокий уровень с момента основания СЕПГ¹¹.

Забываясь об укреплении связей с массами, классовом характере, партия всегда выступала против формализма в этом деле, повышала идейное и организационное единство своих рядов. Так, в период с 1 сентября по 31 октября 1970 г. СЕПГ провела обмен партийных документов для всех членов и кандидатов партии. Общие партийные собрания прошли в 67 530 первичных и цеховых партийных организациях. Состоялись индивидуальные

товарищеские беседы с 1 896 640 членами и кандидатами в члены СЕПГ, в ходе которых откровенно, с партийных позиций, обсуждались актуальные проблемы внутреннего развития и внешней политики ГДР. Новые партийные билеты были вручены 1 893 594 членам и кандидатам в члены СЕПГ, что составляло 99,54 % общей численности партии¹². В результате вырос авторитет рабочего класса и СЕПГ в обществе, повысилась боевитость партии, упрочилась ее связь с массами.

Руководящая роль СЕПГ, а следовательно, и рабочего класса в системе политической организации социалистического общества ГДР является объектом постоянных нападок буржуазных идеологов. Они пытаются отыскать противоречие в одновременном всестороннем развитии социалистической демократии и повышении руководящей роли партии рабочего класса. В их представлении это может происходить лишь за счет умаления или ущемления роли других организаций. В ход пускается антикоммунистический тезис о «тоталитаризме», «диктатуре партии». Западногерманские социологи К. Зонтхаймер и В. Блеек сокрушаются по поводу того, что СЕПГ является руководящей и направляющей силой общества ГДР, обвиняя ее в том, что «она руководит системой партий, подчиняет весь государственный аппарат, контролирует общественную и культурную жизнь». Им вторят Д. Фойгт и Ф. Грэтц, которые считают, что «СЕПГ монополизировала идеологическую и общественную жизнь»¹³.

Особые усилия прилагаются для того, чтобы фальсифицировать взаимоотношения политических партий, входящих в Демократический блок, противопоставить их СЕПГ. Т. Штаммен муссирует старые измышления о том, что система блоков «стопроцентно гарантирует» вовлечение всех политических сил «в систему господства СЕПГ». Он озабочен отсутствием «партийного сотрудничества в Народной палате», т. е. блокировки политических партий против СЕПГ. В этом Т. Штаммена полностью поддерживают уже упомянутые К. Зонтхаймер и В. Блеек. Отсутствие «легальной политической оппозиции», «политического плюрализма», «свободной игры политических сил» в Народной палате ГДР беспокоит и другого представителя западногерманской буржуазной историографии — П. Лаппа, который усматривает в этом «слабые стороны» ее деятельности¹⁴.

Стремясь противопоставить рабочий класс и партию,

буржуазная историография ФРГ усиленно фальсифицирует классовый характер СЕПГ, основные принципы и нормы ее деятельности. Отмечая повышение удельного веса рабочего класса в СЕПГ между VII и VIII съездами партии (с 45,6 до 56,6 %), К. Зонтхаймер и В. Блеек пытаются принизить его политическую роль на том основании, что по сравнению с удельным весом в социальной структуре общества рабочий класс представлен в партии меньше, чем, скажем, интеллигенция (соответственно 79 %—56,6 %, 10%—17,9 %) ¹⁵.

Обвиняя СЕПГ в «тоталитаризме» и «диктате», представители западногерманской буржуазной историографии совершенно замалчивают тот факт, что руководящая роль СЕПГ строится прежде всего на убеждении и силе идейного влияния, примера и организации, опирается на доверие трудящихся к ее политике, признание ее в качестве руководителя и организатора общества. СЕПГ в своих программных документах подчеркивала, что «испытанное сотрудничество с дружественными партиями и массовыми организациями в Демократическом блоке и Национальном фронте Германской Демократической Республики является одним из принципов политики союза, проводимой Социалистической единой партией Германии», и твердо следовала этому принципу в практической деятельности ¹⁶.

Политическое руководство государственными и общественными организациями СЕПГ осуществляет также через своих членов, работающих в этих организациях. Так, среди членов центральных правлений отраслевых профсоюзов представители СЕПГ составляли соответственно: у металлистов — 74,5 %, печатников — 61, транспортников — 69, в акционерном обществе «Висмут» — 56,9 % ¹⁷. Активно участвуют члены СЕПГ и в общественно-политической работе комитетов Национального фронта ГДР. Например, в комитетах жилых районов г. Йена (округ Гера) их доля выросла с 46 % в 1971 г. до 52,1 % в 1976 г.* Через своих представителей в государственных органах и общественных организациях СЕПГ не только обеспечивает политический характер их деятельности, но и осуществляет контроль, оказывает всестороннюю поддержку и помощь в работе.

* Подсчитано автором по материалам районного комитета Национального фронта ГДР г. Йена.

Контроль и проверка исполнения партийных директив, государственных законов и постановлений правительства являются одним из важнейших направлений в руководящей деятельности СЕПГ. Устав партии предоставляет партийным организациям предприятий, учреждений, кооперативов, ведомств право контроля за деятельностью администрации, возлагая на них ответственность за политическое руководство общественным развитием в рамках их компетенции. На IX съезде партии право контроля над деятельностью аппарата получили партийные организации в министерствах и других центральных и местных государственных органах. Как подчеркивалось в Уставе, главной целью такого контроля является обеспечение рациональной и эффективной организации работы, внимательного отношения сотрудников к гражданам, борьба с недостатками и упущениями в работе государственных органов¹⁸. Важной формой партийного контроля являются отчеты коммунистов-руководителей государственных органов, общественных организаций о своей работе на партийных собраниях, конференциях и активах.

Политическое руководство обществом со стороны СЕПГ вовсе не означает подмены и дублирования государственных и общественных организаций, умаления их роли, как это пытаются представить западногерманские буржуазные идеологи, когда твердят о «формальном разъединении партии и государства», о том, что органы государственной власти являются «чужеродными» в политической системе общества ГДР¹⁹. Вопреки этим утверждениям деятельность СЕПГ еще больше повышает роль государственных и общественных организаций.

Серьезное внимание партия уделяет кадровой политике. СЕПГ стремится к тому, чтобы на руководящие посты выдвигались люди, обладающие необходимыми политическими и деловыми качествами. Устав СЕПГ вмещает в обязанность каждого коммуниста проявлять необходимую бдительность в кадровой политике, бороться с бездушием и бюрократическим отношением к работе с людьми. В деле воспитания руководящих кадров особое внимание уделяется их марксистско-ленинской подготовке. Так, в 1974 г. в системе марксистско-ленинского образования занималось около 280 тыс. кадровых работников государственных и хозяйственных органов. Около 10 тыс. служащих центральных и местных государственных орга-

нов, депутаты, председатели и члены районных советов, бургомистры и другие руководящие работники повышали свою квалификацию при Академии государства и права в Бабельсберге и юридической школе в Веймаре²⁰.

В документах IX съезда СЕПГ было подчеркнуто, что партия обязана руководствоваться ленинским положением о том, что коммунисты должны действовать «и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов»²¹. В связи с этим большое внимание уделяется развитию системы партийной учебы. Только за период между VIII и IX съездами партии около 340 тыс. членов и кандидатов в члены СЕПГ получили марксистско-ленинскую подготовку в системе партийного просвещения, свыше 430 тыс. коммунистов и беспартийных учились в кружках основ марксизма-ленинизма, около 350 тыс. обучались в двухгодичном семинаре по научному коммунизму, еще 480 тыс. изучали историю КПСС, свыше 950 тыс. посещали семинары по политической экономии социализма и экономической политике СЕПГ. Особое внимание уделялось систематическому марксистско-ленинскому образованию коммунистов-рабочих. С этой целью после VIII съезда партии было создано 17 новых школ марксизма-ленинизма в районах и 41 — на предприятиях, что позволило повысить долю рабочих в них с 32,1 % в 1971/72 уч. г. до 39,9 % в 1975/76 уч. г. Всего же в ГДР в 1976 г. работало 253 школы марксизма-ленинизма в районах и 478 — на предприятиях, в которых обучалось свыше 58 тыс. рабочих²².

СЕПГ стремилась усилить политико-массовую работу и по месту жительства. В решении Секретариата ЦК СЕПГ о задачах окружных и районных комитетов по дальнейшему развитию общественной жизни в городских жилых районах от 27 ноября 1974 г. ставилась задача активно включать в политико-массовую работу первичные партийные организации, государственные и народнохозяйственные органы, общественные организации. Особая ответственность возлагалась на членов партии²³.

На IX съезде СЕПГ было отмечено возросшее влияние печати, радио и телевидения на духовную жизнь общества ГДР. За период после VIII съезда значительно вырос тираж партийных изданий: газеты «Нойес Дойчланд», журналов «Айнхайт», «Нойер Вег», печатных органов окружных парторганизаций, а также многотиражек на предприятиях. Так, в 1975 г. на крупных промыш-

ленных предприятиях республики издавалось 628 газет общим тиражом около 2 млн. экземпляров²⁴.

В своей практической деятельности по политическому руководству обществом Социалистическая единая партия Германии исходила и исходит из основного марксистско-ленинского положения об укреплении руководящей роли рабочего класса, что находит свое выражение в усилении классового характера партии, упрочении ее связей с профсоюзами, в углублении и расширении идейно-политической работы в массах, в обеспечении руководящей роли рабочего класса в государственных органах, массовых общественных организациях.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 94.

² Хонеккер Э. Избр.: Речи и статьи.— М., 1979, с. 89.

³ История СЕПГ: Очерк.— М., 1980, с. 603.

⁴ IX съезд Социалистической единой партии Германии (Берлин, 18—22 мая 1976 г.) (далее — IX съезд СЕПГ).— М., 1977, с. 216—217.

⁵ Там же, с. 241.

⁶ Правда, 1981, 12 апр.

⁷ ГДР. Общество, государство, гражданин.— М., 1980, с. 22.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 37.

⁹ Правда, 1981, 12 апр.

¹⁰ Zahlen und Fakten zur Entwicklung der Deutschen Demokratischen Republik in den Jahren 1971 bis 1975 (далее — Zahlen und Fakten).— Berlin, 1976, S. 10—11.

¹¹ Правда, 1981, 12 апр.

¹² История СЕПГ, с. 581—582.

¹³ Sontheimer K., Bleek W. Die DDR. Politik, Gesellschaft, Wirtschaft.— Hamburg, 1975, S. 68; Politische Studien, 1975, H. 224, S. 606.

¹⁴ DDR — Das politische, wirtschaftliche und soziale System / Hrsg. von H. Rausch und T. Stammen.— München, 1974, S. 222; Sontheimer K., Bleek W. Op. cit., S. 106; Lapp P.-J. Die Volkskammer der DDR.— Opladen, 1975, S. 261.

¹⁵ Sontheimer K., Bleek W. Op. cit., S. 84.

¹⁶ IX съезд СЕПГ, с. 248.

¹⁷ Zentralarchiv des FDGB, FDGB — Bundesvorstand, Archivnummer 5095, Dokumente S 339/72, S. 340/72, S 341/72, S 342/72.

¹⁸ IX съезд СЕПГ, с. 300—301.

¹⁹ DDR — Das politische..., S. 204.

²⁰ Sozialistischer Staat und staatliche Leitung. Aktuelle Probleme der Tätigkeit der Staatsmacht in der DDR.— Berlin, 1976, S. 67.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 82.

²² Zahlen und Fakten..., S. 13—15.

²³ Neuer Weg, 1974, H. 24 (Beilage).

²⁴ Zahlen und Fakten..., S. 12.

II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Л. М. Шнеерсон

д-р. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

КУЛЬТУРКАМПФ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ БИСМАРКА (некоторые аспекты)

Культуркампф (серия государственных мер против католической церкви в Германии) рассматривался в бисмарковских кругах как условие укрепления прусско-юнкерской гегемонии в Германской империи, поскольку католическая церковь и связанная с ней партия католического центра представляли в это время главный оплот сепаратизма и вокруг них сплачивались различные, по тем или иным мотивам враждебные пруссачеству силы.

Клерикальная оппозиция и религиозные противоречия, вызванные догматом папской непогрешимости в Германии*, создавшие фон сепаратистского противодействия, — «это одна из наиболее серьезных трудностей, с которыми Бисмарк встречался в своей политической деятельности»¹. Бисмарковская пропаганда рисовала клерикализм платформой, сплачивающей враждебные Германской империи силы не только в рамках Германии, но и в пределах всей Европы. «По весьма различным причинам, — писал один из апологетов бисмарковской политики историк Г. Зибель, — клерикалы и Франция преследуют одну и ту же цель — разрушение молодой империи германской нации... Тот, кто поддерживает клерикалов в каком-либо серьезном вопросе, тот открывает границы внешнему врагу»². Подобные страхи подогревались и английской печатью. «Times» писала, что Ватикан стремится положить конец возвышению протестантизма в Европе, желая для этого создать союз клерикальной Франции с католиками Германии³.

* Догмат папской непогрешимости, провозглашенный на XX Вселенском соборе в 1870 г., вызвал раскол среди католиков. Противники этого догмата стали называться «старокатоликами».

Однако приходится признать, что ультрамонтаны представляли серьезную оппозиционную силу, которая, не ставя под вопрос само существование империи, угрожала изменить ее политический центр тяжести в ущерб прусско-юнкерской гегемонии.

Партия католического центра и группировавшиеся вокруг нее клерикальные и неклерикальные группировки старались спутать бисмарковские карты и в области внешней политики. В отличие от других буржуазно-юнкерских партий Центр настойчиво добивался выноса на форум рейхстага острых проблем и стремился связать внутриполитические противоречия с внешнеполитической оппозицией⁴. Однако ограниченные конституционные возможности использовать для этой цели рейхстаг заставляли Центр придавать особое значение «своей прессе».

Ультрамонтаны выступали в пользу папы, всячески поносили Италию, которая мыслилась Бисмарком в качестве нужного и возможного союзника^{**}. Всякий намек на возможность соглашения Германии с Италией вызывал протестующие реакции в клерикальной среде⁵.

Достаточно откровенно в клерикальной прессе афишировались симпатии к Франции и надежды на реставрацию там католической монархии Бурбонов. Это шло вразрез с линией Бисмарка, считавшего, что французская республика в меньшей степени способна привлечь к себе союзников, чем «католическая монархия»⁶. Более трезвые и сдержанные на политической трибуне в рейхстаге и ландтагах, в прессе клерикалы не гнушались ничем. Они не отвергали даже мысль о возможности религиозной войны, когда Франция во главе с Генрихом V (Бурбоном) в союзе с Австрией выступит в защиту папы, а Италия призовет на помощь Германию. При этом и Англия рассматривалась как возможный член католического союза держав в этой войне⁷. Трудно придать серьезное значение подобным прогнозам, но среди католического мещанства они производили впечатление.

* Особенно резкого тона в критике внутренней и внешней политики империи придерживалась баварская пресса. Однако столь фанатично враждебную точку зрения разделяли сравнительно немногие деятели центра (*Albers D. Reichstag und Außenpolitik* (1871—1879).— Berlin, 1927, S. 44).

** Когда в Германии отмечалась годовщина победы под Седаном, «*Kölnische Volkszeitung*» напомнила, что вслед за 2 сентября 1870 г. последовало 20 сентября 1870 г.— захват Рима пьемонтцами, омрачивший успех германской армии в глазах католиков.

Клерикалы всячески старались опорочить роль России в судьбах Германии. Католический листок «Augsburger Postzeitung» так оценил результаты сотрудничества с Россией в ходе франко-прусской войны: «Вместо поверженного противника на Западе мы имеем теперь вдвое более сильного и опасного полуварварского врага на Востоке»⁸. Союз с Россией после войны отвергался клерикалами под тем предлогом, что он мог существовать, мол, только за счет интересов Австрии и, следовательно, отрицательно сказался бы на австро-германских отношениях. Между тем внешнеполитическая программа Центра прежде всего ориентировалась на тесный союз с Австрией, который в какой-то степени должен был сгладить «малогерманскую» сущность нового германского рейха, усилить внутригерманские и европейские позиции католицизма. С этим союзом связывались и враждебные России цели.

Внешнеполитические идеи католического Центра находили сторонников среди консерваторов, испытывающих недоверие к бисмарковской политике. Они были созвучны с настроениями императрицы Августы и в каких-то аспектах самого кайзера⁹.

Бисмарку, пишет один из историков, приходилось задумываться «над опасностью католической и консервативной коалиции, причем не только внешней, но и внутри Германии из своих противников консерваторов и ультрамонтанов»¹⁰. В дипломатических верхах России «крайняя энергия» Бисмарка в столкновении с ультрамонтанами, «объединившими всех противников германского единства», тоже объяснялась сложностью международного и внутриполитического положения Германии. «Бисмарк не поколебался объединиться с этой целью с либеральной партией, рискуя свратить прусскую политику на путь, который до сих пор не был ей свойственен»¹¹.

Культуркампф развивался на фоне обострившейся в Западной Европе клерикальной реакции. Догмат «папской непогрешимости» прозвучал как вызов католического клерикализма науке, школе, всем светским, политическим и гражданским учреждениям. Орган русской демократии «Дело» писал по этому поводу: «Католическая иерархия, состоящая под непосредственным ведением самого римского папы, не желает мириться даже с буржуазным либерализмом самой чистой воды»¹².

В этой обстановке Бисмарк пытался использовать по-

литику культуркампа для привлечения к Германии в общеполитических целях тех стран, где назрело недовольство Ватиканом. Осуществляя жесткое давление на католическую церковь внутри страны, Бисмарк в отношении Ватикана следовал более гибкой тактике. Жестом «примирения» была посылка в Ватикан кардинала Гогенлоэ в качестве официального представителя Германии. Но он не был принят, что дало повод для жалоб на Рим и констатации перед католиками беспристрастности бисмарковской политики. 14 мая 1872 г. запрос в рейхстаге лидера национал-либералов Беннингсена предоставил Бисмарку возможность высказать все это публично и еще раз подтвердить свое желание сохранить миссию при Ватикане. Он тут же заявил, что время конкордатов прошло и на будущее права государства и права церкви следует уточнить путем законодательства. Провозглашение догмата «папской непогрешимости» отрезало путь к заключению каким-либо государством конкордата с папским престолом, ибо это было бы капитуляцией государственной власти, а Германия никогда не пойдет в Каносу, — церковь должна подчиняться государственным законам. По предположению русского посла в Берлине, все это в рейхстаге было рассчитано и подготовлено¹³. Бисмарк, когда считал нужным, умел включать и рейхстаг в свою внешнеполитическую игру.

В переговорах с Россией и Австро-Венгрией германская дипломатия усиленно настаивала на антипольском аспекте культуркампа. Как сказал статс-секретарь по иностранным делам Тиле русскому послу, Бисмарк ничего не хочет ни от католицизма, ни от католиков в целом, его политика направлена главным образом против полонизма и тех католиков, которые связывают свое дело с поляками¹⁴.

Таким путем в Берлине замыслили привлечь Россию к своей борьбе с Ватиканом и помешать прогрессу, достигнутому Россией в отношениях с папским престолом. Германская дипломатия постаралась обыграть в этих целях факт присвоения папой в марте 1872 г. архиепископу Познани и Гнезена Ледеховскому достоинства примата, что могло означать объединение в руках Ледеховского всей польской церкви и расширение его духовной власти. Бисмарк сначала предлагал тут же предпринять совместный демарш в Риме, но затем «по политическим соображениям» отложил его на более поздний срок¹⁵. В мае в Пе-

тербург был передан проект протеста против приматского достоинства Ледеховского, который Бисмарк намеревался направить в Рим¹⁶.

В Петербурге к инциденту подходили с крайней осторожностью, воздерживаясь от формального протеста, хотя и были встревожены возможными последствиями изменения статута Ледеховского¹⁷. Министр иностранных дел России Горчаков указывал на то, что резкая акция «могла неблагоприятно отразиться на положении польских провинций»¹⁸.

В свою очередь из Рима предпринимались шаги к смягчению ситуации. В начале мая 1872 г. государственный секретарь папы, кардинал Антонелли, сделал письменное заявление русскому поверенному в делах в Риме Капнисту. Он заявил, что присвоение достоинства примата Ледеховскому имеет всего лишь почетный характер, он не был и не будет наделен папским правительством полномочиями вмешиваться в дела католических епархий, расположенных в России и в Царстве польском. При наличии подобных заявлений, пояснил Горчаков германскому послу Рейсу, России трудно присоединиться к германскому проекту протеста, но если германское правительство пустит эту депешу в ход, то русский поверенный в делах в Риме устно поддержит ее¹⁹.

Как считали в Петербурге, письменные заверения Антонелли могли быть публично использованы для отказа Ледеховскому в претензиях на титул и власть примата Польши, если бы он выступил впоследствии с подобными претензиями²⁰.

В инструкциях Убри и Капнисту Горчаков подчеркивал, что Россия желает согласия с Римом ради успокоения умов своих католических подданных. «Желание идти во всех случаях вместе с нашими друзьями (имелась в виду Германия.— Л. Ш.) не должно заставлять нас терять из виду собственные интересы»²¹. Горчаков надеялся, что осторожность, соблюдаемая Россией, может заставить папу «отказаться от враждебности, которую мы постоянно встречаем со стороны римской католической церкви, в особенности в Польше»²².

Бисмарк, обращаясь к ряду стран, предлагал на будущее воздействовать на выборы нового папы. Горчаков выразил сильное сомнение, можно ли будет не признать папу, избранного в духе вековых традиций конклава и намерения которого станут известны лишь после восхож-

дения его на папский престол. В разговоре по этому поводу с Рейсом Горчаков настаивал, что самой эффективной гарантией является местное законодательство каждой страны, ограничивающее возможность папского произвола. На эти гарантии опиралось и будет опираться правительство России²³. Никакого соглашения по этому поводу не было достигнуто, все свелось только к обмену мнениями.

Культуркампф не приобрел никакой популярности в России. Демократические круги осуждали его, заявляя, что противодействие клерикализму в этом случае сопровождается «не подлинно либеральными мерами, а полным подчинением церкви государству»²⁴. Постепенно политика культуркампфа стала вызывать раздражение и при царском дворе. Убеждениям русских монархистов, в том числе царя, претило посягательство на устои церкви, пусть даже чужой. Церковь всегда считалась одной из неотъемлемых опор трона. Александр II откровенно выражал недовольство германскому послу по поводу так называемого «прогресса либерализма» в Германии и отказа Бисмарка прислушаться к мнению консерваторов, выступающих против культуркампфа и уступок либеральным веяниям²⁵. В Петербурге не хотели также допускать возможности использования клерикальных сил для разжигания русско-германской розни. Когда Бисмарк пожаловался Убри, что католические священники из Царства польского проникают в Силезию и ведут там антипрусскую пропаганду, Горчаков тут же признал за германским правительством право действовать в подобных случаях «по всей строгости законов»²⁶.

Вопросы, поднятые в процессе культуркампфа, Бисмарк настойчиво старался включить в платформу германо-австрийского сближения, внушая при этом, что, несмотря на династические и национальные различия, Цислейтания не может не быть связанной своими судьбами с Германией²⁷.

В Австрии церковь издавна находилась под контролем государства. В силу эдикта о веротерпимости, изданного при Иосифе II, монарх стал утверждать действие для Австрии всех папских распоряжений, регулировать церемонии и литургию, назначать служителей церкви подобно государственным чиновникам. Правда, в период усиления реакции после поражения революции 1848—1849 гг. на основе конкордата 1855 г. права церкви были

значительно расширены, но в 1868 г. конкордат был отменен законом о межрелигиозных отношениях²⁸.

Это была победа либерализма. Влияние церкви было урезано, однако далеко не устранено. Церковь уже как крупный собственник представляла очень серьезную материальную силу, могла влиять на миллионы верующих. Епископы имели много мест в палате господ, курialesная система обеспечивала клерикалам многочисленное представительство в палате депутатов²⁹.

Клерикальные силы Австрии играли активную роль в политической борьбе. Существовало резкое расхождение между высшим духовенством и правительством в вопросе о старокатоликах (которые, правда, в Австрии не имели большого значения), иезуитах, школьных законах. Клерикалы стремились к восстановлению светской власти папы над Римом. Лидеры католического кола (фракция рейхсрата) Штильфрид, Тун и другие на аудиенции у Андраши в январе 1872 г. потребовали содействия этой цели, оставляя за Андраши лишь выбор средств. И только поставленный министром вопрос: «Вы хотите, следовательно, объявления войны Италии?» — заставил католическую делегацию прекратить дальнейший разговор³⁰.

Религиозная оппозиция в Австрии смыкалась с федералистским лагерем. В близкой к правительству австрийской прессе существовало мнение, что из всех форм оппозиции, конституционной, федералистской, клерикальной, последняя самая опасная, ибо служит связью между славянами и австрийскими немцами, аристократией и народом³¹.

Протестант Бейст порой афишировал свои антиклерикальные взгляды, но Андраши, более высоко ценивший значение католицизма как политического фактора, старался по возможности щадить церковь и чувство личной набожности императора, порой выступал с критическими замечаниями по поводу бисмарковского культуркампфа³². В силу этого попытка Бисмарка приобщить Австрию к своей «антиклерикальной» платформе не могла иметь большого успеха. Австрийское правительство не поддержало германские меры против иезуитов, хотя, как стало известно Новикову, Бисмарк искал возможности придать закону об иезуитах приемлемый для Австро-Венгрии характер³³. Австрийское правительство ограничилось лишь мерами, препятствующими иезуитам, укрывшимся в Австрии от преследований германских властей,

создать здесь очаги активной заговорщической деятельности.

В ответ на запрос в бюджетном комитете цислейтанской делегации, сделанный в сентябре 1872 г. Гиксрой, о котором шла молва, что он «больше немец, чем сам Бисмарк», Андраши отстаивал эту линию. Соглашаясь с тем, что дружественные отношения Австрии с Германией обязывают каждую из держав к отказу от использования внутренних трудностей друг друга, он подчеркнул, что либеральные законы, действующие в Австрии в религиозной области, дают Германии достаточные гарантии против иезуитов, но идти дальше и рассчитывать на то, что одно государство ради дружбы к другому примкнет к его внутренним битвам, берлинский кабинет не может в такой же степени, как и венский³⁴.

Таким образом, использование культуркампа в качестве фактора своих внешнеполитических замыслов не принесло Бисмарку заметных результатов.

¹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), отчет МИД за 1871 г., л. 90.

² Миркин А. М. Под знаменем Коммуны: Германская социал-демократия против реакции и милитаризма (1871—1875).— Кишинев, 1971, с. 102—103.

³ Миркин А. М. Указ. соч., с. 103.

⁴ Albers D. Reichstag und Außenpolitik (1871—1879).— Berlin, 1927, S. 38—39.

⁵ Hettinger L. Die außenpolitische Haltung des Zentrums den Jahren 1870 bis 1878.— Berlin, 1935, S. 27, 35.

⁶ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940, т. 11, с. 156.

⁷ Hettinger L. Op. cit., S. 40—41.

⁸ Ibid., S. 35.

⁹ Бисмарк О. Указ. соч., с. 157.

¹⁰ Bainville J. Bismarck.— Paris, 1932, p. 69.

¹¹ АВПР, отчет МИД за 1873 г., л. 54.

¹² Дело, 1871, № 11, с. 51.

¹³ АВПР, канц., 1872, д. 17, л. 470; д. 18, л. 42—43.

¹⁴ Там же, л. 193.

¹⁵ Там же, д. 30, л. 55—56.

¹⁶ Там же, л. 67—69.

¹⁷ Там же, д. 19, л. 505.

¹⁸ АВПР, отчет МИД за 1872 г., л. 109.

¹⁹ АВПР, канц., 1872, д. 30, л. 67—69.

²⁰ АВПР, отчет МИД за 1872 г., л. 109.

²¹ АВПР, канц., 1872, д. 30, л. 46—47. Против последней фразы Александр II пометил «конечно».

²² АВПР, отчет МИД за 1871 г., л. 92.

²³ АВПР, канц., 1872, д. 30, л. 97—98. Пометы Александра II свидетельствуют о его полном согласии с тем, что сказал Горчаков.

²⁴ Неделя, 1873, 4(16) февр.

²⁵ *Bismarck O. Die Gesammelten Werke.*— Berlin, 1930, Bd. 6, S. 34, 51.

²⁶ АВПР, канц., 1872, д. 19, л. 402.

²⁷ Там же, д. 106, л. 307.

²⁸ *Tschuppik K. Francois-Joseph.*— Paris, 1933, p. 248.

²⁹ *Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich (1867—1918).*— Wien, 1949, S. 46.

³⁰ АВПР, канц., 1872, д. 106, л. 41—42. Эти сведения Новиков получил от Андраши.

³¹ Московские ведомости, 1872, 14(26) мая.

³² АВПР, канц., 1872, д. 106, л. 42.

³³ Там же, л. 307.

³⁴ АВПР, канц., 1872, д. 107, л. 9—10.

А. М. Бабков

аспирант

(БГУ им. В. И. Ленина)

ОГРАБЛЕНИЕ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ЛЕСНЫХ БОГАТСТВ БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о грабеже и хищнической эксплуатации германскими империалистами белорусских лесных богатств в годы первой мировой войны является одним из центральных вопросов империалистической политики кайзеровской Германии. Его исследование позволяет установить истинные мотивы ее захватнических планов в отношении Белоруссии, показать попытки превратить Белоруссию в свой сырьевой придаток.

Исследования, проведенные советскими историками, затрагивают только отдельные аспекты данной проблемы, как, например, проникновение немецкого капитала в лесоторговлю и лесопромышленность Белоруссии накануне войны¹. Этому вопросу касаются также авторы общих трудов, посвященных истории Белоруссии².

Об актуальности изучения политики германского империализма по отношению к Белоруссии в годы первой мировой войны свидетельствует состоявшаяся осенью 1979 г. в Йене дискуссия историков ГДР, в которой приняли участие и советские исследователи. Хотя специально грабительскую политику кайзеровской Германии на оккупированной территории Йенский коллоквиум не рассматривал, тем не менее в выступлениях К. Ремера и других историков была дана оценка экономических интересов немецкого монополистического капитала в Бело-

руссии, показана их непосредственная связь с захватнической политикой³.

Лесные богатства Белоруссии издавна были выгодной сферой приложения немецкого капитала. Огромные прибыли германских империалистов обеспечивались не только дешевизной белорусского леса, но и удобным географическим расположением, что снижало транспортные затраты, а также высокой нормой эксплуатации рабочей силы. При таких обстоятельствах Германия превратилась накануне войны в главного потребителя белорусского леса. В 1913 г., например, вывоз лесоматериалов в Германию составил 81 885 тыс. пудов, или 64,5 % всего лесного экспорта Белоруссии за границу. Это более половины всего леса, вывозимого Германией из России⁴. На базе белорусского леса немецкий капитал создал в Восточной Пруссии крупную деревообрабатывающую промышленность.

С началом военных действий на Восточном фронте положение немецкого капитала в белорусской лесопромышленности резко изменилось. В условиях развернувшейся кампании по борьбе с «немецким засильем» началась массовая конфискация леса и лесоматериалов, принадлежавших германским предпринимателям. Особенно большое количество леса, задержанного на территории Белоруссии, принадлежало таким фирмам, как «Кенигсбергская целльштофная фабрика», «Северо-Германское акционерное общество», «Тильзитское целльштофное акционерное общество», «Вольф Эрман»⁵.

Для спасения своего капитала германские предприниматели прибегли к различным средствам. Наиболее широко применялась фиктивная перепродажа леса на имя русских подданных или подданных нейтральных государств. К ложному оформлению своей собственности прибегли, например, крупнейшие лесопромышленники братья Лаутербахи (стоимость их собственности оценивалась в 1,5 млн. руб.), И. Берлович (102 тыс. руб.)⁶, Рихард В. Герман и др.

Вместе с тем директор крупновского концерна А. Гугенберг потребовал в своем меморандуме, датированном 12 марта 1915 г., включить Гродненскую, части Минской и Витебской губерний в «будущую германскую хозяйственную область». Планируя превратить белорусские губернии в «новую Восточную Германию»⁷, этот откровенный аннекционист имел в виду освоение немец-

ким капиталом прежде всего огромных лесных массивов Белоруссии и расширение юнкерских поместий за счет ее земель. Другой пангерманец прусский юнкер Степутат составил план «Ядвигии-Белоруссии», которую видел «германизированной прусской провинцией»⁸.

Такого рода рассуждения находили полную поддержку в правительственных кругах Германии. Как писал В. И. Ленин, жажда наживы не остановила германских империалистов даже «перед полным разорением и удушением целого ряда стран»⁹. Так, летом 1915 г. немецкие войска захватили в короткий срок всю Гродненскую губернию, частично Новогрудский и Пинский уезды Минской губернии. Оккупацию западных областей германский монополистический капитал связывал с надеждами не только возобновить, но и резко увеличить лесоразработки. Повышенный спрос на белорусский лес был вызван непосредственным использованием его оккупационными войсками для строительства военных укреплений, линий связи и других армейских сооружений. Особенно хищнически уничтожались лесные богатства Белоруссии при строительстве и ремонте железнодорожных линий. На железнодорожном транспорте древесина использовалась также в качестве топлива.

Еще более возросла потребность в белорусском лесу в связи с ухудшением обеспечения германских целлюлозных заводов. Об этом говорилось на состоявшемся в начале марта 1916 г. совещании высших оккупационных властей с участием представителей военного министерства Пруссии и других ведомств. На совещание были приглашены лесные специалисты оккупационной администрации. Например, «лесные управления» оккупированной Белоруссии были представлены гродненским лесным инспектором майором Рубахом и руководителем Беловежского лесного управления майором Эшерихом¹⁰. Главное внимание совещание уделило обсуждению тяжелого положения многих целлюлозных заводов Германии, вынужденных остановить работу из-за нехватки елового и соснового леса.

Требования обеспечить лесом целлюлозную, строительную и другие отрасли немецкой промышленности предъявлялись и позже. Оккупационные власти делали все возможное для их удовлетворения. Больше всего германские империалисты рассчитывали на лесные богатства Беловежской пуши, стоимость которых была оце-

нена впоследствии немецкой прессой в 700—800 млн. марок¹¹. Планы эксплуатации этого лесного массива были представлены в различных проектах организатором и руководителем «Военного лесного управления Беловеж» Эшерихом. Особого внимания заслуживает его доклад «О значении Беловежской пуши для немецкого народного хозяйства», подготовленный в августе 1917 г. для высшей оккупационной администрации. Главная идея доклада сводилась к тому, что огромные лесные богатства Беловежской пуши способны обеспечить сырьем немецкую деревообрабатывающую и другие отрасли промышленности. По его расчетам в будущем Германия могла бы ежегодно получать 1—1,5 млн. кубометров древесины¹².

Грабительский характер германских замыслов ярко проявился в беспощадной эксплуатации Беловежской пуши. Так, менее чем за два года оккупации в пуше возникло семь лесопильных и один шпалопропиточный заводы, ряд мелких деревообрабатывающих производств, смолокурных и скипидарных предприятий, в строительство которых было вложено 4 млн. марок¹³.

Для успешной транспортировки лесоматериалов и древесины оккупационные органы развернули строительство железных дорог. К осени 1917 г. были проложены железнодорожные пути, ежедневный грузооборот которых составлял 1500—2000 т¹⁴. Широкий размах получил сплав леса по Неману и его притокам. Одним из приказов начальника штаба Восточного фронта генерала Э. Людендорфа, в ведении которого находился Отдел управления захваченными западными областями России, были созданы специальные «контрольные станции» и «сплавные команды» по транспортировке леса на оккупированной территории. В пределах Гродненской губернии река Неман была разделена на два таких участка¹⁵.

Новый этап в хищнической эксплуатации белорусских лесных ресурсов начинается после немецкой оккупации в феврале 1918 г. центральных и восточных областей Белоруссии. Можно с уверенностью сказать, что лесные богатства и земли явились определяющими факторами интервенции в Белоруссию. Движимые империалистическими интересами магнаты деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности и их покровители из военно-политических кругов значительно активизиро-

вали свои притязания на лесные богатства Белоруссии. В ноябре 1917 г. Союз немецких фабрикантов бумаги и другие объединения бумагопромышленников направили на имя рейхсканцлера специальное письмо, в котором поставили перед правительством задачу овладеть белорусскими и прибалтийскими губерниями. Необходимость аннексий этих областей они мотивировали наличием здесь огромных лесных массивов¹⁶. Дальнейшую разработку получил план полной аннексии Беловежской пуши, которая мыслилась германскими экспансионистами как германское владение. Главнокомандующий Восточным фронтом потребовал от немецкой делегации в Бресте добиться у России отказа «от всех своих прав» на Беловежскую пушу¹⁷. Особенно активно захватнические требования империалистических кругов Германии к западным областям России обсуждались на многочисленных совещаниях ведущих государственных, политических и военных деятелей кайзеровской империи. Как правило, на этих совещаниях вырабатывались германские условия мира с учетом различных политических сил германского империализма. 6—7 декабря 1917 г., например, в берлинской резиденции канцлера состоялось совещание, в работе которого приняли участие члены правительства и Верховного командования немецкой армии. Главное внимание совещание уделило вопросу о будущем Литвы, под которой немецкие власти понимали также белорусские губернии. Ссылаясь на стратегическое значение этих областей и преследуя экономические интересы лесопромышленников и юнкеров, Гинденбург потребовал присоединения Литвы к кайзеровской империи в форме личной унии с Пруссией. Не соглашаясь с требованием более умеренных аннексионистов прикрыть колонизацию литовско-белорусских областей с помощью введения гражданской администрации, кумиры германского милитаризма ссылались на «низкий уровень развития литовцев и белорусов», поэтому-де «военная администрация должна сохраниться на годы»¹⁸.

«Освоение» вновь оккупированной территории Белоруссии немецкие власти начали с грабежа и вывоза в Германию леса и лесоматериалов. Важнейшим инструментом в руках интервентов по хищнической эксплуатации лесных ресурсов явилось специально созданное в мае 1918 г. Минское Окружное Лесное Управление (МОЛУ). В его ведении находились казенные леса бывших Мин-

ской, Виленской и оккупированной части Могилевской губерний общей площадью около 356 000 десятин¹⁹. МОЛУ, согласно положению о нем, было разделено на 4 района, которые соответствовали расположению крупных оккупационных армейских соединений. Тем самым деятельность этой организации ставилась в полную зависимость от действий интервенционистских войск. Для успешного функционирования нового лесного управления к его работе были привлечены бывшие ревизоры, землемеры, лесничие и другие лесные специалисты. Из их состава был образован высший орган МОЛУ — лесной совет, который руководствовался в своей деятельности инструкциями 10-й немецкой армии и ее уполномоченных, так называемых «лесных» офицеров. Определяя функции «лесных» офицеров, армейское командование заявило, что «они должны наблюдать за тем, чтобы деятельность русских лесничих и лесной стражи не шла вразрез с германскими интересами»²⁰.

На МОЛУ была возложена задача организации быстрого перехода от «добычи» имевшихся на оккупированной территории запасов лесных материалов и дров к систематической эксплуатации лесных богатств. Одним из главных направлений в деятельности МОЛУ являлось обеспечение немецкой армии лесоматериалами, а железнодорожного транспорта топливом. В Государственном архиве Минской области сохранилось немало документов, которые свидетельствуют о многочисленных немецких «заказах» МОЛУ на поставки лесоматериалов и топлива. Так, в самом начале деятельности лесного управления германские захватчики поставили перед ним задачу заготовить дрова для Александровской, Либаво-Роменской и Риго-Орловской железных дорог в объеме 120 000 куб. саж., а также около 50 000 куб. саж. для городских нужд оккупантов в Минске и Могилеве²¹. Административный аппарат МОЛУ, состоявший преимущественно из бывших буржуазно-помещичьих специалистов, послушно выполнял волю своих «новых» покровителей. На одном из совещаний лесного совета был утвержден даже проект проведения новых подъездных железнодорожных путей протяженностью в 175 верст²².

Оккупационные власти установили свободную продажу леса немецким лесопромышленным фирмам. Возросшие трудности в обеспечении лесным сырьем, а также выгодные условия «отпуска» леса захватчиками значи-

тельно активизировали деятельность немецких фирм по расхищению лесных ресурсов Белоруссии. Кенигсбергская целлюлозная фабрика, например, закупила 200 000 складочных метров целлюлозного леса, из которых к началу августа 1918 г. было вырублено 40 000 и отчасти вывезено²³. Широкое распространение получила также продажа лесных материалов, заготовленных российскими властями, признанных интервентами военной добычей²⁴.

Эксплуатация и грабеж лесных ресурсов Белоруссии приносили германским империалистам огромные прибыли. Только доходы МОЛУ составили на второе полугодие 1918 г. 4 млн. руб.²⁵ Небезынтересно отметить, что денежные поступления этой организации вносились на счета Восточного торгово-промышленного банка, имевшего свои отделения в Гродно и Минске.

Таким образом, немецкие экспансионисты стремились превратить Белоруссию в дешевый источник сырья для германской экономики.

¹ Тимошенко В. В. Была ли Белоруссия при царизме колонией в экономическом смысле.— История СССР, 1965, № 1, с. 38—50.

² История Беларускай ССР.— Мн., 1972, т. 2, с. 602—604; 1973, т. 3, с. 115—121; Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900—1917).— Мн., 1963, с. 225.

³ Remer G. Belorussland in den Plänen des deutschen Imperialismus; Höhne G. Zur belorussischen Frage in den Jahren 1918/1919 — In: Zur Geschichte der BSSR und der deutsch-belorussischen Beziehungen. Jena, 1981, S. 29—58, 71—77.

⁴ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 225.

⁵ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 9, д. 1774, л. 19.

⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8593, л. 61, 81, 408.

⁷ Petzold J. Zu den Kriegszielen der deutschen Monopolkapitalisten im ersten Weltkrieg.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1960, № 6, S. 1405.

⁸ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918.— Düsseldorf, 1962, S. 352.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 54.

¹⁰ ЦГИА ЛитССР, ф. 641, оп. 1, д. 883^a, л. 105.

¹¹ АВПР, ф. Отдел печати и осведомления, 1916—1917 гг., оп. 477, д. 597, л. 28.

¹² ЦГИА ЛитССР, ф. 641, оп. 1, д. 971, л. 6.

¹³ Там же, л. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, д. 883^a, л. 76—77.

¹⁶ Die Auswirkung der Grossen sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland (Herausgegeben von prof. L. Stern), Bd. 4/II.— Berlin 1955, S. 797—798.

¹⁷ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов (1917—1918).— М., 1968, т. 1, с. 229.

¹⁸ Там же, с. 40.

¹⁹ ГА Минской области, ф. Р-213, оп. 1, д. 24, л. 2.

²⁰ Там же, л. 46.

²¹ Там же, л. 2.

²² Там же, л. 3.

²³ Там же, л. 11.

²⁴ Там же, д. 13, л. 26.

²⁵ Там же, д. 24, л. 45.

И. А. Слижевская

аспирантка
(БГУ им. В. И. Ленина)

ПЛАНЫ ЧЕШСКИХ БУРЖУАЗНЫХ КРУГОВ И ГЕРМАНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война была «порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства...»¹. Она не смогла разрешить существующих противоречий и привела к углублению кризиса империалистической системы, усилила рост национально-освободительной борьбы народов Австро-Венгрии, способствовала разрушению Габсбургской монархии и созданию на ее территории ряда независимых государств, в том числе Чехословацкой Республики.

В начале XX в. собственно чешские земли в составе Австро-Венгрии — Чехия, Моравия, Силезия были ее основным промышленным центром. Этому способствовал ряд исторических, социально-экономических причин и выгодное географическое положение чешских областей, где накануне первой мировой войны добывалось 85 % каменного и бурого угля, производилось 75 % стали и 75—85 % текстиля². По различным источникам, в чешских областях производилось от 60 до 80 % всей промышленной продукции Австро-Венгерской монархии. Значительно увеличился и банковский капитал. К 1914 г. он составил более 60 % от всего банковского капитала, сосредоточенного в Чехии, Моравии и Австрийской Силезии. В этих областях 38,98 % населения было занято в промышленности и ремесленном производстве, 34,9 % — в земледелии³. Главным рынком сбыта для чешской промышленной продукции были аграрные районы Австро-Венгрии. Туда шло до 80 % всей производимой

продукции и только 20% — за пределы Габсбургской империи.

В то же время Австро-Венгрия продолжала оставаться «лоскутным» многонациональным буржуазно-помещичьим государством, в котором из 52 млн. жителей лишь 22 млн. были представители правящих в государстве наций — немцев и венгров. Укрепление экономических позиций чешской буржуазии в системе Австро-Венгерской монархии вызывало беспокойство в австро-немецких правящих кругах. С началом первой мировой войны усилились реакционные тенденции со стороны австрийцев и венгров по отношению к чехам и словакам. В конечном итоге дело кончилось тем, что был распущен чешский сейм, объявлено о введении воинской повинности и установлении военного положения в ряде областей. Но следует отметить, что накануне и в первый период войны чешская буржуазия не ставила вопроса о создании самостоятельного чешского государства: «Отношение чешской буржуазии к Австро-Венгрии определялось теперь уже не столько ее противоречиями с феодально-бюрократической верхушкой монархии, сколько ее конкурентной борьбой с австро-немецкой буржуазией. До тех пор, пока исход этой борьбы складывался в пользу чешской буржуазии, она оставалась одной из главных политических сил, выступавших за сохранение Австро-Венгрии»⁴. Речь шла только о предоставлении чешским областям автономии в рамках монархии. Чешская буржуазия стремилась не только расширить свои позиции, но и оградить экономические интересы от более сильных германских промышленников, сохранить емкий австро-венгерский рынок. Сложилась ситуация, о которой В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» писал: «Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями!»⁵ На этой позиции стояло правое крыло чешской буржуазии — представители младочехов, аграрии, клерикалы.

И только когда ход военных действий показал несостоятельность ориентации буржуазных политиков на Австро-Венгрию, они стали считаться с возможностью соз-

дания чехословацкого государства под протекторатом царской России или одной из западных держав. Так, успехи русских войск на фронте с Австро-Венгрией усилили русофильские настроения среди некоторой части чешской буржуазии. Один из лидеров младочехов К. Крамарж осенью 1914 г. начал переговоры с представителями царского правительства⁶. Цель Крамаржа — создать чешское королевство как часть славянской империи. Другая группа чешской буржуазии, которая придерживалась прозападной ориентации, налаживала контакты с представителями стран Антанты. Для этого в сентябре 1914 г. в Швейцарию выехал один из лидеров государственно-правовой прогрессивной партии — Л. Сыхрава⁷. Осенью 1914 г. связь с державами Антанты установила группа либерально настроенной чешской буржуазии, во главе которой находился лидер Чешской прогрессивной партии Т. Масарик. В конце 1914 г. Т. Масарик покинул Прагу и эмигрировал сначала в Италию, затем во Францию, где в ноябре 1915 г. организовал Комитет действия, переименованный весной 1916 г. в Чешский национальный комитет. К этому времени изменилась и позиция Т. Масарика в вопросе образования чешского государства. Если в предвоенный период он не шел дальше признания необходимости реорганизации Австро-Венгрии, то теперь допускал, что при известных условиях возможно создание самостоятельного чешского государства. Одно из таких условий, по его мнению, — поражение Германии в войне. В то же время Т. Масарик считал, что это может быть «только королевство, возглавляемое, по возможности, одним из западных принцев»⁸.

Чешская социал-демократия не имела своей программы решения национального вопроса. Она не смогла организовать стихийное движение народных масс для активной борьбы с монархическим режимом, для решения вопроса о создании самостоятельного чешского государства на демократической основе, считая, что на данном этапе допустима лишь автономия в руках Габсбургской монархии. Так, в резолюции XI съезда социал-демократической рабочей партии, который состоялся в декабре 1913 г., было записано: «Чехославянская социал-демократическая партия рассматривает... государство как исторически сложившуюся основу своей деятельности»⁹. На XII съезде социал-демократической рабочей партии

(1918 г.) эта резолюция получила свое продолжение: «...малые нации... добьются самостоятельности, но в рамках более крупных, организованных на федеративной основе экономических комплексов»¹⁰. Таким образом, ее политика была «простым буржуазным обманом», каким является «проповедь реформ для решения вопросов, которые историей и действительным политическим положением вещей поставлены революционно»¹¹.

В свою очередь, на всю Австро-Венгрию, в том числе и на чешские земли, претендовал германский империализм, имея намерение превратить всю Европу в свою колонию. «Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя — и вполне справедливо — имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран»¹². Канцлер Германии Бетман-Гольвег в записке государственному секретарю Дельбрюку от 14 сентября 1914 г. «Программа военных целей Германии» писал, что основная цель войны — «расширение Германской империи на Запад и Восток». Для этого он считал необходимым создание средневропейского экономического союза с включением Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Австро-Венгрии, Польши и, возможно, Италии, Швеции, Норвегии. Этот союз без общего конституционного главы при формальном равноправии своих членов, но фактическом немецком руководстве, должен обеспечить экономическое господство над «Срединной Европой»¹³.

Официальная германская политика и идеология националистических кругов Австро-Венгрии опирались на теорию «Срединной Европы», которую разработал Ф. Науман в своей работе «Срединная Европа». Книга вышла в 1915 г. По замыслу автора «Срединная Европа» должна включать территорию от Северного и Балтийского морей до Альп и Адриатического моря, Южной полосы Придунайской долины с населением около 200 млн. чел. Практически вся Европа должна была объединиться под главенством немцев в Европейский союз, именуемый «Срединная Европа». «Над всеми германскими подданными не немецкого, французского, датского и польского происхождения... и над немцами, чехами, словаками, поляками и югославянами Австрии должно быть поставлено как общий знаменатель понятие „Срединная Европа“»¹⁴. Включенные в этот европейский союз государства будут лишены государственной

самостоятельности и займутся лишь своими внутренними проблемами. «Невозможность образования мелких государственных образований очевидна», но «это не означает, что они прекратят свои споры. Они будут рассматривать их как вопросы внутренней, а не внешней политики, и поймут, что чешское войско... или мадьярское министерство иностранных дел, или славянская экономическая политика принадлежат к числу неосуществимых вещей»¹⁵.

Наумановская идея нашла широкий отклик и у лидеров чешской социал-демократической партии. Так, 9 января 1916 г. на конференции представителей Германской и Австрийской социал-демократии, парламентских фракций и профсоюзных лидеров рассматривался вопрос о «Срединной Европе». Один из лидеров партии социал-шовинист Карл Реннер говорил о том, что «концентрация группы государств укажет нам путь в будущее, который поможет посредством организационных мер достигнуть мирового экономического содружества», при этом К. Реннер утверждал, что этот «Европейский Союз» будет «Союзом равных»¹⁶. Таким образом, представители национальной буржуазии и лидеры социал-демократических чешских партий пытались обеспечить себе руководство национально-освободительным движением, используя в этих целях националистические лозунги, а выходило так, что «буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации *за спиной и против* своего народа»¹⁷.

При рассмотрении экспансионистских планов германского империализма необходимо учитывать, что все они разрабатывались с учетом интересов прусского милитаризма, определенных промышленных кругов и представителей финансового капитала. Исходили из того, что в случае войны Германия может быть отрезана от своих колониальных владений и подвергнута экономической блокаде. Отсюда стремление к созданию в Европе широкого политического и экономического союза под немецким руководством. Это сделало бы Германию ведущей мировой державой. Другой аспект этой проблемы раскрыл германский экономист Ф. Фрид: «Раздел мира завершался... если Япония и Италия успели... включиться в этот процесс, то Германия, единственная из великих западных держав, оставшаяся вне этого процесса и не по-

лучившая ни колониальных владений, ни колониальных сфер влияния, вышла из этого процесса с пустыми руками; ей не осталось ничего другого, как вновь обратиться к своей естественной сфере влияния и жизненному пространству в Центральной и Восточной Европе»¹⁸. Эту точку зрения развивает председатель Всегерманского союза профессор Е. Гасс, который еще в начале войны высказал мысль о необходимости проведения Германией интенсивной мировой и колониальной политики. Он отметил, что Германия должна опираться на успешную «колониальную политику в Европе» и что «лучшие колонии, которые может завоевать Германия, находятся в Европе на границах немецкого рейха»¹⁹.

Чешские земли, которые находились на границе германского рейха, должны были в числе первых стать «лучшими» колониями. Большая роль в планах колонизации чешских земель отводилась немецким националистическим кругам в самих чешских землях. Там насчитывалось около 150—200 тыс. членов основных немецких организаций. Крупнейшими из них были: Немецкий шумавский союз «*Deutscher Böhmerbund*» в Чешских Будеевицах, насчитывавший в 1914 г. около 40 тыс. членов; Союз немцев Северной Моравии «*Bund der Deutschen Nordmährens*», основанный в 1886 г. и насчитывавший в 1914 г. около 60 тыс. членов; союз немцев Восточной Чехии «*Bund der Deutschen Ostböhmen*», действовавший на территории Восточной Чехии и насчитывавший более 5 тыс. членов²⁰. Немецкие националистические круги рассчитывали, что война приведет к консолидации всех националистических сил в Габсбургской монархии. Так, на совещании 12 января 1915 г. представителей Немецкого национального союза и других националистических союзов и групп, состоявшемся в Вене, говорилось о «координации действий всех националистических кругов в целях „возрождения“ Австрии», что «настал момент, когда немцы должны усилить свои позиции в Австрии, введя немецкий язык в качестве общеобязательного языка, а ослабить позиции чехов»²¹.

Таким образом, политика чешских буржуазных партий накануне и в начальный период первой мировой войны отличалась «пассивным» сопротивлением правящим австро-немецким кругам. Оппортунистическая позиция лидеров чешской и австрийской социал-демократической партий, таких как К. Майснер, К. Ренне, О. Бауэр, от-

крыто ставших на защиту великогерманского национализма, вела к соглашательству с чешскими и немецкими буржуазными партиями, ослабляла рабочие организации перед угрозой германской экспансии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 185.

² Мельникова И. Н. Экономическое развитие Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма. 1924—1929 гг.— Ученые записки Института славяноведения, 1958, т. 16, с. 5; Шмераль Я. Б. Образование Чехословацкой Республики в 1918 г.— М., 1967, с. 15—16.

³ Клеванский А. Х. К экономическому положению в Чехословакии в годы революционного подъема (1918—1921 гг.).— Ученые записки Института славяноведения, 1957, т. 15, с. 272.

⁴ Шмераль Я. Б. Указ. соч., с. 30—31.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

⁶ Ceska otázka v buržoazní politice na počátky první světové imperialistické války.— Československý časopis historie. Roč. VII, 1959, N 4, s. 627.

⁷ Ibid, s. 633.

⁸ Ibid, s. 635.

⁹ Шмераль Я. Б. Указ. соч., с. 42.

¹⁰ Там же, с. 44.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 285.

¹² Там же, т. 30, с. 185.

¹³ Deutschland und Tschechoslowakei. Dokumente über Deutsche Politik.— Praha 1965, s. 43.

¹⁴ Натович Ф. И. Разгром и капитуляция Германии в 1918 г.— Исторический журнал, 1944, № 4, с. 64.

¹⁵ Адамов Е. Жизненное пространство Германского рейха.— Исторический журнал, 1942, № 5, с. 85.

¹⁶ Рубинштейн Е. И. Крушение Австро-Венгерской монархии.— М.— Л., 1947, с. 68.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 113.

¹⁸ Новак З. Экономические основы империалистической экспансии Германии в Восточной Европе.— В кн.: Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. М., 1965, с. 205.

¹⁹ Cesar J., Černý B. Politika německých buržoazních stran v Československu v letech 1918—1938. Díl. I. (1918—1929), s. 42.

²⁰ Gajan K. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918—1921.— Praha, 1962, s. 17—18.

²¹ Рубинштейн Е. И. Указ. соч., с. 65.

Е. А. Бровкин
аспирант
(БГУ им. В. И. Ленина)

ПАКТ КЕЛЛОГА И ПОЛЬША

В конце 1927 г. (28 декабря) американская администрация выдвинула идею заключения многостороннего пакта. Он предусматривал отказ от войны как средства национальной (государственной) политики и решение всех конфликтов, которые могут возникнуть между участниками договора, исключительно мирными средствами.

Пакт Келлога должен был служить важной ступенью в стремлении США к мировой гегемонии, так как он связал бы привлеченные к нему страны определенными политическими обязательствами и явился бы основой новой международной политической организации в противовес Лиге Наций, где руководящую роль играли Англия и Франция; орудием изоляции и борьбы против СССР, которого не собирались приглашать к подписанию пакта.

Стремясь подкрепить планировавшийся политический альянс более тесной экономической зависимостью, США еще до подписания пакта заключили двусторонние договоры об арбитраже и о согласительной процедуре в экономических вопросах с рядом государств, в том числе и с Польшей (16 августа 1928 г. в Вашингтоне ¹).

Госсекретарь США Фрэнк Б. Келлог предполагал, что договор будет подписан представителями шести великих держав — США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Японии — и соответственно ратифицирован, после чего к нему присоединятся другие государства.

Это вызвало недовольство Варшавы. Американский посланник в Польше Стетсон 14 мая 1928 г. сообщил в Вашингтон, что польское правительство выражает сожаление по поводу невключения Польши в число государств-учредителей и надеется, что Польша и Чехословакия как государства, подписавшие Локарнские соглашения, будут в числе первых приглашены к подписанию договора. Польское требование было поддержано Францией, во внешней политике которой Польша играла в это время существенную роль ².

В польском обращении в Вашингтон напоминалось, что Польша ранее сама выдвигала в Лиге Наций (24 сентября 1927 г. ³ — Е. Б.) предложение, подобное американскому, подчеркивалось ее важное географиче-

ское положение, обуславливающее необходимость участия в любом плане умиротворения Европы; фигурировала ссылка на недопустимость исключения Польши из числа учредителей пакта, тогда как Германия включалась в это число. Поляки не упустили случая заявить, что отсутствие Польши среди участников пакта (а участником пакта, как это подразумевалось, Польша без ущерба для своего престижа могла стать только через участие в его учреждении) поставило бы в двусмысленное положение Францию, имевшую союзный договор с Польшей. Франции пришлось бы, несмотря на пакт, связывающий ее с Германией, оказать помощь Польше в случае германо-польского конфликта ⁴.

Келлог 15 мая дал согласие на приглашение Польши к участию в пакте в числе первых. Уже 11 июня в Вашингтон была передана польская нота, в которой выражалась готовность подписать антивоенный пакт в интерпретации Келлога с оговоркой, что это не освобождает подписавших от прав и обязанностей, налагаемых на них прежними договорами (повторение французских оговорок. — *Е. Б.*), и сохраняет за ними свободу действий по отношению к тем государствам, которые нарушат условия пакта. Стетсон 18 июля передал в Вашингтон копию текста ноты МИД Польши с официальным согласием подписать пакт Келлога ⁵. 27 августа 1928 г. пакт был подписан.

Следует отметить, что польская печать поначалу весьма скептически отнеслась к американской инициативе. «Курьер Польски» назвал проект блефом, «Глос Правды» — наивным и лишенным практического смысла ⁶. Скептически к нему отнеслись и дипломаты, а диктатор Пилсудский высказал свое мнение кратко и столь выразительно, что в своих мемуарах бывший заместитель министра иностранных дел А. Высоцкий не считал возможным привести его дословно ⁷.

Современные польские исследователи, например Р. Война, делают вывод, что в Польше не переоценивали значения пакта Келлога и что Польша подписала его «скорее чтобы продемонстрировать мирную тенденцию, чем в надежде на его эффективность» ⁸. Однако у польских правящих кругов были серьезные причины добиваться включения Польши в число стран-учредителей.

Главной из них было стремление стабилизировать положение на германо-польской границе и ослабить напря-

женность в отношениях с Германией. Польша опасалась возможного нападения со стороны Германии в случае исключения из числа стран—инициаторов пакта, так как Германия не была бы связана никакими обязательствами по отношению к ней. В это время агрессивные круги Германии развернули очередную антипольскую кампанию, в которой пропагандировалась мысль, что Польша является «сезонным государством»⁹.

Как известно, Локарнские соглашения 1925 г. гарантировали франко-германскую и бельгийско-германскую границы, оставляя вопрос о восточных границах Германии открытым. Попыткой осуществить своего рода «восточное Локарно» была пресловутая польская инициатива в Лиге Наций. В этих же целях Польша пыталась использовать и свое участие в пакте Келлога. В Варшаве считали, что этот пакт, содержащий фактическое признание существующих границ, будет полезен также для закрепления за Польшей аннексированных литовских территорий, в том числе Вильнюса.

Наконец, присоединением к пакту Польша старалась как бы продемонстрировать свои «симпатии» к США, надеясь таким образом ускорить получение нового американского займа для стабилизации золотого и экономики в целом, так как приток иностранного капитала в Польшу прекратился, а запас иностранной валюты Польского банка в течение второй декады июля 1928 г. уменьшился на 5 млн. злотых¹⁰.

Между тем позиции иностранного капитала в экономике буржуазно-помещичьей Польши были сильны, а зависимость аграрно-индустриальной экономики межвоенной Польши от иностранных займов и кредитов была огромна.

Не последнее место занимал американский капитал, позиции которого были особенно значительны в горнодобывающей, металлургической и нефтяной промышленности. Так, группа известного миллиардера В. А. Гарримана являлась фактически крупнейшим производителем цинка, контролируя впридачу к 1930 г. 20 % добычи угля, 40 % производства чугуна и около половины выплавки стали в стране¹¹. Но особенно важны были позиции американского капитала в финансовой сфере, сфере внешних долгов польского государства. Из 400 млн. дол. иностранных займов и кредитов, полученных Польшей с 1918 до конца 1927 г., 275 млн. дол. она была должна США¹².

Следовательно, финансово-экономическая зависимость от американского капитала была важным стимулом присоединения Польши к пакту Келлога.

Польские реакционные круги рассчитывали использовать пакт (если СССР останется вне его) и для своей антисоветской деятельности. Не зря польское правительство, обосновывая свое желание участвовать в подписании пакта Келлога, намекало на важное стратегическое положение Польши, подыгрывая организаторам нового политического альянса.

Не желая связывать себя какими-либо гарантийными обязательствами по отношению к СССР и продолжая политику антисоветского курса крупнейших империалистических держав, польская дипломатия предприняла конкретные шаги к изоляции СССР от участия в пакте Келлога.

16 августа 1928 г., вскоре после появления в печати интервью наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, разоблачившего антисоветские замыслы авторов пакта Келлога, министр иностранных дел А. Залесский направил польским дипломатическим представителям в Риме, Лондоне и Вашингтоне телеграммы сходного содержания. Вот текст телеграммы, полученной Пшездецким в Риме: «Прошу подсказать Муссолини, напомнив последние постановления Коминтерна, что следовало бы поставить присоединение Советов к пакту Келлога в зависимость от отказа от поддержки революционных переворотов в других странах, поскольку такая поддержка несомненно должна рассматриваться как род агрессии. Прошу начать осторожную и тактичную работу в этом направлении (дословно: «в этом духе». — Е. Б.)»¹³. В беседе с польским посланником министр иностранных дел Италии Гранди и полномочный министр Росо согласились с мнением Залесского, но усмотрели трудность в соответствующей формулировке, которая не давала бы оснований понять, что это относится исключительно к СССР.

Польский посланник в Лондоне, ссылаясь на революционную деятельность Коминтерна, пытался воздействовать на английскую прессу и правительство в духе полученных инструкций. Но английское руководство заняло пассивную позицию¹⁴. Польская «инициатива» провалилась, так как предложение имело слишком очевидную антисоветскую направленность. Польское агентство ПАТ

вынуждено было опровергнуть слухи о демарше польских дипломатов в Лондоне ¹⁵.

СССР присоединился к пакту Келлога, несмотря на все маневры западной дипломатии, и первым ратифицировал его. Западные державы не торопились с ратификацией пакта. Похоже было, что империалисты «похоронят» его, не введя в действие, так как он налагал определенные обязательства неприменения войны в международных отношениях.

В этих условиях 29 декабря 1928 г. заместитель наркома по иностранным делам М. Литвинов обратился со специальной нотой к польскому и литовскому правительствам, как присоединившимся к пакту Келлога, с предложением о немедленном введении его вместе с СССР в действие.

Английские и французские правящие круги и пресса крайне отрицательно отнеслись к советскому предложению, опасаясь, что это стимулирует скорейшее введение пакта в действие ¹⁶. Опасения были не напрасны. 17 января 1929 г. президент США Кулидж ратифицировал пакт Келлога ¹⁷. Отношение США к советской инициативе было двойственным. Польский посланник в Вашингтоне Цехановский в ходе бесед в госдепартаменте понял, что США стремились удержать Польшу от немедленного присоединения к советскому предложению, но хотели сделать это таким образом, чтобы польская сторона не могла официально сослаться на американское запрещение ¹⁸.

Однако существовал ряд причин, по которым Польша не могла отказаться от советского предложения: 1) отказ разоблачил бы антисоветскую направленность ее внешней политики; 2) согласие стимулировало бы торговые переговоры с СССР и увеличение товарообмена, в чем польская сторона была чрезвычайно заинтересована. Московский протокол, подчеркнув мирную направленность польско-советских отношений, должен был успокоить американских капиталистов, опасавшихся за свои вклады в Польшу в случае польско-советского военного конфликта, и обеспечить получение нового денежного займа и кредитов из США, куда с этой целью отправился финансовый советник польского правительства американец Дьюи ¹⁹. Газета «Чикаго дэйли ньюс» высказала мнение, что Московский протокол наверняка создаст более благоприятные условия для помещения американского капитала в странах Восточной Европы ²⁰. Нельзя было

также упускать возможность использования Московского протокола как «восточного Локарно». Не случайно во время переговоров о протоколе германская пресса высказывала мнение, что Польша, вероятно, предложит Германии присоединиться к соглашению ²¹.

Польша включилась в дипломатические переговоры. В ответной ноте Советскому правительству от 10 января 1929 г. польское руководство предложило включить в число участников подготавливавшегося договора Румынию и прибалтийские государства ²². Польская дипломатия стремилась в лице Румынии приобрести союзника во время переговоров и укрепить польско-румынский союз, а следовательно, связи Польши с Малой Антантой, за что особенно ратовала Франция. С другой стороны, в Варшаве надеялись, что Румыния откажется от переговоров с СССР ввиду конфликта из-за Бессарабии и это позволит их затянуть или сорвать. Однако румынское правительство предпочло подписание протокола, полагая использовать его для закрепления аннексии Бессарабии ²³.

Требование, чтобы протокол одновременно был подписан и прибалтийскими странами, включая Финляндию, давало возможность затянуть переговоры, поскольку Латвия и Эстония еще не подписали пакта Келлога. С другой стороны, это была попытка создания антисоветского фронта Польша — Румыния — Прибалтика в рамках будущего Московского договора ²⁴.

Советское правительство отметило, что прибалтийские государства могут подписать Московский протокол совместно с СССР и Польшей или же присоединиться к соглашению позже ²⁵. Замыслы польской дипломатии были сорваны. Финляндия и Литва отказались от совместного подписания. Эстония дала свое согласие лишь за сутки, а Латвию полякам пришлось задобрить концессией на ввоз угля ²⁶.

9 февраля 1929 г. представители СССР, Польши, Румынии, Латвии и Эстонии подписали в Москве протокол о немедленном введении пакта Келлога в действие между этими государствами. Вскоре к нему присоединились Литва, Турция и Иран. Протокол сыграл роль договора о ненападении между подписавшими и ускорил введение в действие самого пакта Келлога.

Таким образом, буржуазно-помещичья Польша активно поддержала крупнейшее дипломатическое выступле-

ние США в межвоенный период. Она стремилась не только участвовать в новом антисоветском блоке под эгидой рвавшихся к мировому лидерству США, но сколотить и возглавить альянс подобного типа в Восточной Европе, преследуя свои империалистические цели в ходе дипломатических переговоров вокруг пакта Келлога и Московского протокола.

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1928, v. 3.— Washington, 1943, p. 751—766.

² Papers..., v. 1, 1942, p. 33, 63—64.

³ Survey of American Foreign Relations 1929.— New Haven, 1929, p. 389.

⁴ Papers..., v. 1, p. 64.

⁵ Ibid., p. 64—65, 33, 83, 118.

⁶ Известия, 1928, 21 апр.

⁷ Wysocki A. Tajemnice dyplomatycznego sejfu.— Warszawa, 1974, s. 64.

⁸ Wojna R. Polska a ZSSR między wojnami (1918—1939).— W zb.: Przyjaźnie i antagonizmy. Stosunki Polski z państwami sąsiednimi w latach 1918—1939. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1977, s. 37.

⁹ Климовский Д. С. Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений.— Мн., 1975, с. 91—92.

¹⁰ Известия, 1928, 27 июля, 1 авг.

¹¹ Гросфельд Л. Государство досентябрьской Польши на службе монополий (1918—1939).— М., 1953, с. 5, 92, 93, 98, 99.

¹² Fisher H. H. America and the New Poland.— New York, 1928, p. 342.

¹³ Sierpowski St. Stosunki polsko-włoskie w latach 1918—1940.— Warszawa, 1975, s. 276.

¹⁴ Известия, 1928, 23 авг.; Лопатнюк С. Московский протокол 9 февраля 1929 года.— Советское славяноведение, 1969, № 1, с. 15.

¹⁵ Известия, 1928, 26 авг.

¹⁶ Там же, 1929, 18, 26 янв.

¹⁷ Там же, 31 янв.

¹⁸ Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза (1928—1932).— М., 1968, с. 47.

¹⁹ Лопатнюк С. Указ. соч., с. 17; Laroche I. Polska lat 1926—1935.— Warszawa, 1966, s. 63, 67.

²⁰ Известия, 1929, 10 февр.

²¹ Там же, 13 февр.

²² Документы и материалы по истории советско-польских отношений.— М., 1969, т. V, с. 336.

²³ Bulhak H. Polska a Rumunia 1918—1939.— W zb.: Przyjaźnie i antagonizmy..., s. 325.

²⁴ Известия, 1929, 31 янв., 1 февр.

²⁵ Там же, 3 февр.

²⁶ Там же, 13 февр.

И. М. Харитонович

аспирантка
(БГУ им. В. И. Ленина)

**БУРЖУАЗНАЯ ПОЛЬША
В АНТИСОВЕТСКИХ ПЛАНАХ АНГЛИИ
(1924—1927 гг.)**

Характерной чертой внешней политики Англии в межвоенный период являлась ее антисоветская направленность. Использовались методы экономической и финансовой блокады СССР, принимались меры для его политической изоляции в Европе (создание Локарнской системы), поощрялось формирование военного блока из сопредельных с СССР стран для нового антисоветского выступления. В этих планах британские политики отводили буржуазной Польше особое место.

Боясь революционного влияния преобразований, происходивших на Востоке, польские эксплуататорские классы охотно вступали в союз с западными державами, направленный против Страны Советов. Лидер партии зажиточных крестьян «Пяст» В. Витос, возглавивший в 1923 г. правительство Польши, заявил, что Польша, как и прежде, является оборонительным валом, предохраняющим Европу от коммунизма. Это полностью соответствовало желаниям Англии, где с приходом к власти консерваторов в 1923 г. «враждебность по отношению к СССР»¹ в правительственных кругах непрерывно возрастала. Даже когда в 1924 г. Англия официально признала СССР, глава тогдашнего лейбористского правительства Макдональд проявил такую же последовательность «в своей вражде к Советскому Союзу... коммунизму... как и консерваторы»².

Однако в это время в британских планах все большее значение приобретала ставка не на Польшу, а на Германию. Политический климат в Лондоне становился менее благоприятным для польских политиков. К тому же Франция, чтобы выйти из затруднительного положения, вызванного угрозой англо-германского сговора, готова была идти на уступки Англии и Германии за счет своих союзников, в том числе и Польши. В поисках выхода из наметившейся внешнеполитической изоляции польское правительство решилось на переговоры и улучшение отношений с СССР. Прежде всего это коснулось экономи-

ческой сферы, а затем затронуло и сферу политики³. Весьма доброжелательный отклик в политических и общественных кругах Польши вызвал официальный визит в Варшаву народного комиссара иностранных дел Чичерина в сентябре 1925 г.⁴ Все это не могло не вызвать беспокойства в Лондоне.

Исход Локарнской конференции (сентябрь 1925 г.), на которой была выработана система соглашений, способствующих росту английского влияния на дела капиталистической Европы и ослаблению позиций Франции — союзника Польши, заставил правящие круги Варшавы осуществить известную переориентацию на Англию.

В ноябре 1925 г. франкофильски настроенный кабинет Грабского уходит в отставку. Новое коалиционное правительство Польши возглавил бывший министр иностранных дел А. Скиншинский — один из сторонников Локарно и сотрудничества с Англией. «Я доволен, — оценивал он результаты Локарнской конференции, — теснее стали наши отношения с Англией»⁵.

Однако британские правящие круги были недовольны тем, что правительство Скиншинского и сменившее его правительство Витоса не придерживались достаточно твердого курса в отношении Советского Союза. Поэтому они приветствовали произошедший в Варшаве государственный переворот 12 мая 1926 г., передавший власть в руки маршала Пилсудского. Пилсудский привлекал Великобританию как завязанный враг СССР и как политик, готовый идти на улучшение отношений с Германией. Это вполне соответствовало духу локарнских замыслов Англии. Польский посол в Лондоне К. Скирмунт писал: «Переворот маршала Пилсудского был с удовлетворением встречен англичанами и полностью соответствовал их намерениям. Репутация непримиримого противника Советов делала маршала особенно ценным для тех, кто считал Советы главной из всех трудностей в Европе»⁶.

В политических и общественных кругах Европы многие не сомневались в причастности английского правительства к подготовке переворота Пилсудского. Корреспондент «Таймс» писал из Варшавы: «Широкие круги польской интеллигенции... уверены, что за переворотом Пилсудского стоит британское правительство, что он был финансируван британскими деньгами через посредничество английского посла в Варшаве... Существует

глубокая уверенность, что целью этой акции было укрепление Польши против политики России и привлечение ее к участию в так называемом объединенном антибольшевистском фронте»⁷. Газета «Фоссише Цайтунг», располагавшая информацией из министерства иностранных дел Германии, сообщала: «Говорят, что влияние Англии во время переворота было значительным. Английское посольство в Варшаве всегда считало Пилсудского сильной личностью... Эту репутацию Пилсудский приобрел благодаря эффективной борьбе против России... Можно понять, что Англия могла приложить свою руку в этой игре»⁸. Возможность связи Пилсудского с Лондоном подтверждал и французский еженедельник «Ревю де Мوند»⁹. «Курьер Познаньски» писал, что «английское правительство, в частности, министр Чемберлен, давно знали планы Пилсудского. О них говорилось уже во время визита Скшиньского в Лондон, а частые визиты английского посла в Варшаве... к Пилсудскому были известны всем»¹⁰.

Эти визиты приобретали особенно знаменательный смысл, если учесть, что английские дипломаты крайне редко поддерживали связи с оппозиционными деятелями. В мемуарах польского дипломата К. Моравского содержится любопытное признание о том, что британское министерство иностранных дел за 2 недели до переворота направило в свое посольство в Варшаве депешу, в которой одобрялась оппозиция Пилсудского и переход в его руки власти¹¹.

В сообщении Амстердамского бюро печати, опубликованном в 1926 г., утверждалось, что Англия оказала Пилсудскому помощь, рассчитывая на его действия против СССР. Особое внимание обращалось на то, что враждебная СССР кампания, начатая польской прессой сразу же после переворота, питалась материалами, которыми Пилсудский снабжался из Лондона.

В августе 1926 г. в английском военном министерстве состоялось совещание о состоянии авиации в государствах, граничащих с СССР. Были одобрены меры, принимавшиеся Пилсудским для развития польского воздушного флота, которые он хотел осуществить с помощью англичан. Совещание признало, что в прямых интересах британского военного ведомства оказать полное содействие польским начинаниям.

Со второй половины 1926 г. расширяется внедрение

английского капитала в польскую экономику. 40 % акций Польского банка попало в руки английских финансистов. Английский банк предоставил Польше заем в 1 млн. ф. ст. под залог золотого запаса¹². В «благодарность» правительство Пилсудского провело маневры польских войск на восточной границе в присутствии английских военных атташе.

После разрыва в мае 1927 г. дипломатических отношений Англии с СССР английские правящие круги встали на путь провоцирования конфликтных ситуаций между СССР и его соседями. «В Европе вновь подняла голову реакция и О. Чемберлен считается лидером всей международной реакции», — писал один из английских историков¹³. Советское правительство отмечало, что враждебные действия Англии и особенно разрыв отношений с СССР активизировали всякого рода темные силы, которые, «спекулируя на напряженности международной обстановки, делают величайшие усилия, чтобы помочь воинствующему империализму спровоцировать осложнения между СССР и другими государствами»¹⁴.

Особое значение в тот период в Лондоне придавалось Польше. Одной из крупнейших антисоветских провокаций в Польше было убийство в июне 1927 г. советского полпреда П. Л. Войкова, которое должно было содействовать развязыванию польско-советской войны. В резолюции XV съезда ВКП(б) констатировалась прямая ответственность лондонского кабинета министров за убийство советского дипломата: «Под руководством консервативного лондонского кабинета реакционные элементы международной буржуазии начали подготавливать почву для вооруженного нападения на СССР, окутав его целым клубком провокаций»¹⁵.

Английская пресса подчеркивала, что убийство советского посла имело целью заставить «Польшу... напасть на Россию»¹⁶, любым способом втянуть страны в конфликт друг с другом. Орган лейбористской партии газета «Дейли Геральд» писала: «Отношения между Варшавой и Москвой постепенно улучшались. Для тех, кто надеялся, что англо-русский конфликт приведет к объединенным действиям против СССР, крайне необходимо было уничтожить эти хорошие отношения и вновь зажечь войну между двумя странами»¹⁷. Выразитель мнения министерства иностранных дел Англии журнал «Форин Аффферс» в те дни открыто заявлял, что Англия окажет

Польше материальную поддержку в войне против России¹⁸. Одновременно с попытками развязать войну между Польшей и Советской страной Англия пыталась организовать и финансовую блокаду СССР. Инициатором ее проведения явился Черчилль, предложивший создать международный союз кредиторов для предъявления СССР ряда требований. Предлагалось, что в этот союз наряду с Англией и Францией войдет и Польша, но рабочий класс Англии был против войны. «Война против России,— говорилось в обращении коммунистической молодежи Англии,— готовится компанией Болдуин — Черчилль — Чемберлен. Английское золото поддерживает разбухшие армии малых государств, расположенных у границ России... Боритесь против опасности войны сейчас!.. Руки прочь от России!»¹⁹

Движение трудящихся за улучшение отношений с СССР развернулось и в Польше. Это, и, главным образом, последовательно миролюбивая политика Советского Союза, позволило предотвратить войну. Между СССР и Польшей возобновились переговоры о заключении договора о ненападении. Оставалось два вопроса: арбитраж и пакт о ненападении между СССР и прибалтийскими государствами, что польская сторона ставила в качестве условия для подписания с СССР пакта о ненападении²⁰. 22 октября 1927 г. между Патеком, польским послом в Москве, и Чичериным состоялось обсуждение вопроса об участии прибалтийских государств в пакте о ненападении. Излагая ход беседы, Патек писал: «Несмотря на споры... чувствовалось, что Чичерин очень хотел сохранить с нами хорошие отношения и опасался неблагоприятного для СССР давления на нас не только со стороны Англии, но и Франции»²¹. Опасения Чичерина были не напрасны. В конце 1927 г. Англия вновь пытается обострить отношения между СССР и Польшей, используя для этого вспыхнувший польско-литовский конфликт. В июле 1928 г., нагнетая напряженность в районе Балтийского моря, эскадра английских кораблей посетила порты Ригу, Гельсингфорс, Ревель, Мемель и Гданьск.

Попытки Англии ухудшить отношения СССР и Польши встречали активное противодействие Советского Союза, неуклонно проводящего ленинский курс на мирное сосуществование между государствами с различным социальным строем. Ярким проявлением миролюбивых

устремлений советского государства явилось подписание 9 февраля 1929 г. в Москве протокола о досрочном введении в жизнь пакта Бриана — Келлога между Эстонией, Латвией, Румынией, Польшей и Советским Союзом²². Подписание протокола способствовало ослаблению напряженности между Москвой и Варшавой. 25 июля 1932 г. был подписан пакт о ненападении между Польшей и Советским Союзом²³, который печать оценивала как «инструмент мира на Востоке»²⁴. Газеты подчеркивали, что с момента подписания пакта появились определенные миролюбивые черты в польско-советских отношениях²⁵.

Улучшение на основе пакта о ненападении польско-советских отношений было серьезной победой дела мира и безопасности в Европе.

¹ Coates W. P. and Coates Z. K. A History of Anglo-Soviet Relations.— London, 1943, v. I, p. 102.

² Lyman R. W. The first labour Government.— L., 1957, p. 185.

³ Внешняя торговля СССР за 1918—1939 гг.— М., 1960, с. 26.

⁴ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich, t. 4.— Warszawa, 1965, s. 448—450.

⁵ Kurier Warszawski, 1925, 20.X.

⁶ Iaszuński. Z polityki — niedostateczne (1919—1938).— Warszawa, 1967, s. 350.

⁷ The Times, 28.V.1926.

⁸ Iaszuński. Op. cit., s. 349.

⁹ Ibid.

¹⁰ Kurier Poznański, 19.V.1926.

¹¹ Iaszuński. Op. cit., s. 349.

¹² Kostrowicka. Historia gospodarcza Polski XIX; XX wieku.— Warszawa, 1975, s. 313.

¹³ Steed W. The Real Stanley Baldwin.— London, 1930, p. 128.

¹⁴ Внешняя политика СССР.— М., 1945, т. 3, с. 145.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1970, т. 4, с. 15.

¹⁶ Economist, 1927, N 4371, p. 1175.

¹⁷ Daily Herald, 9.VI.1927.

¹⁸ Foreign Affairs, 1927, v. IX, N 1, p. 20.

¹⁹ Международная солидарность трудящихся: Сб. документов.— М., 1959, с. 183—185.

²⁰ Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925—1934.— Warszawa, 1976, s. 176—177.

²¹ Zopatnik S. Polsko-radzieckie rokowania (1925—1932): Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały.— Warszawa, 1965, s. 75.

²² Документы внешней политики СССР.— М., 1967, т. 12, с. 68—70.

²³ Dokumenty i materiały..., т. 5, s. 592—595.

²⁴ Kurier Poranny, 26.VII.1932.

²⁵ Gazeta Polska, 27.VII.1932; Robotnik, 27.VII.1932.

Г. Г. Лазько

канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

ПОЛЬСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ЗАЙМЕ 1936 г.

К середине предвоенного десятилетия глубокий экономический кризис в Польше сменился затяжной депрессией. Объем промышленного производства к началу 1935 г. составлял лишь 63 % от уровня 1929 г. Тяжелое положение в области финансов, огромный бюджетный дефицит крайне осложняли изыскание внутренних резервов для оживления экономики и смягчения чрезвычайной острой проблемы безработицы. На этой почве в середине 30-х гг. разгорались социальные конфликты, потрясавшие устои режима «санации».

В это же время осложнявшаяся обстановка в Европе обострила вопрос о модернизации польской военной промышленности. Находившиеся в стадии разработки планы стратегического строительства и перевооружения армии были связаны с иностранными источниками финансирования¹. В области внешней политики военная и финансовая слабость режима, социально-экономическая обстановка в стране ограничивали возможность проведения курса, в основе которого лежала тактика лавирования между великими державами и стремление к равноправному партнерству с Германией на антисоветской платформе. Все это выдвигало проблему получения внешнего займа в число важнейших вопросов внутренней и внешней политики «санации» и ставило ее в центр внутривнутриполитической борьбы. Поэтому исследование вопроса о польском займе 1936 г. позволит глубже изучить ключевые проблемы внешней политики Польши накануне второй мировой войны*.

Польскому правительству еще в конце 1935 г. удалось получить на текущие нужды 50 млн. фр. от Французского банка и 150 млн. из других источников. По словам заместителя министра финансов А. Коца, этой суммы было достаточно для стабилизации злотого «в течение нескольких месяцев»². Но это не могло принести даже крат-

* В польской историографии этот вопрос рассматривается в работах: Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy (1921—1939).— Warszawa, 1971; Ostrowski K. Polityka finansowa Polski przedwrzesniowej.— Warszawa, 1956; Stawecki P. Pozycka francuska z 1936 roku.— In: Kwartalnik historyczny, 1967, N 1.

ковременного облегчения в связи с тем, что страну в первые недели после Рейнского кризиса охватила волна тезаврации, а капитал уплывал за границу. Несмотря на введенный в конце апреля контроль над операциями с валютой³, проблема финансирования стратегического строительства и переоснащения армии не теряла своей остроты. В правительственных кругах крепло убеждение в необходимости обратиться за помощью к Франции, остававшейся, по словам заместителя министра иностранных дел Шембека, «незаменимым фактором в международной экономической жизни»⁴.

Вопрос о предоставлении Польше крупного займа был поднят в Париже польским послом Хлаповским в беседе с министром иностранных дел Фландэном, состоявшейся 17 февраля. Фландэн заявил послу, что этот вопрос является «чрезвычайно деликатным» в связи с неопределенностью позиции Польши по таким проблемам, как ремилитаризация Рейнской зоны или вероятное нападение Германии на Чехословакию. Своими заявлениями от 7 и 9 марта в связи с нарушением статуса Рейнской зоны и обменом нотами с правительством Франции, подтверждающими обязательства по союзу⁵, польское правительство постаралось рассеять сомнения французских правящих кругов и создать атмосферу, благоприятствующую переговорам о займе. Надежды на положительное решение этого вопроса возросли в связи с визитом в Варшаву начальника французского генштаба Гамелена в августе 1936 г.⁶ Однако необходимо отметить, что этот визит в значительной степени был проявлением более существенного фактора, оказавшего определяющее влияние на отношение Франции к польской просьбе. Этим фактором было ее соперничество с Германией за влияние на страны Восточной Европы, которое «санации» в тот момент удалось использовать в своих интересах.

Еще в феврале 1936 г. в связи с пребыванием Геринга в Польше говорили о предложениях Германии погасить свою задолженность за транзит через польский «коридор» поставками военных материалов. По этому поводу Бек разъяснил французскому послу Ноэлю, что германское правительство официально предложило Польше снабжать ее промышленными изделиями. Шахт уточнил, что речь могла бы идти о поставке материалов военного назначения. Бек заверил Ноэля, что он «не дал бы хода подобному предложению»⁷. Однако в Париже не могли

не знать, что в польских правительственных кругах были сторонники использования германской задолженности «для осуществления моторизации страны при содействии Германии»⁸.

В конце июня генеральный инспектор вооруженных сил Рыдз-Смиглы и начальник генштаба Стахевич поставили в известность французское посольство о новых предложениях подобного рода. Ноэль не сомневался, что имеются в виду предложения Германии. «В этом заключается опасность, которую мы не должны терять из виду», — телеграфировал он министру иностранных дел Дельбосу. Посол Франции предлагал немедленно заверить правительство Польши в том, что оно получит гарантированный кредит на сумму, которой будет достаточно для выполнения во Франции наиболее срочных военных заказов⁹. Сторонники предоставления займа Польше во французских парламентских кругах в качестве аргумента в пользу своей позиции ссылались на опасность получения Польшей военного снаряжения из Германии¹⁰.

Под прямым влиянием донесений Ноэля 9 июля на Кэ д'Орсэ была составлена записка для министра, определявшая меры противодействия политическому и экономическому проникновению Германии в страны Центральной и Восточной Европы. Автор записки (Массигли) отмечал, что поставки военного снаряжения означают укрепление контактов между штабами и установление военно-технического контроля над его получателем. Он предлагал любой ценой помешать Польше обратиться за помощью к Германии, что могло бы привести к разрыву союза с Францией. В записке предлагалось предоставить гарантию кредитов на закупки странами Восточной Европы военных материалов во Франции, облегчить их финансирование, способствовать импорту из этих государств¹¹. Практическим результатом намеченных мер было подписание 18 июля временного польско-французского торгового договора и соглашения о платежах. Главными особенностями этих документов было применение к Польше принципа наибольшего благоприятствования и признание за нею — впервые в ее экономических отношениях с Францией — права на уравновешенный платежный баланс. Соглашения были с одобрением встречены польским сеймом и торгово-промышленными кругами.

С 29 августа по 6 сентября 1936 г. состоялся визит во Францию Рыдз-Смиглы, основной целью которого было

подписание соглашения о займе. Характерно, что накануне приезда в парижских газетах встречались заявления о том, что Франция не сможет дать никаких точных обещаний Польше, «не имея предварительных гарантий, что она порвет свои связи с гитлеризмом»¹². Тем самым подчеркивалось, что соглашение о займе будет иметь политический характер. Поэтому прежде чем оно было парафировано, стороны продолжили обсуждение международных проблем, начатое во время визита Гамелена в Варшаву.

В ходе переговоров еще раз было подтверждено, что договор 1921 г., как основа польско-французского союза, и гарантийный договор 1925 г. остаются в силе¹³. По инициативе французской стороны был поднят вопрос о позиции Польши в случае нападения Германии на Чехословакию. В этой связи Рыдз-Смиглы был ознакомлен с запиской Бенеша, предназначенной для использования в польско-французских переговорах. Напоминая, что с 1933 г. Чехословакия трижды безуспешно предлагала Польше договор о дружбе как «первый шаг» к более тесным связям, Бенеш заявлял о готовности возобновить польско-чехословацкое военное сотрудничество, существовавшее в 20-е гг. Для большей убедительности он подчеркивал, что Чехословакия не имеет ни с Советским Союзом, ни с другой страной договоров, затрагивающих интересы Польши¹⁴. Рыдз-Смиглы уклонился от конкретного ответа и пообещал Гамелену передать предложение Бенеша своему правительству, сославшись на то, что он один не может решать политические вопросы¹⁵. Он лишь заверил Дельбоса и Гамелена, что в случае нападения Германии на Чехословакию Польша останется верна своим обязательствам, вытекающим из Устава Лиги Наций, а также из союза с Францией¹⁶.

В Париже вновь был затронут вопрос о польско-советском сотрудничестве в случае германской агрессии в Европе. Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что французское правительство приложило серьезные усилия для достижения положительных результатов в этом направлении. Оно удовлетворилось устным заявлением Рыдз-Смиглы о готовности Польши пропустить на помощь Франции советские самолеты¹⁷. Своему заявлению Рыдз-Смиглы не придавал никакого реального значения. Во время визита Рыдз-Смиглы не принял никаких обязательств ни в отношении Чехословакии, ни

СССР¹⁸. Безрезультатность обсуждения вопросов европейской безопасности в значительной степени объясняется тем, что именно в это время в политике французских правых социалистов и радикалов задача противодействия наступлению фашизма оттеснялась на второй план проблемой борьбы с рабочим движением.

Венцом переговоров Рыдз-Смиглы во Франции было соглашение о предоставлении Польше двухмиллиардного займа, парафированное 6 сентября в Рамбуйе. Оно предусматривало, что вся эта сумма будет предоставлена польскому правительству в течение четырех лет начиная с 1 октября 1936 г. Из этой суммы 800 млн. фр. предназначалось на размещение во Франции заказов военного назначения (при этом 100 млн. предполагалось выделить до 1 октября 1937 г.), 200 млн. на финансирование военного строительства в Польше, осуществляемого французскими фирмами, 700 млн. предоставлялось в облигациях франко-польской железнодорожной компании, причем в эту сумму включались 400 млн. фр., обещанные Польше в 1931 г. на завершение строительства железнодорожной линии Силезия — Балтика. На 300 млн. фр. намечалось выпустить на французском рынке облигаций польского правительства. Эта последняя сумма, как и деньги, предназначенные на закупки во Франции военных материалов, предоставлялись из расчета 5 % годовых, остальная часть — 6 %.

В соглашении о займе отчетливо прослеживается забота об интересах французских монополий. Заемные средства разрешалось направлять на закупки материалов только во Франции и в Польше. При этом польское правительство было обязано часть заказов, реализуемых в Польше, разместить на предприятиях, принадлежавших французскому капиталу, пропорционально их удельному весу в соответствующих отраслях экономики страны. Кроме того, указанные выше 200 млн. фр., по существу, передавались непосредственно в руки французских монополий для инвестиций в польскую военную промышленность. Все это говорит о том, что в ходе переговоров французское правительство больше отстаивало интересы французского крупного капитала, чем интересы безопасности и мира в Европе.

17 сентября, путем обмена письмами, состоялось подписание соглашения. Через некоторое время, в связи с девальвацией франка, номинальная сумма займа была

увеличена до 2,6 млрд. Все вопросы, связанные с условиями его реализации, были окончательно решены лишь к середине августа 1937 г.¹⁹, после острой дипломатической борьбы. После подписания соглашения каждая из сторон заявляла о нем как о своем большом успехе. Однако в эту оценку вкладывался противоположный смысл.

Во французских официальных кругах визит генерального инспектора польских вооруженных сил пытались представить как признак понимания Польшей возросшей германской опасности и ее стремления к упрочению союза с Францией. Блюм утверждал, что в результате переговоров положено начало «восстановления франко-польского сотрудничества... и что следует продолжать работу в этом направлении»²⁰. Наряду с этим пресса правого направления откровенно отмечала антисоветский аспект переговоров. Накануне обсуждения в парламенте соглашения о займе еженедельник «Ревю эбдомадэр» выражал пожелание, «чтобы исключительная ценность польского союза как международного фактора равновесия и мира... снова не омрачилась пагубным влиянием... Москвы или Берлина, от которых в действительности мы ничего получить не можем». Этот еженедельник доказывал, что предоставление займа для оснащения польской армии лежит в интересах самой же Франции, поскольку будто бы «франко-польское сотрудничество является лучшим гарантом» европейской безопасности²¹.

В связи с необходимостью получить гарантию предоставляемого Польше займа правительство внесло договор на ратификацию в парламент²². Единогласное его утверждение Палатой депутатов отнюдь не свидетельствовало о единстве мнений по этому вопросу. И в комиссии по иностранным делам, и в самой Палате состоялись острые дебаты. Дельбос в своем выступлении подчеркнул, что заем, во-первых, позволит Польше укрепить ее оборону, «связанную с обороной Франции»; во-вторых, он создаст для французской промышленности «важную возможность экспорта оборудования и участия в строительных работах на территории Польши». Это как раз и привлекало финансовые круги.

Реалистическим подходом и чувством беспокойства за безопасность в Европе отличалась позиция коммунистической фракции. В своем выступлении при обсуждении соглашения коммунист Флоримон Бонт показал, что заявления и реальная политика руководителей Польши

не совпадают. Политический курс, который против воли народа проводит «санация»,— «это, в сущности, линия капитуляции перед Третьим рейхом»,— говорил депутат ФКП. Он призвал правительство отстаивать линию на сотрудничество со всеми миролюбивыми странами в деле укрепления мира и придать реальную эффективность польско-французскому союзу²³. С этими оговорками коммунисты проголосовали за предоставление Польше займа. Характерно, что на поставленный Маргеном вопрос относительно позиции Польши в случае агрессии Германии против Чехословакии Дельбос фактически не нашел ответа. Это еще раз свидетельствовало о том, что французское правительство, предоставляя «санации» заем, не приняло мер к тому, чтобы он послужил укреплению безопасности в Европе. Неудивительно, что польское правительство из факта подписания соглашения сделало собственные выводы, далеко расхоdivшиеся с оценкой французских официальных кругов.

Рыдз-Смиглы и Бек повторяли, что после переговоров в Париже не может быть и речи «об адаптации польской политики к французской»,— никаких изменений в политическом курсе Польши не произойдет. Германский посол в Варшаве был заверен в том, что переговоры не вышли за рамки обсуждения двусторонних польско-французских отношений²⁴. Бек красноречиво охарактеризовал визит Рыдз-Смиглы в Париж как «согласие Франции с польско-германским договором». Он особо подчеркивал, что на этот раз со стороны Франции уже не было попыток вовлечения Польши в «восточно-европейские комбинации», что визит Рыдз-Смиглы в Париж сыграл антисоветскую роль не только в области внешней, но и внутренней политики Франции²⁵.

В этой оценке итогов визита не было ни малейшего намека на возможность изменения прежнего внешнеполитического курса. Поэтому неудивительно, что и в Германии в целом отнеслись к нему спокойно. 11 октября Геринг говорил венгерскому министру иностранных дел Кальману Каня, что «позиция Польши со времени поездки Рыдз-Смиглы в Париж настораживает Берлин», но тем не менее Геринг рассчитывал, что пресловутая «советская угроза» «в конце концов заставит все же Польшу присоединиться к Германии в борьбе против большевизма»²⁶ (подчеркнуто мной.— Г. Л.). Фашистская Германия опасалась освобождения польско-французского сою-

за от шор антисоветизма и его укрепления на принципах неделимости мира и коллективной безопасности в Европе. Однако важнейший шанс для подобного поворота был сознательно упущен правящими кругами обеих стран.

Буржуазно-демократическая оппозиция в Польше оценивала соглашение о предоставлении правительству займа на военные цели без всяких политических условий как средство укрепления режима санации и гарантию того, что ее прогерманский курс будет продолжаться. Лидеры буржуазной оппозиции не смогли увидеть ни определяющих причин нерешительности французских политиков на переговорах с Рыдз-Смиглы, ни тем более социальной основы противоречившей национальным интересам внешней политики санации, не смогли определить и путей изменения этого курса. Генерал Сикорский, например, причину совершенной французами «большой ошибки» видел в легковёрности и плохой информированности Ноэля, особенно сожалел о том, что была упущена возможность устранения Бека взамен предоставления займа²⁷.

Иной была позиция Коммунистической партии Польши. КПП использовала визит Рыдз-Смиглы во Францию для продолжения упорной борьбы за создание народного антифашистского фронта, который коренным образом изменил бы внешнеполитический курс страны, привел бы ее к участию в системе коллективной безопасности. Подвергая беспощадной критике внешнюю политику санации, компартия указывала на ее реакционный внутриполитический курс. Имея в виду стремление санационной верхушки и лично Рыдз-Смиглы использовать успешные переговоры во Франции для сплочения режима, активизации кампании по созданию так называемого «Лагерь национального единства», ЦК КПП в ноябрьском обращении отмечал, что «под предлогом укрепления „оборонспособности Польши“ и объединения всего народа „вокруг армии“ и ее руководителя... санация хочет заковать Польшу в цепи военно-фашистской диктатуры генерала Рыдз-Смиглы»²⁸. К сожалению, предостережения коммунистов не были услышаны руководством ППС и Крестьянской партии.

Таким образом, польско-французское соглашение о займе 1936 г. поощряло «санацию» к продолжению реакционного курса внутренней и внешней политики и ее борьбы против коллективной безопасности в Европе.

- ¹ Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu (1914—1939).— Warszawa, 1967, t. 11, s. 235.
- ² Diariusz i teki Iana Szembeka.— L., 1964, t. 1, s. 408, 411.
- ³ Drozdowski M. Polityka gospodarcza rządu polskiego (1936—1939).— Warszawa, 1963, s. 52—54, 70—71, 240; Przegląd gospodarczy, 1936, 1 maja, s. 284.
- ⁴ Diariusz..., t. 1, s. 390, 393; t. 2, L., 1966, s. 31, 61, 104, 105, 238.
- ⁵ Подробнее см.: Лазько Г. Г. Польша и Франция во время Рейнского кризиса 1936 года.— В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Междувед. науч. сб. Киев, 1981, вып. 27, с. 81—89.
- ⁶ Documents diplomatiques français. 2-me serie (1936—1939) (далее — DDF).— Paris, 1963, t. 3, p. 227—228.
- ⁷ Ibid., t. 1, p. 336.
- ⁸ Diariusz..., t. 2, s. 112.
- ⁹ DDF, t. 2, p. 543—544, 526.
- ¹⁰ Историко-дипломатический архив Министерства иностранных дел СССР. 2-д, оп. 3, д. 18, л. 36—37.
- ¹¹ DDF, t. 2, p. 639—641.
- ¹² Цит. по: Правда, 1936, 1 сент.
- ¹³ Ciałowicz Y. Polsko-francuski sojusz wojskowy..., s. 228.
- ¹⁴ DDF, t. 3, p. 315—316.
- ¹⁵ Gamelin, Gen. Servir. T. 2, Paris, 1946, p. 233—234.
- ¹⁶ DDF, t. 3, p. 444, 459.
- ¹⁷ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР).— М., 1974, т. 19, с. 431, 461.
- ¹⁸ Diariusz..., t. 2, s. 293, 272, 275—276.
- ¹⁹ DDF, t. 3, p. 377—379; t. 6, p. 605—607.
- ²⁰ ДВП СССР, т. 19, с. 431.
- ²¹ Revue hebdomadaire, 1936, 5 dec., p. 51, 64.
- ²² Польским сеймом соглашение было одобрено 5 января 1937 г. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Sesja zwyczajna 1936/37 г. Sprawozdanie sten. z 33 pos. 5.1.1937, l. 4—15.
- ²³ Debats parlementaires. Session extraordinaire de 1936. T. unique, 2-me partie, p. 3919—3921.
- ²⁴ Diariusz..., t. 2, s. 293, 275—276, 281.
- ²⁵ Stawecki P. Op. cit., s. 58.
- ²⁶ Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны.— М., 1962, с. 54.
- ²⁷ Kowalczyk I. Za kulisami wydarzeń politycznych z lat 1936—1938 w świetle raportów posła Czechosłowacji w Warszawie i innych archiwalistów.— Warszawa, 1976, s. 14, 16, 116.
- ²⁸ Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны: Материалы и документы.— М., 1955, с. 295—299, 304.

Д. Б. Мельцер

д-р. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ
БОЛГАРО-СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА
(1940 г.)

После установления дипломатических отношений между СССР и Болгарией (23 июля 1934 г.) Советское государство, руководствуясь ленинскими принципами мирного сосуществования с капиталистическими странами, стремилось к установлению взаимовыгодного сотрудничества с Болгарией. Несмотря на все старания Советского правительства и желание значительной части болгарских деловых кругов, наладить торговлю между двумя странами долго не удавалось. Чтобы решить эту важную проблему, советской дипломатии пришлось вести борьбу более шести лет.

Дворцовые круги во главе с царем Борисом III, отстранив в январе 1935 г. правительство Кимона Георгиева от власти, заняли позицию откровенного антисоветизма. Эта враждебность к Советскому Союзу, в частности, проявилась в сфере торгово-экономических отношений. Товарооборот между Болгарией и СССР все больше сокращался. В 1935 г. экспорт советских товаров составил 247 тыс. руб., а импорт из Болгарии — только 28 тыс.¹ Болгаро-советская торговая палата практически бездействовала. Намеченная на лето 1935 г. поездка представительной делегации в СССР оказалась сорванной².

Советское правительство предложило Болгарии в июне 1935 г. заключить Временное соглашение о товарообороте. В ноте болгарскому МИД от 20 июня излагался его проект, состоявший из пяти пунктов³. Это предложение, как заметил советский полпред, вызвано тем, что «заключение торгового договора — дело длительное»⁴. Подобный подход широко применялся в международной практике. Болгарское правительство, будучи вынужденным считаться со все увеличивающимся стремлением коммерсантов и промышленников наладить торговые контакты с советским рынком⁵, согласилось приступить к переговорам⁶, которые начались в июле 1935 г. в Софии. Но все усилия болгарской делегации сводились прежде всего к тому, чтобы «устранить возможность рас-

пространения коммунистической пропаганды в стране»⁷. Болгарская сторона требовала, чтобы в случае открытия советского торгпредства в Софии над ним был установлен полицейский контроль. Переговоры, длившиеся более месяца, зашли в тупик и продемонстрировали полное нежелание официальной Болгарии наладить прочные торговые связи с СССР.

В 1936—1937 гг. Советское государство неоднократно выражало искреннее желание возобновить переговоры. «Их нормализация,— писал болгарский посланник в Советском Союзе Н. Антонов премьер-министру Г. Кыосеиванову 11 февраля 1937 г.,— необходима больше болгарам, нежели советской стороне, так как не Советы нуждаются в нашем ввозе, а мы в их... Хотя Советский Союз строго ограничил свой ввоз только материалами, способствующими увеличению производства государственной экономики, все же, по крайней мере, в отношении нашей страны он проявляет готовность сделать исключение. СССР согласен закупить в Болгарии розовое масло, кожу, если будут приобретены советские товары на такую же стоимость»⁸. Антонов также сообщал, что советская страна готова начать торговлю, не подписывая договора, если болгарское правительство согласно ограничиться устной договоренностью.

Правительство же Г. Кыосеиванова, руководствуясь политическими мотивами, продолжало выдвигать неприемлемые условия⁹. Оно пыталось представить дело таким образом, будто Советский Союз не в состоянии удовлетворить экономические нужды страны, а, добиваясь открытия своих торговых представительств в болгарских городах, думает только о «большевистской пропаганде». Реакционные круги старались скрыть от общественности состояние советской экономики, ее успехи в развитии технического прогресса.

Как известно, в результате успешного выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР производство промышленной продукции в 1937 г. увеличилось в 2,2 раза по сравнению с 1932 г. и наша страна заняла первое место в Европе и второе — в мире. Советский Союз превратился в могучую индустриальную державу, укреплялись его позиции на мировом рынке. Изменилась структура внешней торговли. В 1937 г. экспорт промышленных изделий составил почти три четверти общего вывоза, в том числе продукции

тяжелой промышленности — 24,8 %. Развивался и импорт различных товаров¹⁰. Советское государство держало курс на расширение деловых отношений с другими странами, в том числе и Болгарией, которая в то время занимала одно из последних мест во внешней торговле СССР. В 1936—1939 гг. стоимость советского экспорта в Болгарию составляла всего 655 тыс. руб. Это почти в три раза меньше, чем в 1929 г. Импорт же из Болгарии практически не существовал¹¹.

В болгарской внешней торговле все больше проявлялась тенденция к сближению с нацистской Германией. Уже в 1936 г. доля Третьего рейха в болгарском импорте составила 61 % и почти половину в экспорте¹². По словам западных дипломатов, Германия преследовала цель завоевать Болгарию «окончательно на свою сторону»¹³. Летом 1936 г. в Берлине был подписан секретный протокол о предоставлении болгарскому правительству кредита в размере 12,5 млн. рейхсмарок для закупки у германских фирм оружия¹⁴. В марте 1938 г. заключено соглашение о новом кредите на сумму 30 млн. рейхсмарок¹⁵. В Берлине рассчитывали приспособить болгарскую экономику к потребностям германских монополий. Председатель германо-болгарской торговой палаты барон Бранденштейн, посетивший Софию в конце апреля 1938 г., заявил, что индустриальная Германия и аграрная Болгария должны составить единое «экономическое целое». «Можно без преувеличения сказать,— подчеркнул он,— что Германия в новых границах сможет в самом скором времени поглощать две трети всего болгарского вывоза»¹⁶. Германский министр экономики Вальтер Функ заявил, что «по счастливому стечению обстоятельств» экономика Германии и Болгарии «дополняют друг друга и между ними не может возникнуть односторонней зависимости»¹⁷.

Между тем в широких кругах болгарской общественности все большее беспокойство вызывало растущее влияние германских монополий во внешней торговле. Как заявил в Народном собрании Петко Стайнов, Германия «заняла командное положение в хозяйственной жизни страны»¹⁸. К этому времени ее удельный вес в вывозе живых свиней достиг 85 %, сала — 100, фруктов и овощей 90—100, овечьих и козьих шкур — 80—95 % и т. д. Односторонние торговые связи наносили огромный ущерб болгарской экономике. В результате неэквива-

лентной торговли с Германией страна в течение 1929—1939 гг. потеряла 3634 млн. левов.

28 октября 1938 г. открылась очередная сессия Народного собрания. Депутаты оппозиции потребовали от премьер-министра объяснения истинных целей посещения Болгарии германским министром экономики. И. Пастухов осудил внешнеторговую политику правительства и привел убедительные доводы отрицательных последствий торговли с Германией. Он напомнил слова Функа, который, будучи в Софии, недвусмысленно заявил: «Вслед за торговлей идет политика». В качестве альтернативы депутат указал на необходимость развития экономических связей с Советской Россией. За торговые переговоры с СССР высказался также депутат Георгий Петров. «Единственной силой, которая могла бы остановить экономическую экспансию (Германии.— Д. М.),— является, несомненно, Россия»,—заявил Дойко Петков¹⁹.

Демократические силы страны считали, что необходимо прежде всего ликвидировать германскую монополию в области торговли. В августе 1938 г. член ЦК БРП А. Иванов в докладной записке Г. Димитрову подчеркивал, что советские товары могут успешно конкурировать со многими изделиями германского производства и даже вытеснить их на болгарском рынке. В. Коларов от имени Заграничного бюро ЦК БКП обратился к Советскому правительству с предложением «О развитии торговых отношений Советского Союза с Болгарией». В условиях усиления политической и экономической экспансии германского империализма, писал он, Советский Союз — единственная страна, которая может помочь болгарскому народу отстоять свою независимость. Для этого имеются самые реальные предпосылки. «Взаимное расположение двух стран в бассейне Черного моря, краткость путей сообщения... и дешевый морской транспорт создают огромное преимущество для советско-болгарской торговли перед германо-болгарской. В Болгарии есть солидные и с большим опытом кооперативные банки, способные обслужить и кредитовать советско-болгарскую торговлю». Учитывая все это, В. Коларов рекомендовал следующее: 1) возобновить и довести до конца переговоры о заключении торгового договора с Болгарией; 2) пригласить в Москву представителей крупных кооперативных организаций Болгарии для установления связи с соответствующими государственными учрежде-

ниями и торговыми организациями СССР; 3) назначить советского торгового представителя в Софию и организовать регулярную информацию из Болгарии с привлечением компетентных экономистов и финансистов; 4) установить регулярные рейсы советских кораблей до болгарских черноморских портов Варна и Бургас²⁰.

Не ослабевала заинтересованность торгово-промышленных кругов в деловых связях с СССР. Они охотно покупали через третьи государства советские нефтепродукты, хлопок, автомобили²¹. Советское полпредство в Софии сообщало в НКВД о том, что многие болгарские фирмы и кооперативы обращаются с предложениями об установлении торгового обмена с Советским Союзом. С такой просьбой обратилось одно из влиятельных в стране кооперативных объединений «Напред». Оно готово было закупить смазочные масла, керосин, бензин, чугун, рельсы, автомобили и другие товары²².

Генеральный директор кооператива «Напред» Т. Пенчев, находясь в Стамбуле, вел переговоры с советскими представителями относительно покупки нефтепродуктов. Этот интерес был вызван тем, что за советскую нефть, ввозимую через посредничество турецкой фирмы, Болгария платила более 2200 левов за тонну, в то время, как сама фирма покупала ее по 1820 левов, т. е. почти на 20 % дешевле²³. Только в 1938 г. страна ввезла из Турции советских нефтепродуктов на сумму 75 млн. левов²⁴. Наладить торговлю на компенсационной основе предлагала софийская фирма «Григорово» и многие другие²⁵.

Некоторым промышленникам и коммерсантам удалось установить прямые связи с советскими внешнеторговыми объединениями. Фирма «Импортекс» и Общий союз болгарских сельскохозяйственных кооперативов закупили значительное количество садового стекла²⁶. Была реализована партия автомобилей «ЗИС-101». В болгарской столице возникло общество по продаже советских машин²⁷. В течение 1937 г. в стране было продано советских товаров на сумму около 120 тыс. руб.²⁸

Правительство СССР постоянно откликалось на запросы болгарских деловых кругов. В феврале 1938 г. первый заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкин, беседуя с Н. Антоновым, рассказал об успешном развитии торговых отношений с рядом соседних государств, о подписании с ними экономических соглашений, заявив при этом, что «болгарская инициа-

тива в этой области была бы хорошо встречена в Москве». Он заметил также, что Советский Союз охотно примет делегацию в 15—20 человек, которые могли бы серьезно изучить возможность торговли между двумя странами и правильно проинформировать соответствующие круги в своей стране²⁹.

В письме народному комиссару внешней торговли СССР Е. Д. Чвялеву 10 февраля 1938 г. В. П. Потемкин отмечал, что Советский Союз заинтересован в укреплении связей с Болгарией. «Поэтому,— подчеркивал он,— даже при отсутствии у нас торгового договора с этой страной мы считали бы желательным в той или иной мере установить с ней деловой контакт»³⁰.

Несмотря на все старания Советского правительства, у правящих кругов Болгарии по-прежнему отсутствовали серьезные намерения установить нормальные отношения с СССР. Не состоялась и поездка большой группы общественных и торгово-промышленных деятелей³¹. Н. Антонов в своих мемуарах пишет: «Явно было, что, когда Советское правительство желало сближения и было готово активно содействовать его осуществлению, болгарское правительство, напротив, не только не желало, но считало опасным такое сближение и, как только могло, этому препятствовало»³².

Начавшаяся вторая мировая война и вызванные ею хозяйственные трудности заставили болгарское правительство вспомнить о многочисленных инициативах Советского Союза. С требованием заключить торговый договор с СССР выступили представители Союза болгарских табаководов, Общего союза болгарских промышленников, Общего союза болгарских сельскохозяйственных кооперативов, кооперативного объединения «Напред», Болгарского земледельческого общества и других деловых кругов страны. В поддержку этого требования выступила оппозиционная буржуазная пресса. В течение сентября 1939 г. газета «Мир» поместила серию статей, посвященных анализу болгаро-советской торговли.

3 ноября 1939 г. премьер-министр Г. Кыосеванов в беседе с советским полпредом в Софии А. И. Лаврентьевым отметил, что Болгария готова начать переговоры о заключении торгового договора с СССР. Это предложение было принято³³.

Болгарская правительственная делегация, возглавляемая министром финансов Добри Божиловым, 27 декаб-

ря 1939 г. прибыла в Москву. Переговоры, начавшиеся в тот же день, по словам профессора Дончо Костова, члена болгарской делегации, «проходили в очень дружеской атмосфере, причем с советской стороны подчеркивалось равенство и взаимность». Проект договора был предложен болгарам. В докладе в Софию Костов писал, что болгарские предложения «подверглись лишь некоторым изменениям скорее в отношении формы, нежели содержания, и были дополнены несколькими более точными формулировками»³⁴. 5 января 1940 г. переговоры завершились и был заключен договор о торговле и мореплавании сроком на три года, а также соглашение о товарообороте и платежах. В соответствии с этим соглашением общий товарооборот в 1940 г. должен был составить 920 млн. левов * (в марте 1940 г. указанная сумма была увеличена до 1075 млн. левов). Соглашение предусматривало экспорт в Советский Союз табака, розового масла, свинины и живых свиней, риса, хлопка, кожи, семян огородных культур и других товаров. В свою очередь Болгария импортировала нефтепродукты, сельскохозяйственные машины, черные металлы, целлюлозу, медный купорос, каменную соль, удобрения и т. д.

Газета «Мир» оценила итоги переговоров в Москве, как большой успех Болгарии³⁵. Глава делегации Д. Божиллов, выступая в Народном собрании, был вынужден признать, что торговое соглашение с СССР — наиболее выгодное из всех соглашений, которые Болгария когда-либо заключала³⁶.

Уже к июлю 1940 г. значительная часть товаров, предусмотренных соглашением, была успешно реализована. Поставка СССР 5533 т хлопка, 4579 т проката, 351 т медного купороса, нефтепродуктов и других товаров позволила преодолеть трудности в экономике страны³⁷. Переработка на болгарских текстильных предприятиях 10 тыс. т советского хлопка дала возможность загрузить 26 крупнейших прядильных фабрик и обеспечить работой 40 тыс. человек. Эти факты убедительно свидетельствовали о широких возможностях советско-болгарских торговых связей. В июне 1940 г. новый премьер-министр Б. Филев в интервью корреспонденту газеты «Мир» заявил, что выполнение договора с СССР идет вполне нор-

* По курсу 1940 г. 100 левов равнялись 6 руб. 26 коп.

мально. Предусмотренная переработка советского хлопка осуществлена почти полностью³⁸.

Но к концу 1940 г. дворцовые прогерманские круги и правительство под давлением Третьего рейха отказались от взаимовыгодных экономических связей и приступили к свертыванию торговли с Советским Союзом. Рассчитывая с помощью нацистской Германии добиться реализации своих внешнеполитических планов и гарантировать социальную стабильность режима, они отвергли предложение правительства СССР о заключении договора о дружбе и взаимной помощи (ноябрь 1940 г.), который мог стать серьезной преградой против экспансии Третьего рейха в этом регионе и самой Болгарии.

¹ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.— М., 1960, с. 510, 514.

² Последна поща, 1935, 24 юни.

³ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 2, п. 3, л. 12; ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 139.

⁴ Заря, 1935, 31 мая.

⁵ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 1, п. 3, л. 159; оп. 17, д. 12, п. 7, л. 5.

⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 148.

⁷ Там же, л. 86—115.

⁸ Там же, л. 164—167.

⁹ Там же, л. 157.

¹⁰ История СССР.— М., 1971, т. IX, с. 118—119, 301.

¹¹ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг., с. 510—514.

¹² Статистически годишник на царство България.— София, 1938, т. 30, с. 486—487.

¹³ Documents diplomatiques français.— Paris, 1964, sér. 2, t. 2, doc. N 404, p. 611.

¹⁴ Documents of German Foreign Policy.— Washington, 1962, ser. C, vol. 4, doc. N 481, p. 963.

¹⁵ Ibid.— London, 1953, ser. D, vol. 5, doc. N 146, p. 197.

¹⁶ Днес, 1938, 28 април.

¹⁷ Чепалов И. Н. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 — начале 1939 г.— В кн.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972, с. 7.

¹⁸ Стенографски дневници на XXIV ОНС, 1 р. с.— София, 1939, кн. 2, с. 1301.

¹⁹ Там же, с. 565, 569, 573.

²⁰ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 147, оп. 2, а. е. 292, л. 34, 40, 46—47.

²¹ София, 1937, 27 декември.

²² Советско-болгарские отношения и связи.— М., 1976, т. 1, док. № 467, с. 432.

²³ Пописаков Г. Икономически отношения между НР България и СССР.— София, 1968, с. 29.

²⁴ Хаджиниколов В. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917—1944).— София, 1957, с. 176.

²⁵ Советско-болгарские отношения и связи, т. 1, док. № 467, с. 432; док. № 473, с. 438.

²⁶ ЦДИА, ф. 165, оп. 1, а. е. 4081, л. 1; Советско-болгарские отношения и связи, т. 1, док. № 482, с. 447.

²⁷ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 627, л. 76, 80.

²⁸ Советско-болгарские отношения и связи, т. 1, док. № 473, с. 438.

²⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 455, л. 87—89.

³⁰ Советско-болгарские отношения и связи, т. 1, док. № 467, с. 432.

³¹ Там же, док. № 482, с. 447.

³² Антонов Н. Десет години българо-съветски отношения в рамките световни събития. Спомени.— София, 1971, с. 117 (рукопись мемуаров Н. Антонова хранится в архивно-документальном отделе МИД НРБ).

³³ Советско-болгарские отношения и связи, т. 1, док. № 510 с. 469; док. № 512, с. 471.

³⁴ Там же, док. № 520, с. 491.

³⁵ Мир, 1940, 9 января.

³⁶ Стенографски дневници на XXV ОНС; 1 р. с.— София, 1940, с. 74—80.

³⁷ Валиев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма.— М., 1964, с. 192.

³⁸ Мир, 1940, 20 юни.

Е. И. Новикова

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

ВКЛАД БССР В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Народы Советского Союза и Франции обладают многовековой развитой культурой, что делает обмен духовными богатствами особенно плодотворным. Успешному развитию культурных контактов способствуют и исторические традиции устойчивых связей, взаимный интерес и понимание. В речи в Париже (октябрь 1971 г.) Л. И. Брежнев отмечал: «Мы стремимся к тому, чтобы дальше развивать чувства доброжелательности и взаимопонимания в общественном мнении СССР и Франции. Это предполагает бережное отношение к традициям дружбы наших народов, поощрение интереса к их культуре, одним словом — умножение всех форм связей и контактов, которые помогают советским людям и французам, особенно молодежи, лучше познать и оценить друг друга»¹.

Связи белорусского и французского народов имеют давние и прочные традиции. На территории Белоруссии

героически сражались против гитлеровских захватчиков летчики полка «Нормандия — Неман». В рядах французского Сопротивления боролись представители нашей республики. Под руководством белорусского комсомольца Владимира Антоненко на французском острове Олерон действовала подпольная диверсионная группа. Звание лейтенанта французской армии было присвоено дочери белорусского народа Надежде Лисовец. Минчанка Людмила Кошечкина руководила санитарной службой в одном из отрядов французского Сопротивления.

Прочные традиции имеют наши связи в области культуры. Белорусский народ знает и высоко ценит лучшие достижения французской литературы и искусства. В Белоруссии издано более 100 произведений французских поэтов и писателей. Такие произведения, как «Собор Парижской богородицы» Гюго, «Красное и черное» Стендаля, изданы сотысячными тиражами. На белорусском языке вышли книги Андре Стиля, сборники стихов Беранже. К 100-летию Парижской коммуны издательство «Беларусь» выпустило сборник стихотворений поэтов Парижской коммуны, переведенных на белорусский язык председателем секции художественного перевода Союза писателей Язэпом Семежоном. В издательстве «Мастацкая літаратура» вышла книга стихов современного французского поэта Гийома Аполлинера. Большой успех у белорусских читателей имели сборник «Французские поэты — детям», повесть «Маленький принц» Экзюпери.

Во Франции растет интерес к многонациональной советской литературе. В газетах, литературных журналах, отдельными изданиями были опубликованы подборки стихов, повести белорусских поэтов М. Танка, А. Вертинского, Е. Сипакова, Г. Бородулина, прозаиков В. Адамчика, М. Стрельцова, В. Быкова и других в переводе на французский язык. Первым переводчиком белорусской поэзии во Франции явился французский поэт-коммунист Анри Делюи. Под его руководством департамент печати ЮНЕСКО подготовил антологию белорусской поэзии.

В августе 1967 г. в БССР отмечалось 450-летие белорусского книгопечатания. Французский еженедельник «Леттр франсэз» писал: «В Белоруссии и других советских республиках в этом году широко праздновался 450-летний юбилей белорусского книгопечатания, основателем которого был ученый и гуманист Франциск (Георгий) Скорина. Свою первую книгу «Псалтырь», на-

писанную на белорусском языке, Скорина издал в Праге в 1517 году. Таким образом, белорусы получили свою первую печатную книгу почти на полвека раньше, чем русские, и раньше, чем мы, французы... Какие большие возможности для своего развития могла бы получить их культура, если бы история по отношению к белорусам была более справедлива... И каким чудесным достижением белорусов является тот факт, что за 50 лет после революции в Белоруссии издано более 8 тысяч названий книг на родном языке общим тиражом около 500 миллионов экземпляров!»²

В белорусских театрах широко представлена французская оперная, балетная и драматургическая классика: оперы «Кармен» Бизе, «Фауст» Гуно, балеты «Жизель» Адана, «Лиза и Колен» Герольда, пьесы Мольера, Ануя.

Трудящиеся республики неоднократно встречались с мастерами современного искусства Франции. Тепло были приняты выступления французских пианистов Самсона Франсуа и Бриджит Аннирер, скрипачки Мишель Оклер, солистки «Гранд Опера» Риты Гор. В 1968 г. минчан покорило искусство танцоров К. Сомбер и М. Брюеля, которые выступили в балетных спектаклях Белорусского театра оперы и балета «Лебединое озеро» и «Жизель»³. В свою очередь белорусские артисты знакомили французов с искусством своего народа. В Париже и других городах Франции выступали певцы З. Бабий, С. Данилюк, цимбалист А. Остромецкий, танцевальная группа Государственного народного хора БССР⁴.

Широкое развитие получила такая форма культурных контактов, как дни и недели культуры. Дни советской культуры во Франции и французской культуры в СССР стали проводиться с 1966 г. Их организаторами явились общества «Франция — СССР» и «СССР — Франция». В 1967 г. с 5 мая по 11 июня во Франции проходили дни культуры Советской Белоруссии. Для участия в них выезжала делегация Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Она встречалась с рабочими и интеллигенцией, с членами и руководителями общества «Франция — СССР», установила дружественные связи с библиотекой и музеем Сопротивления в Гренобле, школой в Клермон-Ферране, профсоюзным комитетом автомобильного завода Берлие, комитетом общества «Франция — СССР» на заводе фирмы

«Рено». Во многих городах Франции в дни белорусской культуры были организованы выставки. Тысячи французов познакомились с белорусским народным творчеством, рисунками белорусских детей, белорусской графикой. Последняя была представлена произведениями В. Цwirки, А. Последович, Г. Поплавской, В. и Е. Тиханович, А. Волкова, Е. Красовского и др.⁵ Необходимо отметить выставки «900-летие Минска» и «Нормандия — Неман». Большой интерес вызвала выставка художественного стекла, которая показала искусное мастерство белорусских умельцев⁶.

Огромным успехом пользовались выступления концертной группы. Белорусские артисты, среди которых были С. Данилюк, И. Сорокин, Т. Шимко, З. Бабий, выступили в 28 городах Франции. Французским зрителям понравилась «Партизанская сюита» в исполнении танцевальной группы Государственного народного хора БССР. Газета «Прогрэ» писала: «У нас было такое впечатление, что мы живем среди этих героических партизан, и многие из зрителей, присутствовавшие на концерте, вновь вспомнили пережитое... Танцевальная группа народного хора БССР мастерски восстановила живую картину партизанской жизни с ее радостями, трудностями, опасностями и борьбой»⁷.

На экранах Франции демонстрировались художественные киноленты, созданные на киностудии «Беларусьфильм». Это — «Часы остановились в полночь», «Красные листья», «Москва — Генуя», а также документальные — «Освобождение Советской Белоруссии», «Обыкновенная хроника», «Березинский заповедник»⁸.

Большую работу, посвященную дням культуры Советской Белоруссии во Франции, провело общество «Франция — СССР», ряд его департаментов и местных комитетов, особенно Ронский департаментский комитет и комитет в Вильфранше⁹.

Дни Советской Белоруссии во Франции завершились выступлением белорусских артистов на празднике рабочих завода «Рено», посвященном 50-летию Великого Октября. На этом празднике присутствовало свыше 10 тыс. человек¹⁰.

Белорусское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами и республиканское отделение общества «СССР — Франция» организовали дни французской культуры в Белоруссии, которые проходили с

7 по 14 декабря 1967 г. В них принимала участие делегация общества «Франция — СССР» во главе с Р. Шмитленом. В столице республики Минске 8 декабря состоялся торжественный вечер, посвященный дням французской культуры в БССР, на котором с докладом выступил председатель правления Белорусского отделения общества «СССР — Франция» писатель Иван Мележ¹¹. В ходе дней культуры Франции в Минске были организованы выставки произведений французских художников, детской французской книги, репродукций работ скульптора Ж. Саландра, белорусских художников, побывавших во Франции, фотовыставка, посвященная столице Франции. В экспозицию выставки французских художников были включены полотна и графика из фондов Государственного Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, уникальные репродукции живописи французских мастеров, подаренные Государственному художественному музею БССР французской художницей, уроженкой Белоруссии Надей Леже, а также ряд полотен и скульптур из фондов белорусского музея. Впервые в Белоруссии так полно было представлено французское искусство — от образцов живописи XVII в. до керамики Пабло Пикассо¹². Экспозиция работ белорусских художников отображала повседневную жизнь парижан, живописные виды Нормандии, Бретани, Амьена, Руана, Гавра, — Шартра. На ней было представлено около 70 произведений¹³. На экранах республики демонстрировались французские фильмы «Мужчина и женщина» Лелюша, «Девушка из Рошфора» Деми, «Обманчивое счастье» Кайата, «Недостойная старая дама» Олио, «Монпарнас, 19» Бекера и др.¹⁴

Дни французской культуры в БССР были наполнены яркими и волнующими встречами с общественностью республики. Члены делегации были гостями минских тракторозаводцев, пионеров, студентов и преподавателей Минского государственного педагогического института иностранных языков, журналистов столицы. Они выезжали в Жодино, Барановичи, Брест¹⁵.

Франции, ее народу и культуре, советско-французской дружбе были посвящены вечера и выставки, организованные на предприятиях, в учреждениях, вузах и школах. Литературный вечер состоялся в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина, в Минском педагогическом институте иностранных языков была

оформлена выставка, посвященная советско-французской дружбе. По белорусскому радио и телевидению звучали произведения французских композиторов, писателей, поэтов. Кинематографисты Белоруссии рассказывали о Франции в фильме «Встреча с Марианной», снятом во время дней белорусской культуры в этой стране¹⁶.

«Дни французской культуры в Белоруссии — это нечто вроде широкопанорамной ленты, которая проходит перед нами день за днем и на которой мы с большой радостью встречаемся с рассказом о Франции. Этот рассказ ведут Мик Мишель и Франки Бразоо, Клод Лелюш и Жерар Филипп, национальный президент общества «Франция — СССР» Раймон Шмиттлен, президент общества в департаменте Нор Альбер де Бушер, произведения французской литературы и живописи, музыки и скульптуры»¹⁷, — писала газета «Звезда», оценивая это важное событие в культурной жизни республики.

В 1971 г. общественность Белоруссии широко отметила 100-летие Парижской коммуны. Этой дате были посвящены научная сессия в Академии наук БССР, теоретическая конференция в Минской высшей партийной школе, литературный вечер в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина и ряд других мероприятий.

В Белоруссии ежегодно проводятся различные мероприятия по ознакомлению общественности республики с жизнью и культурой французского народа. Белорусское отделение общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами поддерживает постоянные контакты почти с 50 департаментскими и городскими отделениями общества «Франция — СССР».

Крупным событием в истории наших дружественных связей явились дни Франции в Белоруссии и дни белорусской культуры во Франции, проведенные осенью 1981 г. В мероприятиях, посвященных дням Франции, участвовали делегации общества «Франция — СССР», деятелей культуры Виллербана и Воз-ан-Влена — городов-побратимов Могилева и Орши, представители посольства Французской Республики в СССР, Торговой палаты Ронского департамента, туристы. В состав делегации общества «Франция — СССР» входили члены президентского совета общества профессор Сорбонны Р. Порталь, вице-президент Содружества ветеранов полка «Нормандия — Неман» генерал Г. де Сен-Морсо, за-

меститель генерального секретаря общества Р. Ваэ, президент-исполнитель комитета общества в департаменте Рона М. Менье, кинокритик Ж. Руа, скульптор А. Занани, известная певица Ж. Дано.

21 сентября в Минске состоялась пресс-конференция для советских журналистов. Отвечая на вопросы, Р. Ваэ, М. Менье, Г. де Сен-Морсо и другие рассказали о дружеских связях общественности Франции и Белоруссии, перспективах их развития¹⁸. 22 сентября члены французских делегаций были приняты заместителем председателя Совета Министров БССР С. А. Пилотовичем. Во время беседы С. А. Пилотович рассказал о глубоких чувствах дружбы, которые советские люди питают к французскому народу, познакомил гостей с достижениями народного хозяйства, планами больших социально-экономических преобразований в республике в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС¹⁹.

В дни Франции были организованы выставки: в Минске — «Промышленность Ронского департамента», «Лионские ткани», работ скульптора Амилькара Занани, художников департамента Рона; в Гомеле — французских филателистов; в Могилеве — французского народного творчества²⁰. Свое искусство минчанам показали артисты театра кукол Гиньоль, а на экранах кинотеатров республики демонстрировались французские фильмы²¹.

Гости из Франции побывали на промышленных предприятиях Минска, совершили поездку в колхоз им. Кирова Слуцкого района, посетили ВДНХ БССР, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. После осмотра музея члены делегации встретились с ветеранами войны. Французских гостей приветствовал председатель Минской городской секции Советского комитета ветеранов войны генерал-майор танковых войск в отставке В. И. Синчилин. Герой Советского Союза бывший секретарь Минского подпольного обкома партии и командир партизанского соединения Р. Н. Мачульский рассказал о партизанском движении в Белоруссии²². В дни Франции в СССР было создано Минское городское отделение общества «СССР — Франция»²³.

В октябре 1981 г. во Франции проводились дни Советского Союза с участием Белорусской ССР. Был выпущен специальный номер журнала «Франция — СССР», посвященный Советской Белоруссии. Для участия в

днях в Париж выезжала делегация Минска — города-побратима Лиона во главе с председателем Минского городского исполнительного комитета народных депутатов Г. С. Таразевичем. В Париже прошли выставки «Национальный белорусский костюм», графики, фотоснимков и декоративно-прикладного искусства. В столице Франции и других городах демонстрировались художественные и документальные фильмы, созданные на студии «Беларусьфильм». Государственный ансамбль танца Белорусской ССР показал свое искусство в более чем 30 городах Франции ²⁴.

Важную роль в укреплении дружеских связей между народами играет движение породненных городов. В 1968 г. состоялось соглашение о породнении белорусского города Жодино с городом Венисье в департаменте Рона. Впоследствии городами-побратимами стали Гомель — Клермон-Ферран, Могилев — Воз-ан-Влен, Орша — Виллербан и Минск — Лион. Города-побратимы обмениваются делегациями, осуществляют культурные контакты.

Французский народ проявляет большой интерес к Советской Белоруссии. Специальный корреспондент журнала «Франция — СССР» Пьер Делон после посещения Белорусской ССР опубликовал серию статей под общим названием «Белоруссия — земля героев и создателей». На страницах газеты французских коммунистов «Юманите» публикуются материалы об успехах в развитии экономики и культуры белорусского народа, его героическом прошлом.

Белорусский народ, как и все советские люди, ценит дружбу с Францией и вносит свою лепту в ее развитие.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. — М., 1973, т. 3, с. 444—445.

² Les Lettres Françaises, 1967, 8 août.

³ France-URSS, magazine, 1968, mai, p. 10.

⁴ Советская Белоруссия, 1973, 11 янв.

⁵ Лит. і мастацтва, 1967, 24 марта.

⁶ Там же, 16 мая.

⁷ Le Progrès, 1967, 23 mai.

⁸ Лит. і мастацтва, 1967, 16 мая; France-URSS, magazine, 1969, fevrier, p. 57.

⁹ Смирнов В. БССР — Франция. — Мн., 1967, с. 14.

¹⁰ Культура и жизнь, 1967, № 11, с. 32.

¹¹ Лит. і мастацтва, 1967, 12 дек.

¹² Там же, 15 дек.

¹³ Там же, 12 дек.

- ¹⁴ Там же; Звезда, 1967, 9 дек.
¹⁵ Звезда, 1967, 15 дек.; France-URSS, magazine, 1968, fevrier, p. 57, 58.
¹⁶ Літ і мастацтва, 1967, 12 дек.
¹⁷ Звезда, 1967, 14 дек.
¹⁸ Там же, 1981, 22 сент.
¹⁹ Там же, 23 сент.
²⁰ Там же, 24, 25 сент.
²¹ Там же, 23 сент.
²² Там же, 24 сент.
²³ Там же, 23 сент.
²⁴ Там же, 18 окт.; France-URSS, magazine, 1981, N 141, sept.—octobre.

Н. А. Царюк

аспирантка
 (БГУ им. В. И. Ленина)

**ВКЛАД БЕЛОРУССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА
 СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЙ ДРУЖБЫ
 В РАЗВИТИЕ БРАТСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ БССР И НРБ
 В 70-е гг.**

Неотъемлемым достоянием укрепления единства и могущества содружества стран социализма является нерушимая дружба и всестороннее сотрудничество между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что «отношения между государствами истари назывались международными. Но лишь в наше время, в мире социализма, они действительно стали отношениями между народами. В них непосредственно участвуют миллионы и миллионы людей. Это, товарищи, принципиальное завоевание социализма, его великая заслуга перед человечеством»¹.

Значительный вклад в развитие дружественных связей между белорусским и болгарским народами вносит многотысячный актив Белорусского отделения Общества советско-болгарской дружбы. 30 мая 1961 г. состоялась учредительная конференция. В качестве коллективных учредителей выступили Минский станкостроительный завод им. С. М. Кирова, колхоз «Рассвет» Кировского района, Комитет молодежных организаций БССР, Республиканский совет профессиональных союзов, Белгосуниверситет им. В. И. Ленина². В состав избранного правления вошли представители партийных, советских, профсоюзных, государственных органов, промышленных

предприятий, колхозов, творческих организаций. Председателем правления Белорусского отделения ОСБД с момента основания является министр высшего и среднего специального образования БССР Н. М. Мешков.

В настоящее время Республиканское отделение объединяет Могилевское областное отделение и 26 первичных организаций, в числе которых Минское производственное объединение «Тракторный завод им. В. И. Ленина», минский часовой завод «Луч» и др.³

Основной задачей деятельности Белорусского отделения ОСБД является всемерное содействие развитию и углублению братской дружбы между советским и болгарским народами. Оно систематически проводит работу по ознакомлению белорусской общественности с успехами болгарского народа в строительстве развитого социалистического общества.

Значительно активизировалась деятельность отделения ОСБД по проведению массово-политических мероприятий в связи со 100-летием освобождения Болгарии от османского ига (1977—1978), 30-летием подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ (1978), месячником советско-болгарской дружбы, посвященным 35-й годовщине социалистической революции в Болгарии (1979). Юбилейным датам посвящаются торжественные собрания представителей общественности республики, научные сессии, читательские конференции, вечера дружбы, фото- и книжные выставки, кинофестивали, викторины, встречи с представителями братского болгарского народа, совместные концерты мастеров искусств, встречи комсомольцев и молодежи предприятий с болгарскими студентами, обучающимися в Минске. Так, к примеру, среди многих мероприятий в Минском технологическом институте им. С. М. Кирова было проведено более двадцати бесед и лекций, посвященных 35-летию социалистической революции в Болгарии⁴.

1300-летию Болгарского государства была посвящена научная сессия сотрудников Белгосуниверситета им. В. И. Ленина и Института истории АН БССР, VIII студенческая научная конференция. Был прочитан цикл лекций об исторических связях белорусского и болгарского народов, об успехах НРБ в социалистическом строительстве. Экспонировались выставки, проведен курс «Знаете ли вы Болгарию?»⁵

В 1981 г. Белорусское отделение ОСБД организовало и приняло участие в мероприятиях, посвященных 90-летию Бузлуджанского съезда, заложившего основы революционной марксистской партии болгарского пролетариата, 70-летию со дня рождения видного деятеля международного коммунистического движения, Генерального секретаря ЦК БКП, председателя Государственного совета НРБ Тодора Живкова.

Свою работу отделение проводит в тесном контакте со Всенародным комитетом болгаро-советской дружбы⁶. Белорусское отделение осуществляет постоянную связь с Бургасским, Варненским, Велико-Тырновским, Врачанским, Габровским, Ловечским, Плевенским, Пловдивским, Пазарджикским, Русенским, Сливенским окружными комитетами, Ботевградским, Карловским, Казанлыкским городскими комитетами болгаро-советской дружбы, редакциями журналов «Болгаро-советская дружба», «Славяне», «Болгария», «Отчизна», издательством «Народная культура».

Одной из форм сотрудничества является взаимный обмен материалами о ходе социалистического и коммунистического строительства, о жизни, истории, культуре братских народов. Ежегодно Белорусское отделение ОСБД направляет в адрес Всенародного комитета болгаро-советской дружбы и его окружных комитетов общественно-политическую, художественную, справочно-информационную литературу, иллюстрированные альбомы о Белоруссии и т. д.

В адрес сотрудничающих организаций направляют-ся грампластинки с записью белорусской музыки, комплекты диапозитивов, подборки плакатов, выставки детского рисунка, бюллетень БелОда «Советская Белоруссия сегодня», газеты «Советская Белоруссия», «Знамя юности», журналы «Беларусь», «Работница і сялянка».

По просьбе клуба болгаро-советской дружбы Казанлыкского машиностроительного комбината имени Ф. Энгельса были направлены шкатулка с землей из легендарной Брестской крепости-героя, литература о Минске. В ответном письме, полученном на имя председателя Белорусского общества дружбы и культурной связи с заграницей, говорилось: «Не можем найти подходящих слов, чтобы выразить нашу благодарность за вашу отзывчивость, за внимание к нам. Коллектив считает Минск своим городом-другом. Вместе с популяризи-

рованием присланных материалов мы расскажем об отзывчивости советских людей»⁷.

В 1982 г. Белорусское отделение ОСБД отправило в Болгарию значительное количество материалов, посвященных 100-летию со дня рождения Я. Купалы и Я. Коласа.

В свою очередь республиканское отделение получает от Всенародного комитета болгаро-советской дружбы журналы «Болгаро-советская дружба», «Болгария», «Славяне», «Болгарская женщина», «Театр», газеты «Работническо дело», «Отечественен фронт», «Народная култура» и периодические издания.

Все материалы активно используются республиканским отделением в систематической работе по ознакомлению общественности Белоруссии с жизнью и успехами болгарских трудящихся в строительстве развитого социалистического общества, в выполнении решений XI и XII съездов БКП.

В 1978 г. Белорусское отделение заключило договоры о сотрудничестве с шестью новыми организациями в НРБ, в 1980 г. — еще с тремя⁸. Это явилось выражением крепнущей дружбы, растущего взаимопонимания, интереса к жизни братских народов.

Важную роль в укреплении дружеских связей играет обмен делегациями. С 1976 по 1981 г. Белорусское отделение ОСБД приняло двадцать четыре группы в составе 385 чел.⁹ Болгарские друзья знакомились с передовыми методами труда белорусских предприятий, организацией социалистического соревнования, работой общественных организаций.

В 1980 г. гостями Минского тракторного завода им. В. И. Ленина были члены делегации НРБ во главе с председателем Национального Отечественного фронта Пенчо Кубадинским¹⁰.

В свою очередь в Болгарию выезжают представители Белорусского отделения ОСБД в составе делегаций Союза Советских Обществ Дружбы.

В первой советско-болгарской встрече по дружественным связям областей и городов СССР и НРБ, состоявшейся в Софии, участвовал заместитель председателя правления Могилевского областного отделения ОСБД П. М. Платонов.

Большую работу проводит Могилевское областное отделение общества. 11 июня 1966 г. в Габрово был

подписан договор об установлении дружеских связей между Габровским округом и Могилевской областью. Сотрудничают города и коллективы промышленных предприятий, колхозы, учебные заведения и культурные учреждения. К 1980 г. в области были созданы местные отделения ОСБД на предприятиях, в учреждениях, колхозах и школах¹¹.

Коллективы оказывают друг другу содействие в усовершенствовании технологии, повышении эффективности и качества продукции, во внедрении в производство новинки науки и техники. Между родственными предприятиями Могилевской области и Габровского округа были заключены договоры о социалистическом соревновании, установлены специальные призы для победителей. Это могилевский завод «Электродвигатель» и габровский электротельферный завод «Подъем», Бобруйский завод им. В. И. Ленина и габровский завод «Янтра», Бобруйская фабрика им. Халтурина и мебельная фабрика «Независимость» в Габрово. Широкое развитие получили и культурные контакты.

По инициативе местного отделения ОСБД на заводе «Строммашина» и клуба болгаро-советской дружбы на заводе «Большевик» стал осуществляться обмен производственной информацией, специалистами. Осуществлялось решение научно-технических тем, заключение социалистического соревнования не только между цехами, но и между отдельными рабочими.

При непосредственном содействии местных отделений ОСБД на комбинате им. В. Коларова, на заводах «Подъем», «Ненко Илиев», «Пятиконечная звезда» и других реконструкция и модернизация цехов осуществлялась при непосредственном участии советских специалистов¹².

Большую роль играют местные отделения в планировании социально-экономического развития коллективов, используя при этом материалы побратимов.

Дружественные связи габровцев и могилевчан находят свое выражение в различных формах. Сотрудничество, взаимная помощь, изучение богатого опыта хозяйственного и культурного строительства, которым располагают Габровский округ и Могилевская область, дают хорошие результаты.

Обмен передовым опытом между породненными предприятиями следует рассматривать не только в экономиче-

ском аспекте. Это и процесс всестороннего сближения двух народов, углубление взаимного доверия и взаимопонимания, формирование высокого интернационального сознания. В этом сближении в процессе труда немалую роль играет и созданный совместный клуб передовиков и новаторов производства, а также и утвержденная программа соревнования между Габровским округом и Могилевской областью. Для победителей созданы специальные советские и болгарские призы, которые вручаются коллективам в канун 9 сентября и 7 ноября.

Расширение массовой базы отделения помогает вовлекать в работу все более широкие слои общественности республики. Успешному решению многих задач, стоящих перед республиканским отделением, способствует то, что оно в своей работе опирается на помощь партийных органов, советских, государственных, общественных организаций, творческих союзов, многих активистов.

Белорусское отделение ОСБД всемерно содействует развитию прямых производственных связей и интернационального социалистического соревнования между трудовыми коллективами БССР и НРБ, обмену передовым производственным опытом.

В 1979 г. за плодотворную работу по развитию советско-болгарской дружбы десять активистов Белорусского отделения ОСБД были награждены Почетными грамотами ССОД. В 1981 г. в связи с 20-летием отделение было награждено Почетной грамотой Всенародного комитета болгаро-советской дружбы¹³.

В настоящее время правление, активисты ОСБД видят свою задачу в дальнейшем совершенствовании многогранной деятельности первичных организаций по укреплению дружбы и сотрудничества с братским болгарским народом.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 6.

² Мельцер Д. Б. Белоруссия и Болгария, дружба вечная, нерушимая.— Мн., 1981, с. 205.

³ Текущий архив Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами (Бел.ОД).— Д. Народная Республика Болгария, 1981.

⁴ Текущий архив отделения Общества советско-болгарской дружбы Минского технологического института им. С. М. Кирова.— Д. Материалы о дружественных связях с НРБ, 1980.

⁵ Беларускі ўніверсітэт, 1981, 3 снежня.

⁶ Текущий архив Всенародного комитета болгаро-советской дружбы.— София, 1981.

⁷ Текущий архив БелОДа.— Д. Народная Республика Болгария, 1981.

⁸ Текущий архив Габровского окружного комитета болгаро-советской дружбы.— Габрово, 1981.

⁹ Текущий архив БелОДа.— Д. д. 1976—1981.

¹⁰ Текущий архив БелОДа.— Д. Народная Республика Болгария, 1980.

¹¹ Подсчитано по данным: Текущий архив Могилевского областного отделения ОСБД.— Д. Материалы о дружественных связях с НРБ, 1966—1980; Текущий архив Облсовпрофа.— Д. НРБ, 1966—1980.

¹² Текущий архив Габровского окружного комитета болгаро-советской дружбы.— Габрово, 1981.

¹³ Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

I. МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Радькова О. Г. Борьба революционных германских социал-демократов за марксистскую парламентскую тактику (90-е гг. XIX в.)	3
Кошелев В. С. Берлинский центр египетских национал-патриотов (1914—1924 гг.)	11
Трухнов Г. М. Революционные бои в Германии и Веймарское национальное собрание (1919 г.)	19
Гаранин Л. Н. Борьба пролетариата Магдебурга с реакцией (весна 1919 г.)	26
Титова А. А. Вопрос об аграрной реформе в польском сейме в первой половине 1925 г.	30
Шестакова Т. Л. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии	36
Космач Г. А. Поражение правооппортунистического уклона в Компартии Австрии (1928—1929 гг.)	45
Магали Росельо Йерго. Рабочее движение на Кубе в период мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.)	53
Бадюкова Т. А. Декларация прав молодого поколения Польши (из истории антифашистской борьбы молодежи Польши в 30-е гг.)	63
Шупляк П. А. Германские профсоюзы накануне установления фашистской диктатуры в стране (декабрь 1932 — январь 1933 гг.)	67
Варивончик И. В. Национально-революционная война в Испании и британское рабочее движение	75
Канашевич Н. М. Из истории борьбы Компартии Венесуэлы за создание широкой коалиции антиимпериалистических сил (1971—1973 гг.)	83

Долгучиц Е. А. О консолидации антимонополистических сил страны после XXII съезда Коммунистической партии США	91
Писарев В. М. Повышение роли СЕПГ — выражение растущего влияния рабочего класса в социалистическом обществе ГДР	100

II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Шнеерсон Л. М. Культуркампф и внешнеполитические планы Бисмарка (некоторые аспекты)	109
Бабков А. М. Ограбление кайзеровской Германией лесных богатств Белоруссии в годы первой мировой войны	117
Слижевская И. А. Планы чешских буржуазных кругов и Германия в начальный период первой мировой войны	124
Бровкин Е. А. Пакт Келлога и Польша	131
Харитонович И. М. Буржуазная Польша в антисоветских планах Англии (1924—1927 гг.)	138
Лазько Г. Г. Польско-французское соглашение о займе 1936 г.	144
Мельцер Д. Б. К вопросу о заключении болгаро-советского торгового договора (1940 г.)	153
Новикова Е. И. Вклад БССР в развитие советско-французского культурного сотрудничества	161
Царюк Н. А. Вклад белорусского отделения Общества советско-болгарской дружбы в развитие братских связей между БССР и НРБ в 70-е гг.	169

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Международное рабочее и освободительное движение Международные отношения в новое и новейшее время

Межведомственный сборник, вып. 10

ИБ № 695

Редактор И. Н. Пармон. Художник В. Л. Милевский. Художественный редактор Р. В. Кондрад. Технический редактор В. П. Безбородова. Младший редактор С. Е. Гоман. Корректор Л. В. Лебедева

Сдано в набор 08.12.82. Подписано в печать 09.02.83. АТ 08526. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,55. Уч.-изд. л. 10,24. Тираж 1000 экз. Заказ 1312. Цена 1 р. 50 к.

Издательство БГУ им. В. И. Ленина Минвуза БССР и Госкомиздата БССР. 220048. Минск, проспект Машерова, 11.
Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041. Минск, Ленинский проспект, 79.

